

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

A stylized, handwritten signature in black ink. The signature is composed of a few fluid, connected strokes, with a prominent loop at the top and a long, sweeping tail that extends to the right.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Камиль Зиганшин

ТАЁЖНЫМИ ТРОПАМИ

Повести

Художник С. Яровой

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-59

Вступительная статья
Л. ЗВОНАРЁВОЙ

Зиганшин К. Ф.

З-59 Таёжными тропами : повести / Камиль Зиганшин ; [вступ. ст. Л. Звонарёвой] ; худож. С. Яровой. — М. : Дет. лит., 2021. — 348 с. : ил. — (Школьная библиотека).

ISBN 978-5-08-006756-3

В сборник писателя-натуралиста, защитника животных, неутомимого путешественника Камиля Зиганшина вошли три повести: «Маха, или История жизни куницы», «Боцман, или История жизни рыси» и «Щедрый Буге».

Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зиганшин К. Ф., 2021
© Звонарёва Л. У., вступительная статья, 2021
© Яровой С. Д., иллюстрации, 2021
© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2021

ISBN 978-5-08-006756-3

РЫЦАРЬ ЛЕСА

Лишь немногие люди понимают, что тайга — это живое существо с чуткой и благодарной душой, наделяющей полюбившего её человека способностью по-настоящему видеть и чувствовать её красоту.

Камиль Зиганшин

Перед вами книга писателя-натуралиста, защитника животных, путешественника Камиля Фарухшиновича Зиганшина. Он родился в 1950 году в посёлке Кандры Туймазинского района Башкирии, в семье кадрового офицера. Детство и юность прошли в военных городках, разбросанных по самым глухим таёжным уголкам Хабаровского и Приморского краёв.

В жизни будущему писателю довелось освоить немало самых разных профессий. В летние каникулы побывать рабочим в геологических партиях, возглавляемых его дядей. Поработать электриком в морском порту Владивостока, матросом 2-го класса на кито-

бойце «Вольный», кочегаром, регулировщиком телевизионной аппаратуры. Но по первой профессии он инженер. После окончания в 1973 году Горьковского политехнического института Камиль получил направление в объединение «Башнефть» на должность старшего инженера радиосвязи. Интересная, хорошо оплачиваемая работа. Казалось бы, что ещё надо? Но к 1975 году тоска по Уссурийской тайге достигла такой силы, что Камиль уволился и четыре сезона проработал штатным охотником в Лазовском госпромхозе Хабаровского края.

И всё-таки главным призванием Камиля Зиганшина можно считать *«налаживание связи»*. Он связывает наши души и сердца с повседневной жизнью тайги. Помогает понять, узнать и полюбить её четвероногих и крылатых обитателей, да и весь подвижный, наполненный напряжённой жизнью лесной мир.

Оказавшись в Гвасюгах — удэгейском стойбище, он хорошо узнал быт, обычаи и традиции этого малочисленного лесного народа. Всею душой полюбил добросердечных и отзывчивых людей, для которых тайга — дом родной.

В отрогах Сихотэ-Алиньского хребта за ним был закреплён промысловый участок площадью тысячу квадратных километров. На нём, среди корейских кедров, угрюмых елей и маньчжурского ореха, обвитого лианами дикого винограда и лимонника, обитали не только изюбри, кабарожки, гималайские медведи, харзы, пятнистые олени, соболя, рыси, но и амурские тигры.

Вечерами, сидя на кабаньих шкурах в зимовье у жаркой жестяной печурки, во время неторопливых бесед с бывалыми охотниками, Камиль учился «читать» «таёжную книгу», чтобы понимать поведение диких животных. Незаметно и сам он стал думать и чувствовать «по-звериному», смотреть на всё происходящее их глазами.

В этом деле он достиг такого мастерства, что во время последнего промыслового сезона укоризненный взгляд смертельно раненной грациозной косули, словно кричащий: «За что?..», перевернул сознание будущего писателя. С того дня он дал обет и ни разу не охотился. Более того, к охоте стал испытывать отвращение.

Если бы меня попросили назвать ключевое слово, заложенное писателем в таёжные истории, я бы, не задумываясь, ответила — «любовь». Зиганшин стремится донести до читателей, в первую очередь до детей, мысль о том, что звери такие же полноправные обитатели планеты и ни у кого нет права делить их на полезных или подлежащих истреблению.

Отвечает любовью автору и сама Уссурийская тайга. В этом нет сомнения, когда прочтёшь повести о судьбе отважной рыси, о приключениях маленькой куницы и благородстве амурских тигров.

Кто такой таинственный «Щедрый Буге», чьё имя писатель дал одной из повестей? Оказывается, это стремительный горный ключ, левый приток реки Хор в Хабаровском крае, на берегу которого

находилась промысловая зимушка Камиля Зиганшина.

В этой увлекательной повести читатель, шаг за шагом познавая азы «таёжной азбуки», вместе с автором приходит к пониманию, что не всё поведение животных, домашних и диких, объясняется инстинктами. Они... мыслят! Примитивней, чем люди, но мыслят! У каждого из них свой неповторимый характер, свои привычки. А жизнь иных сообществ организована столь гармонично и целесообразно, что неплохо бы и нам, людям, поучиться.

В повести «Боцман, или История жизни рыси» мы восхищаемся красотой и отвагой рыси с живописными седыми бакенбардами, поражающей даже бывалых охотников природной мощью и тонкой интуицией. Мир тайги живёт по своим законам. Зачастую они оказываются справедливее негласных правил, царящих среди людей. С бессмысленной человеческой жестокостью столкнулся и Боцман, пленённый жителями таёжной деревни.

Увы, сознание людей искажено рассказами о кровожадности диких зверей. Прожив в тайге несколько лет, Камиль Зиганшин показывает: звери не агрессивны. Более того, они очень боятся людей и могут напасть на человека в крайнем случае: лишь защищая свою жизнь, жизнь своих детей, свою добычу или же мстя за прошлые обиды. Боцман же приходит в деревню, чтобы освободить свою томящуюся в заключении подругу.

На протяжении повести следуем мы за великолепной рысью, наблюдая за перипетиями лесной

жизни и поединком Боцмана с охотниками. И снова потянется он к людям, но уже, ослепший после удара молнии, искать помощи у когда-то выходившего его человека. Непросты, неоднозначны отношения между миром людей и миром дикой природы...

С обаятельной, изящной куничкой Махой (главной героиней повести «Маха, или История жизни кунички») мы знакомимся в год её рождения в глубоком просторном дупле. Радует первую удачную самостоятельную охоту осиротевшего зверька. А прощаемся в финале повести, когда уже опытная и страдавшаяся Маха обосновывается в плотной кроне покорёженной ели, в покинутом беличьём гнезде, где готовится стать матерью. Природный круг замкнулся, но сколько опасностей пришлось преодолеть до этого маленькому, грациозному зверьку к моменту появления собственных малышей.

Проза Зиганшина покоряет и очаровывает живописными картинками природы, прекрасным знанием повадок зверей и, что немаловажно, напряжённым сюжетом.

Даже знаменитого русского прозаика Валентина Григорьевича Распутина «поразила сочность и красочность языка Камиля Зиганшина». А всенародно любимый Николай Николаевич Дроздов в своём отзыве написал: «Проза Камиля Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, а, наполненные добротой и талантом художника, живут, дышат и разговаривают, пытаются

донести до читателя простую мысль: человек не царь Природы, а лишь её часть, и, если честно, не лучшая».

Многогранен талант Камиля Зиганшина. Собирая материалы для своих книг, он постоянно в пути. Его маршруты проходят не только по труднодоступным уголкам России (Полярный Урал, Якутия, Камчатка), но и по редко посещаемым странам планеты. В 2011 году, участвуя в кругосветной экспедиции «Огненный пояс Земли», он прошёл все страны Северной и Центральной Америки. Вернувшись в Уфу, где живёт последние сорок пять лет, описал путешествие, потребовавшее немалых сил и смелости, в книге «От Аляски до Эквадора» (2015). А в 2020 году свой семидесятилетний юбилей седовласый прозаик встретил на самой высокой вершине азиатской части России — горе Белухе, что на Алтае.

Немало хороших книг создал Камиль Фарухшинович Зиганшин. Многие из них не раз отмечались компетентным жюри, признававшим и актуальность разработанных тем, и выразительность языка. За произведения для детей и юношества в 2019 году его творчество отмечено премией Президента РФ в области литературы и искусства.

В дружной семье Камиля и Татьяны Зиганшиных росло пятеро детей. После трагической гибели сына Олега супруги в память о нём учредили в 1993 году «Республиканский фонд защиты диких животных» и стали проводить научно-практические конференции и конкурсы с красивым и многозначным названием «Рыцарь леса». «Наш фонд объеди-

няет тех, кому не безразлична судьба диких животных и сохранность среды их обитания, — пишут учредители. — К счастью, любовь эта не пассивно-созерцательная, а активная, подтверждённая конкретными делами. Делами, которые зачастую требуют немало сил и мужества, а порой и жизни.

Престижная премия и почётный нагрудный знак «Рыцарь леса» вручаются охотинспекторам, егерям, лесникам, задержавшим наибольшее число браконьеров; журналистам и писателям за лучшую публикацию о защите природы.

Сам Камиль Зиганшин в таёжных повестях неизменно остаётся подлинным рыцарем леса. Нет, совсем не *«меньшими братьями»* считает писатель своих четвероногих и пернатых героев. Зачастую они оказываются честнее и добрее отрицательных персонажей его произведений — людей, опьянённых жаждой наживы или мстительным порывом.

Мы радуемся за чудом спасшуюся из капкана Маху, чувствуем отчаяние тяжело раненного Боцмана. У каждого из них своя жизнь, своя семья. И всё же почему-то считаем себя вправе одним выстрелом распоряжаться их *жизнями*. Ведь мы не растим, не кормим диких зверей, не ухаживаем за ними.

На этот вопрос каждому из нас предстоит дать собственный ответ.

Если ты, дорогой читатель, уже полюбил прекрасные книги о животных Эрнеста Сетона-Томпсона, Джека Лондона, знатоков «природоведения» Николая Сладкова, Виталия Бианки, Михаила Пришвина,

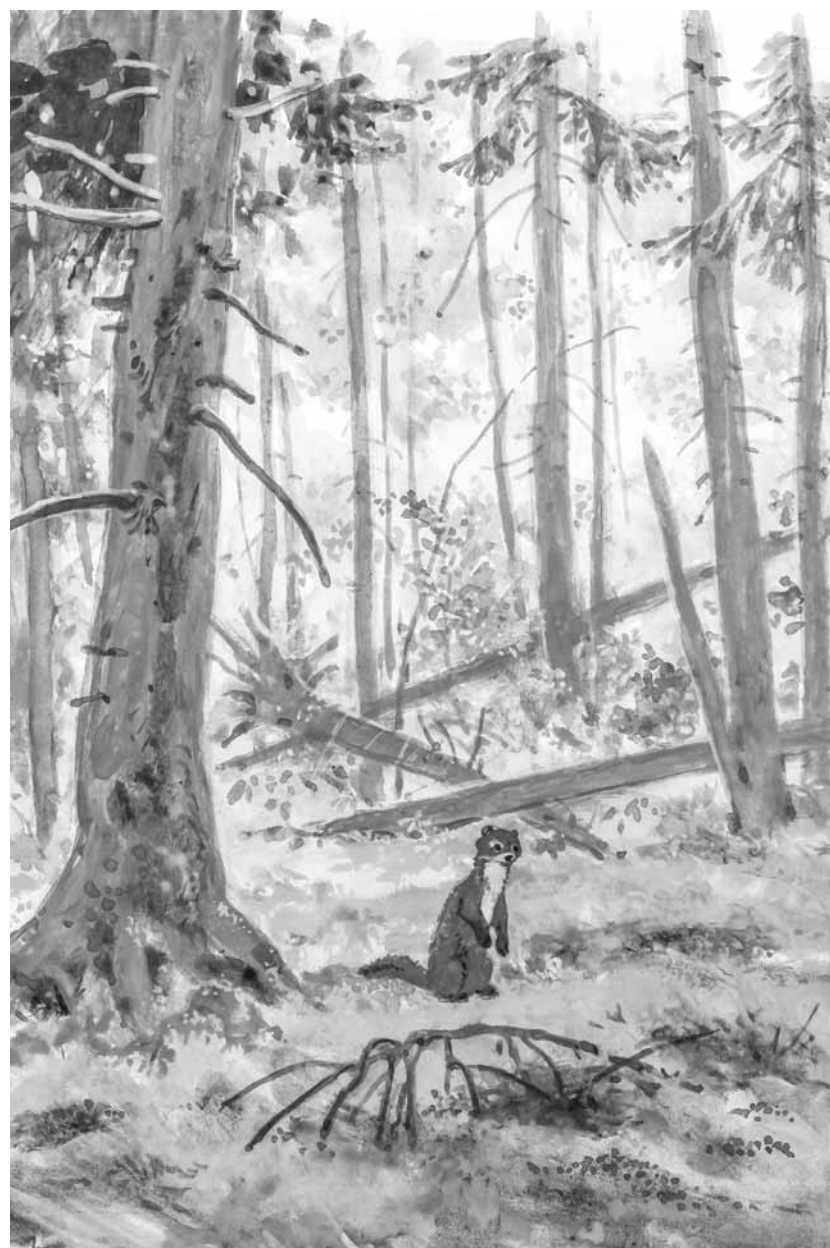
то рядом с ними обязательно поставишь на полку сборник Камиля Зиганшина «Таёжными тропами», органично соединяющий увлекательный, приключенческий сюжет с уникальным знанием тайги и её обитателей.

Лола Звонарёва
доктор исторических наук,
действительный член Российской
академии естественных наук,
секретарь Союза писателей Москвы

**МАХА,
или
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ**

Повесть

1

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо ещё слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая большую голову, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок. Остальные, словно по команде, поднимали дружную возню и следовали его примеру.

Накормив несмышлёнышей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студёной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство взволнованно сопело, попискивая, тянулось к матери и успокаивалось, блаженно почмокивая.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днём густели. На головках потешно затопор-

щились треугольные ушки. Вскоре прорезались чёрные глазёнки, и малыши всё чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий сверху лаз. Через него врывались незнакомые, будоражащие запахи, доносился невнятный шум тайги.

Самая маленькая, но в то же время и самая подвижная кроха — Маха — уже не единожды пыталась дотянуться до кромки лаза, чтобы глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала её вниз.

В дупле становилось тесно. Наконец настал день, когда куница сама вывела малышей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя одобрительным поуркиванием смелых и подталкивая лапой робких. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, кунята потихоньку спустились на землю. С интересом огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею накануне.

Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула её к малышам. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный испуг прошёл, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушиную голову лапкой. Та покатилась с бугорка в траву, и осмелев-

шие кунята дружно кинулись за «убегавшей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвои, шалуны часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубки, устрашающе уркали на «врага» и, шлёпнувшись вниз, затаивались в траве. Затем, пластаясь по земле, выслеживали «дичь», мгновенно вскидывались и опрокидывали её на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу боли.

Маха уже не ощущала слабости в лапах. Приобрела быстроту и точность движений. Несмотря на изящное и, казалось, хрупкое телосложение, она была заводилой всех потешных потасовок, не только достойно отбиваясь от более рослых братьев, но и с завидной ловкостью сама атакуя их при каждом удобном случае.

Убегая в пылу игры всё дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро они уяснили, что мелкие, но голосистые птахи, шустрые бурундуки, доверчивые рябчики, проныры-мышки не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подрастающей детворе для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не терпелось узнать, что скрывается в примыкающих к нему

непролазных зарослях черёмухи, но она не решалась покидать обжитые пределы.

Однажды, на исходе тёплого, тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха всё же набралась смелости и шагнула в таинственную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка слышала глухой шум. Сквозь ветви блеснул упругий поток, падавший с двухметрового уступа. Кипевшая в каменном котле вода гоняла крутые буруны, закручивала глубокие подвижные воронки. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей успокаивался, раздавался вширь и лениво струился мимо живописных заводей. На зеркальной глади мигали круги от жирующей рыбы, царственно колыхались листья стрелолиста, плавали утки, лихо скользили между хлопьев пышной пены водомерки. В тёплой воде песчаных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебежали с места на место длинноносые кулички.

Маленькая путешественница заворожённо разглядывала новый открывшийся мир. Вдруг неведомое прежде чувство предупредило её об опасности. Обернувшись, она увидела злые, колющие глаза незнакомого зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку своё потомство, она выбралась из подземного убежища на разведку. Глядя в упор, норка с воинственным стрекотом бросилась на куничку. Бедняжка попятилась, затравленно оглядываясь:

куда деваться? Позади вода, а впереди — ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невообразимом прыжке перелетела через голову окаменевшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погружённого в лёгкий туман, разбудила не птичья разноголосица, а громкие грубые голоса. Встревоженная куница-мать выглянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками, связками ремней и верёвок. Шествие возглавлял лопоухий пёс.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно намеченной сосне делать бортъ*¹ для нового роя диких пчёл. Подойдя к дереву, один из них начал привычно взбираться по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жёсткой полудугой охватывавший золотисторыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чуя беду, припала к подстилке. Настороженно, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось малышам. Они притихли и сбились в кучу.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от страха. Охри-

¹ Объяснение слов, отмеченных знаком *, см. в словаре на с. 344—349.

стая древесная пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

Тем временем верхолаз обнаружил дупло. Он сунул в него руку и, коснувшись мягкого пуха, непроизвольно отдёрнул её, но было поздно. Как ни силён был страх куницы перед человеком, великий инстинкт материнства оказался сильнее: сделав молниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в палец бортника.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку с вцепившейся куницей и стряхнул её резким, энергичным взмахом прямо к лапам подскочившей собаки.

Грудастый кобель прижал куницу к земле, пастью схватил поперёк тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяина, перекусил позвонки.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо побряхтел и убрал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу поплотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дно дупла. Кунята, уворачиваясь от болезненных уколов, тонко верещали. Бортник надел на руку выдавшую виды шляпу и, действуя ею, как клешней, поочерёдно выудил из гнезда и засунул в мешок трёх отчаянно извивающихся малышей.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они присмирели и успокоились.

Оживлённо обсуждая непредвиденную охоту, бортники поставили на стволе тамгу́ — родовой знак в виде двойного угла и ушли восвояси, довольные тем, что так быстро обзавелись новой бортью (обычно её приходится вырубать целый день), а заодно избавили трудолюбивых пчёл от опасных соседей: все куницы обожают мёд и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалёку зверофермы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в одну из выщербин внутри дупла и не шелохнувшись присидела так до захода солнца.

Всё это время её никто не беспокоил. Маха осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решила выглянуть. Небо было ещё прозрачным и просторным, но в тайге уже сгустились сумерки. Осмотревшись и не приметив ничего подозрительного, Маха опасно спустилась на землю.

Над травой толклась мошкара, зло звенело комарьё; пискнула и неслышно исчезла во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц — в лесу всё шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный носик Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась ещё больше. Упорно рыскала она между переплетений обнажённых корней, но не находила иных следов. Невыносимая тоска и отчаяние охватили осиротевшее существо.

Внезапно Маху обдало воздушной волной и жгучая боль пронзила бок. Над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-чёрным макушкам сосен промахнувшийся филин. Куничка запоздало шарахнулась в сторону и помчалась напропалую вниз по косогору, прочь от страшного места. Вслед жутко заухал раздражённый неудачей налётчик.

Прыгая через валежины*, пни, рытвины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, Маха выбилась из сил. Мокрая, исхлёстанная ветвями, в изнеможении забралась она под выворотень, отдышавшись, зализала горевшую огнём рану, обессиленно вытянулась и уснула.

Выкатившийся на уже поголубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву, заиграли радужными искорками водяного бисера, нанизанного на тонкие нити паутинок.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал в полную силу. Лежав-

шую ничком Маху разбудил шорох — это припозднившаяся ежиха с вереницей ежат продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из-под выворотня на куничку неприветливо поглядывал паук. Между корней тяжко ворочался, поблёскивая матовой бронёй, жук-олень. Однако всё это не интересовало Маху. Она с щемящей тоской вспоминала мать и весёлых, задиристых братишек. Где они сейчас? Что с ними? Кругом витает столько запахов, но все чужие, незнакомые.

От перенесённого потрясения и изматывающего бега Маха даже после отдыха имела жалкий вид. Мышцы всё ещё подёргивались, кровь на боку запеклась, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на бегающие по дну говорливого ручья солнечные блики, она ощутила нестерпимую жажду и голод. Жажду утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное ей не удалось. Наконец после долгих поисков Маха заметила прошмыгнувшую в норку остромордую мышку. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные чёрные глазки алчно заблестели, по шубке словно пробежал электрический ток, мышцы напряглись, вновь наливаясь силой.

Маха вспомнила, как мать в таких случаях затаивалась у входа и не шевелясь поджидала появления хозяйки норы. Теперь маленькая куница сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. И когда ничего не подозревавшая

мышь выбралась на свет, Маха придавила её к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву, до тех пор пока та наконец не стихла. Опьянённая кровью куничка в восторге несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы её победу мама!

Так закончилось детство и началась самостоятельная жизнь Махи.

Утолив голод, воодушевлённая успешной охотой куничка взобралась на скалистую террасу. Надо было оглядеться и решить, оставаться тут или искать для жительства более подходящее место.

Перед ней простиралась межгорная впадина, окружённая пологими увалами* с запада и зубчатой цепью гор с востока. С их ломаных граней, поросших кудрявыми соснами и островерхими елями, стекали светло-серыми языками каменные осыпи. Широкое дно впадины покрывал лиственный лес, разделённый блестящей извилистой нитью ручья на два неровных ломтя.

Учуяв на спуске с террасы метки других куниц, неопытная Маха решила, что и ей тоже можно здесь поселиться, и устроилась отдыхать в дупле сучковатой старой ели.

Когда освежённая сном куничка выглянула наружу, то увидела в закатных лучах солнца рыжую акробатку-белку. Та раскачивалась на ветке соседнего дерева, ухватившись за неё одной лап-

кой, затем легко перевернулась в воздухе колесом и помчалась вверх по стволу.

С завистью провожая её взглядом, Маха рассматривала на стоящей неподалёку берёзе искусно сплетённую чашу гнезда. Перепрыгнув ближе, обнаружила в нём голубоватые яйца. Подлётевший зяблик с криком заметался, заporхал вокруг, но был не в силах остановить грабительницу. Прокусывая скорлупу, Маха, жмурясь от удовольствия, выпивала содержимое. С этого дня она уже не упускала возможности полакомиться яйцами, а порой и птенцами.

Правда, не всегда её набеги оставались безнаказанными: приметив как-то гнездо горлицы и убедившись, что хозяев нет, Маха спрыгнула к небрежно сооружённому из сухих веточек гнезду-настилу. Два писклявых пуховичка, широко раскрыв клювы, настойчиво требовали пищи. Куничка не успела даже протянуть вооружённую когтями лапу, как на неё налетел крылатый вихрь. Яростные, болезненные удары клюва по темени сразу остудили охотничий пыл Махи. Спасаясь, она поспешила укрыться в густом кустарнике.

2

Время шло. Повзрослевшая куничка узнала, где находятся излюбленные места кормёжки рябчиков, куда улетают они отдыхать на ночь, какая куча хвоста изобилует мышами, в каком ельнике обитают белки, под какими пнями

вырыты норки бурундуков. Изучила повадки своей добычи. Научилась ловить и быстро расправляться с ней. В её движениях появились непринуждённая лёгкость и грация. В характере — выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако нападать на них пока не решалась.

Однажды куничка обнаружила хорошо натопанную тропинку, которая вывела её в небольшую котловину, заросшую чернолесьем. Перебежав через болотину, Маха поднялась на сухой взлобок, покрытый оспинами свежих ямок, выветрившимся помётом, обломками покусанных веток и обглоданными костями. Чуть дальше, между отполированных снизу стволов, резвились большеголовые волчата.

Маха смекнула, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедленно повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала, что тропинкой уходить не следует. Взобравшись на расщеплённую ветром ольху, куница пошла вёрхом и благодаря этому избежала встречи с матёрым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Всё реже и реже спускалась куничка на землю, где на каждом шагу подстерегали опасности. Только на деревьях, в зелёном пологе леса, Маха чувствовала себя уверенно. Птицы и белки, обитавшие здесь, завидев её, поднимали тревожный гвалт и в панике разлетались, разбегались кто куда.

...Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило жёлто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подёрнулась нежным пушком. Ощущение одиночества и беспомощности прошло. Маха стала полновластной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха, не обращая внимания на вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль ключа к отлогому берегу реки, куница услышала треск и густой шум листвы падающего дерева. Маха встрепелась и, мигом взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть место, откуда донёсся шум, но частая листва скрывала от неё низкий берег.

Размашисто прыгая по ветвям, куница перебралась поближе. Слабый ветер мягко шелестел листвой и скрадывал шум прыжков.

На краю узкой прибрежной гривки, сплошь заросшей тальником*, над поваленным деревом горбились чёрные силуэты — два солидных бобра сосредоточенно объедали молодую сочную кору осины. В глубине леса под чьей-то неосторожной лапой хрустнула хворостина. Пугливые звери мгновенно встали столбиками. Настороженно огляделись. И, более полагаясь на слух,

чем на зрение, нырнули в заводь, предупреждая остальных членов колонии об опасности мощными и хлесткими, как выстрел, ударами чешуйчатых хвостов о воду. Брызги взметнулись ввысь, и отраженный лик луны разлетелся на желтые осколки.

Лес ответил ещё большим переполохом. Какой-то, скрытый непроглядной тьмой, таёжный исполин, с оглушительным треском тараня глухолесье, понёсся прочь. Шум быстро распространялся вширь, но, удаляясь вглубь чащобы, постепенно стих. Зато в заводи завозился кто-то большой, могучий.

Приближался рассвет. Река облачалась в молочные одеяния. Ели на противоположном берегу постепенно таяли в волнистой мгле. Вскоре лишь верхушки самых высоких торчали из тумана, точно молоденькие ёлочки на заснеженном поле. От воды дохнуло промозглой сыростью. Зябко передёрнувшись, Маха побежала было по откосу на сухое продуваемое взгорье, как вдруг в глубине кроны ближней берёзы бестолково захлопал крыльями рябчик.

Куница сноровисто вскарабкалась по гладкому, в чёрных отметинах стволу к спящему выводу. Цапнула подвернувшуюся курочку, но, не удержавшись на ветке, неуклюже шмякнулась вместе с добычей на землю. От сильного удара она разжала коготки и выпустила рябуху. Той бы сразу взлететь да раствориться в лесных крепях*. Ан нет! Глупая тоненько запищала и,

путаясь в траве, суматошно засеменила прочь. Маха настигла её одним броском.

Подкрепившись, куничка перешла через ручей по поваленной лесине*, как по мостику, и чутко обернулась: в её сторону бежала пара куниц. Махе и прежде попадались их следы, но она инстинктивно избегала встречи с соседями.

Увидев незваную гостью, парочка негодующе застрекотала. Несдобровать бы Махе, если б не отчаянное бегство. Разъярённые хозяева настырно преследовали её до тех пор, пока не выдворили за пределы своей вотчины.

Выскочив на усеянное крупной галькой ложе реки, Маха припустила без оглядки вверх по стиснутому крутобокими сопками* сухому руслу.

Гонимая паническим страхом, она уходила всё дальше и дальше. За спиной уже осталось немало кривунов и скалистых прижимов*, когда до неё донёсся мощный гул. Маха ещё долго бежала, прежде чем увидела глубокий разлом-колодец, в котором с рёвом, дымясь летучей моросью, бесследно исчезала река.

Взобравшись по груде каменистой осыпи на лесистую кручу, Маха заметила сквозь просветы между ветвей планирующего к основанию пушистой лиственницы небольшого зверька в серой бархатистой шубке. Это была безобидная белка-летяга. Куница бросилась к комлю дерева в расчёте перехватить её на месте посадки, однако летяга в последний миг выполнила

замысловатый вираж и пристволилась метрах в шести. Но не успела она вскарабкаться и до середины ствола, как её всё-таки настигли клыки шустрой разбойницы.

Осваивая новые владения, Маха набрела на затерявшееся в горах озерцо. И сразу же в зарослях осоки взяла свежий след жировавших беяков. Зайчиха, пытаясь отвести от потомства нависшую беду, сделала три гигантские смётки в сторону и с силой забарабанила передними лапами о землю. Но поздно: Маха уже учуяла затаившихся малышей. Играючи поймала и тут же съела одного из них. Насытившись, стала великодушной и остальных, разбежавшихся в суматохе, разыскивать поленилась.

Незаметно пролетело лето. Вот уже первый заморозок, возвещающий о скором увядании природы, выбелил травы и запалил по склонам сопок многоцветные костры. На изумрудном хвойном поле, усеянном плотными смолистыми шишками, жёлтым пламенем запылали берёзы, оранжевым — осины. Яркими мазками заалели гроздья рябины, плоды шиповника. Во мху под елями сочно краснела брусника. Зазывающе кокетливо кивали рогатые букетики лецины. Колонии опять сплошь покрыли пни и валежины. Все обитатели леса жировали на богатых кормах, готовясь к длинной зиме.

Маха частенько посещала излучину реки, густо заросшую черёмухой. Однажды, когда она

забралась в самую гущу и принялась с удовольствием поедать остатки вяжуще-сладких ягод, неподалёку кто-то шумно засопел. Маха резко обернулась. На старой разросшейся черёмухе колыхались ветки. Одна из них изогнулась и, описав крутую дугу, замерла между стволов, где на «троне» из веток восседал медведь. Забавно причмокивая и довольно урча, он отправлял в громадную пасть подвявшие черёмуховые кисти. Косолапый не утруждал себя лишними движениями и просто заламывал плодоносные ветки.

Насторожив ушки, время от времени поглядывая на косматого громилу, Маха торопливо набила желудок и, не задерживаясь, вернулась на продуваемый увал...

...День ото дня холодало. Порывистый ветер безжалостно срывал поблёкшие листья. Обгоняя всклокоченные тучи, потянулись на юг, в тёплые края, разномастные птичьи косяки. Привольно жилось теперь Махе в поредевших кронах. Похолодание принесло приятные перемены: исчезли наконец докучливые кровососы. Разоряя по ночам беличьи гнёзда, она всё реже спускалась на землю.

С наступлением темноты тайга оглашалась трубным рёвом. Зычные, басовитые ноты, набирая мощь и силу, звучали слитно, напористо. Накаляясь первобытной страстью, рёв взвивался до трепетно вибрирующих переливов и, не выдерживая напряжения, как бы скалывался, захлёбывался, шумным, сиплым стоном. Тайга и небеса на мгновение замирали и откликались стозвучным эхом. Это благородные олени-маралы*, переселенцы с далёкого Алтая, вызывали соперников на честный бой. Маху их могучий рёв не волновал, но когда он раздался совсем близко, то врождённое любопытство погнало её туда, где на краю опушки, выбеленной луной, ревел красавец бык, горделиво запрокинув на спину ветвистые рога. Белые острые концы отростков угрожающе поблёскивали, словно пики. Рядом мирно паслись три ланки*. Оборвав рёв на низком протяжном стоне, марал от избытка чувств запустил рога в заросли орешника и принялся крутить ими, спутывая ветки в узлы и тут же разрывая их на части.

В это время со стороны сопки слышался нарастающий треск. Маха проворно вскарабкалась на вершину сосны и оттуда увидела, как на открытый пятачок из леса выломился молодой рогач.

Налитые кровью глаза горели, как угли, ноздри трепетали, шерсть на загривке дыбилась. Увидев хозяина гарема, прищелец протрубил ответный вызов, нацелил на соперника острые рога и, изнемогая от ярости, с силой забил копытами о землю. Угроза не подействовала, и тогда он ринулся в атаку, рассчитывая обратить хозяина в бегство, а самому завладеть ланками. Разогнавшись, он попытался боднуть острыми пиками незащищённый литой бок соперника. Но опытный боец отскочил в сторону и ответил точным ударом. Холостяк не устоял, повалился, но, быстро вскочив, вновь разъярённо кинулся на противника. Оглушительный треск рогов то и дело заставлял вздрагивать Маху. Олени, сдавленно хрипя и фыркая, то разбегались, то вновь сшибались и, скрестив рога, топтались по кругу.

Пожухшая трава на месте сражения была уже выбита копытами до земли. Пар поднимался от разгорячённых, почерневших от пота тел. С губ хлопьями слетала кровавая пена.

Статный прищелец горячился, нападал безостановочно, но чувствовалось, что он, несмотря на молодость, выдыхается. Не так стремительны стали атаки. Сам он едва успевал уворачиваться

от ответных ударов. Взмыленные бока ходили ходуном. Розовый язык вывалился наружу; рана на груди кровоточила.

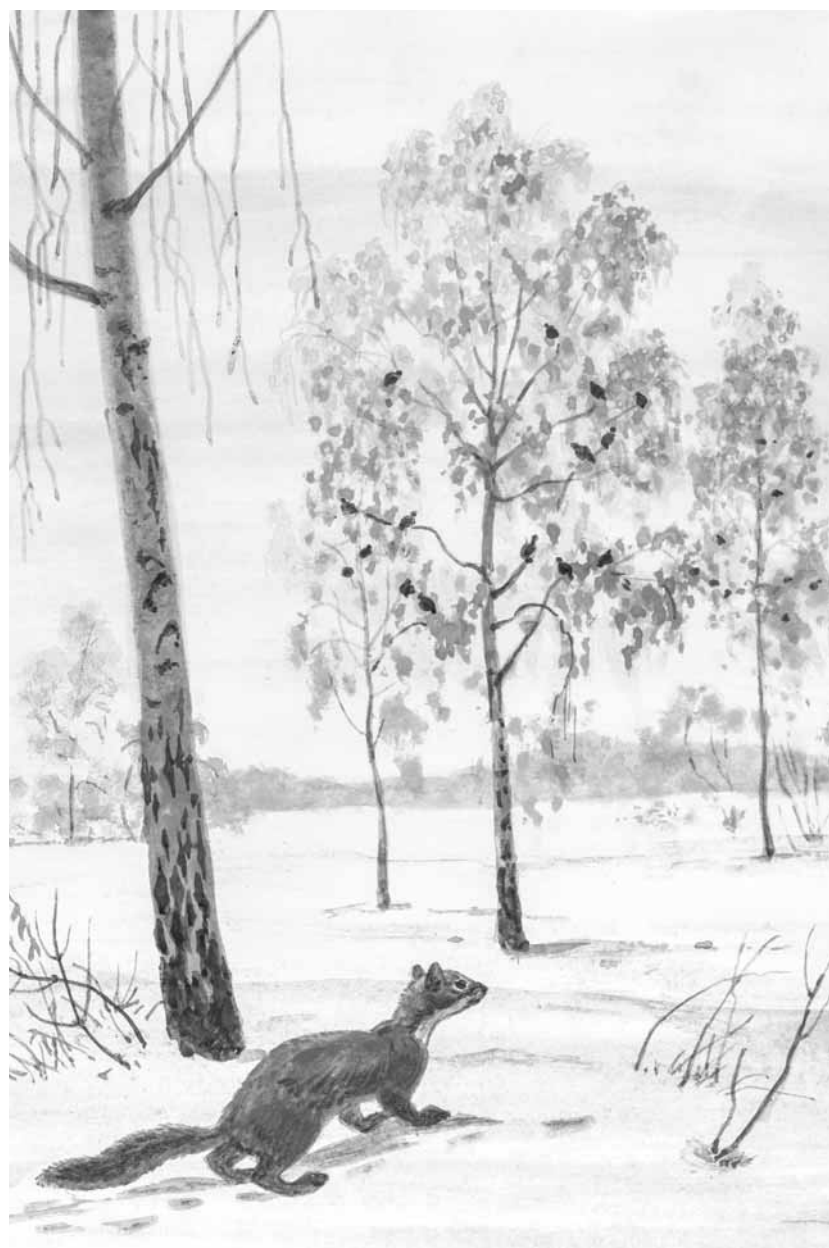
Закалённый в турнирных боях хозяин гарема отбивался хладнокровно. Воспользовавшись тем, что соперник попытался перевести дух, неожиданно мощным броском оттеснил конкурента в кусты и, сделав резкое движение сильной шеей, повалил его наземь. Вскинулся на дыбы. Ещё мгновение — затопчет, иссечёт пришельца острыми копытами, но бессмысленная жестокость не в чести у животных.

Оставив посрамлённого быка, победитель вернулся в общество притихших маралух, оглашая окрестности ликующим победным кличем. Поверженный соперник медленно поднялся и, не оглядываясь, удалился к глухой старице* — зализывать раны и восстанавливать силы, питаясь мясистыми стеблями и корневищами сусáка, элоде́и, рдеста.

3

Дни становились всё короче, а ночи длиннее и холоднее. В тех местах, где ручей замедлял бег, берега уже обметало узорчатым ледком. Пронизывающий ветер обжигал чёрные оголённые ветки. Зима стучалась в мёртво сквозящий лес.

Высунувшись однажды из дупла, Маха не признала окрестностей. Чего-то белого, незнакомого навалило сразу столько, что тайга совершенно

преобразилась. Земля как бы приподнялась, а деревья опустились, стали ниже. Ветви, кусты, валежины, заплыв белым «жиром», растолстели. Нижние лапы елей, согнувшись под тяжестью покрова, образовали покатые шатры — удобные прибежища для обитателей леса.

Маха сначала понюхала, потом полизала переливчатые блёстки. Осторожно ступила на неслежавшийся пух, попоной укрывавший толстый сук. Он податливо сминался, слегка хрустел и приятно охлаждал лапки.

Сверху на спину серебром посыпалась кухта*. Куница с непривычки поёжилась и брезгливо отряхнулась. Упругая волна прокатилась по роскошной шубке, которую теперь тоже было не узнать. Более светлый зимний мех достиг полной пышности. Глянцевая ость* мягко струилась, мерцала янтарными искорками. Густая подпушь должна была надёжно защитить от морозов и пронизывающих ветров.

Сообразив, что теперь лучше ходить понизу, Маха спрыгнула на белый волнистый покров и глубоко погрузилась в мягкую перину. Выбравшись, с удивлением осмотрела ямистый след и, принаравливаясь к снежной рыхлости, отправилась в ельник, где частенько удачно охотилась на рябцов.

Пробегая через бурелом, она столкнулась с ярко-охристым зверьком в чёрной «маске». Оба замерли, напрягшись, как туго закрученные пружины. Немигающим взглядом долго прощу-

пывали друг друга, старательно цедя носами морозный воздух.

Рыжий колонок был на редкость злобным и агрессивным созданием. Держался вызывающе, однако, уступая Махе в силе, не осмеливался напасть первым. Видя нерешительность «дальней родственницы», он, воинственно выгнув спину, свирепо ощерился и, резко прострекотав, всё же сделал несколько устрашающих выпадов. Не довольствуясь этим, обдал куницу скверно пахнувшей струёй и только тогда нырнул в снег, где чувствовал себя словно рыба в воде.

Обежав ельник, в котором обычно хоронился табунок рябчиков, Маха с удивлением обнаружила, что лесных курочек, отдыхающих по ночам под прикрытием еловых лап, нигде нет. И не успела поразмыслить над тем, куда могла запропасться её любимая добыча, как снег перед ней покрылся белыми снопами взрывов, — обдавая куницу искристой пылью, из-под лап выпархивали рябчики. Встревоженные подозрительным хрустом курочки рассаживались на деревьях и, внимательно наблюдая за своим извечным «пастухом», перелетали вглубь леса, как только он пытался приблизиться. Кожистые наросты на лапках рябчиков к зиме отвердели, и птицы без труда могли сидеть даже на обледенелых ветках.

Маха быстро усвоила, что рябцы, набив за день берёзовыми почками полный зоб, вечером прямо с дерева ныряют в пышные сугробы

и сидят там всю ночь, пока восходящее солнце не ослабит мороз. Под снегом тепло и безопасно: к убежищу ни единого следа — попробуй-ка найти! Только опытный глаз может отличить лунку лесной курочки от вмятины, оставленной свалившимся с ветки снежным комом. Научившись распознавать спальни рябчиков, Маха тем не менее за зиму всего несколько раз сумела полакомиться их белым нежным мясом: осторожные птицы делали под снегом боковые ходы, и она зачастую прыгала на пустую лунку.

При неудачной охоте на рябцов или белок куницу выручали мыши. Приблизившись к куче хвороста или валежин, Маха слушала, откуда донесётся писк мышьиной братии, и, определив это место, исчезала в сугробе, чтобы вскоре появиться с добычей. Пары мышек ей хватало, чтобы насытиться.

В лютую стужу, когда прокалившиеся на морозе стволы звонко лопались, Маха становилась малоподвижной, и если перед этим охота была успешной, то не выбиралась из логова сутками.

После одной из таких вынужденных отсидок проголодавшаяся куница заметила лунку неприлично большого размера и, перейдя на мелкий шаг, подкралась к ней. Из-под снега исходил аппетитный запах громадной бурой птицы, которую Махе доводилось видеть на соснах, где та поедала длинную хвою. Это был запах глухаря.

Долго стояла куница с приподнятой лапой. Взволнованно принюхивалась к дразнящему аро-

мату. По телу волнами прокатывалась пьянящая охотничья страсть. Близость добычи манила. И всё же, несмотря на голод, Маха робела, догадываясь, какая сила таится в пернатом гиганте. Наконец воспоминание о том, как испуганно отлетали, завидев её, глухари, придало куничке решимости. Остановившись через каждые три-четыре шажка, она подошла к спальне и, поколебавшись секунду, всё же нырнула в снег.

Застигнутый врасплох петух, энергично хлопая тугими крыльями, выметнулся из сугроба и, обвитый, словно змеёй, длинным мускулистым телом Махи, понёсся по снежной целине. Грузно оторвался и, с трудом лавируя между ветвей, полетел сквозь лес, медленно набирая высоту. Тем временем две пары длинных клыков всё глубже вгрызались в его шею.

Пытаясь языком вытолкнуть набившиеся в пасть перья, Маха ослабила хватку. Глухарь в то же мгновение взмыл вверх и перекувырнулся в воздухе. Когти охотницы предательски заскользили по плотному оперению. Воодушевлённый петух принялся закладывать такие крутые виражи и спирали, что куничка едва удержалась, — полетела было вниз, но в последний миг всё-таки исхитрилась вцепиться зубами в длинные хвостовые перья и запустить крючковатые когти в огузок.

Истекая кровью от ран на шее, скованный висевшей на хвосте хищницей, глухарь неуверенно тянул над макушками деревьев. Но и у куницы

силы иссякали, мышцы от невероятного напряжения свело болезненной судорогой.

В это время птицу, зацепившуюся крылом за вершину сосны, резко повело в сторону. На сей раз измотанная куница не удержалась и сорвалась в снег. Освободившийся от ноши глухарь выправился и спланировал к устью распадка. Но жизнь вместе с горячей струйкой крови уже покидала таёжного красавца.

Маха выбралась из сугроба и с неожиданным для себя проворством побежала на шум бившейся в агонии птицы. Ожесточённая поединком, она, наслаждаясь властью победителя, рвала и трепала уже мёртвого глухаря. Перья летели по ветру, словно хлопья саж.

Утолив голод, удачливая охотница насилу затащила остатки добычи под заснеженную валежину. Нагребла подстилку из сухой травы, листьев и провела в потаённом убежище несколько беззаботных дней. На лопатках и животе у неё впервые за зиму появился жирок.

На исходе четвёртого дня её сытый покой нарушил залиvistый лай. От резких, пружинистых прыжков белки, преследуемой собакой, с еловых лап срывался и повисал меж стволов облачками мелкий снег. Вот изнурённая беглянка затаилась. Сухо щёлкнул выстрел, и подошедший на лыжах охотник вынул из сугроба убитого зверька. Лай, удаляясь, понёсся к другой стороне распадка. Зверобой торопливо заскользил следом.

Дождавшись сумерек, Маха, тревожно озираясь, выбралась из укрытия. Со стороны ручья ветер нёс резкий запах дыма. Среди чёрных стволов мелькнул страшным глазом костёр — неизменный спутник человека. Появление его в лесу не предвещало ничего хорошего. Однако обленившаяся от сытости и покоя куница отогнала недобрые предчувствия и, побегав немного, юркнула в ближайшее дупло. Беспечно свернулась там калачиком, накрылась пушистым хвостом и уснула.

Когда на востоке проклюнулось холодное тусклое солнце, охотник, ушедший давеча слишком далеко от деревни и вынужденный заночевать в лесу, быстро собрался и, подгоняемый морозом, заспешил домой. Аккуратная строчка свежих следов, пересекавшая его вчерашнюю лыжню, сразу привлекла внимание.

— Куница! Вот это удача! Сезон только начался, а богатая добыча прямо под носом бегаёт, — обрадовался промысловик, а увидев, как близко прошли они вчера от покинутого куницей убежища, набросился на пса: — Ну и бес-тоlochь ты, Актабан! Куда глядел? Куница рядом была, а ты белок считал! Ну, ничего, от нас, брат, не уйдёшь!

К их счастью, раздобревшая куница вёрхом почти не ходила, и пёс, взяв выходной след, быстро нашел её новое пристанище. Нетерпеливо взлаивая и скуля, Актабан старательно заскрёб когтями кору заиндевелой сосны. Охотник сразу

разглядел на высоте пяти-шести метров чернеющий пяточок дупла.

Унимая волнение, он скинул котомку, прислонил к ней ружьё. Несколько раз шарахнул обухом топора по ровной, без единого сучка, бронзовой колонне. Пугливые снежинки окутали сосну, покрыли серебристой пылью тёмную фигуру человека.

Тихо. Маха затаилась крепко и ничем не обнаруживала своего присутствия. Это обстоятельство не смутило промысловика. Он срубил молодую ель, окоротил разлапистые ветки и, прислонив её к стволу, поднялся по ней, словно по лестнице.

Надев на рукавицу брезентовую верхонку*, запустил руку в дупло сначала по локоть, а затем, скинув телогрейку, по самое плечо, но до дна так и не дотянулся. Заткнув лаз шапкой, он простучал ствол топором и по звуку определил нижнюю границу полости. Вырубил отверстие и с надеждой пошарил в нижней части дупла, но Маха молча увернулась и вскарабкалась по губчатой трубе вверх.

Спустившись на землю, человек вынул из котомки сетчатый «рукавчик», скобки и несколько завитков бересты. Срезал прутик чуть длиннее «рукавчика». Заострил с одного конца и расщепил с другого. Открытый конец ловушки прикрепил скобами к верхнему лазу, а глухой оттянул рогулькой перпендикулярно к стволу. В прорубленное снизу отверстие сунул горящую бересту и стал терпеливо ждать. У подошвы со-

сны, повизгивая от возбуждения, вертелся пёс. Сухая труха стенок затлела, наполнила дупло удушливым чадом. Из верхнего лаза потянулась струйка синего, вперемежку с чёрным дыма.

В пасти у Махи стало вязко и горько. Казались, минуты её жизни сочтены. Задыхаясь, она вдавила нос в пористые гнилушки и стиснула челюсти. Дышать стало легче.

Мёртвая тишина поколебала уверенность охотника.

— Что за чертовщина? Неужели куницы в дупле нет? Небось сидит сейчас где-нибудь в ветвях, насмехается. Либо вообще ушла грядой. Да не должна бы: Актабан не зевнёт. Хотя вчера вон как оплошал, — гадал он, совершенно сбитый с толку.

Устав стоять на вертявой лестнице, промысловик слез передохнуть. Собрал хворост, наладил костерок, заварил крепкий душистый чай и, отхлёбывая его крохотными глотками, то и дело поглядывал на солнце. Проводить вторую ночь у ноды* ему не хотелось. В тайгу он пошёл только на разведку, чтобы определить, в какой стороне нынче держится белка. Но Актабан, облаивая их одну за другой, увёл хозяина за перевал, а вот сегодня карты спутала куница...

— Да чего ради морозиться понапрасну? Нижний ход забью. Если куница в дупле, то «рукавчик» не даст ей уйти — спеленает намертво. Переночую дома, а завтра сюда к обеду с палаткой, печуркой и продуктами на пару

недель белковать вернись, — убеждал себя охотник, незаметно собираясь.

Лайка недоуменно наблюдала за хозяином и ни в какую не хотела идти следом. Охотник вынужден был вернуться к сосне и взять упиравшегося Актабана на поводок.

Едва ли они успели пройти треть пути, как ударил шквальный ветер, утопив всё в снежной мгле. К ночи вьюга разыгралась в полную силу. Закачалась, застонала тайга. Хлёткие, напористые порывы ветра срывали с деревьев улежавшиеся снежные глыбы. Одна из них по воле случая угодила в «рукавчик» и сместила деревянное кольцо.

Смышлёная узница протиснулась в образовавшуюся щель и покинула осаждённую крепость.

Морозный воздух, снежная круговерть быстро взбодрили её. Вскоре Маха нашла буреломный завал и в затишке повалилась в снег, очищая прокоптившуюся шубку и стряхивая с себя приставший мусор. Инстинкт и горький опыт подсказывали, что оставаться в этом лесу опасно.

Перебиваясь в дороге случайной пищей, снова и снова взбираясь на скалы, ныряя в распадки, беглянка достигла высоких, мощных хребтов и углубилась в молчаливый сумрак перестойных ельников.

Облюбовав межгорное урочище*, изобиловавшее белками и рябчиками, Маха обследовала участок и, убедившись, что он свободен, застолбила запахowymi метками свою новую вотчину.

...Однообразно потекли морозные дни. Порой казалось, что тайга вымерла. Лишь неприятный скрежет сойки, гулкое постукивание работяги дятла да резкие выстрелы лопающихся от мороза деревьев изредка тревожили стылое таёжное безмолвие.

Промёрзшие насквозь отроги* тянули заиндеветшие вершины в поднебесную высь, поближе к солнцу, но и там не находили тепла.

Глубина снежного покрова позволяла кунице ночевать в пустотах под сугробами: в них теплее и в случае опасности всегда можно уйти от преследователей снежным тоннелем.

Пробежки по пушистой перине утомляли маленькую хищницу, и, обегая как-то раз свои владения, Маха воспользовалась попутной лосиной тропой. Местами следы широко разбредались — это лоси глодали кору деревьев, обкусывали кончики веток редкой здесь осины, поедали пряди лишайников, отдыхали прямо в снегу, оставляя после себя овальные лёжки с чуть обледенелыми стенками, хранящими примёрзшие бурые шерстинки. Потом следы вновь сливались в одну тропу и вели к изголовью короткого ложка, откуда, несмотря на мороз, дымящимся родничком вытекала рыжая струйка воды, обрамлённая красной глиной с белым налётом соли, перемешанной множеством копыт. Со дна вылизанных лосями углублений, глухо шипя, выбивалась охристая жижа, вскипавшая время от времени пузырчатыми кругами.

Полизав солоноватую накипь, Маха заела её терпкой рябиной и направилась к устью лога, где возбуждённо шныряли сойки. Гребни сугробов вокруг были сплошь исчирканы копытами, в воздухе витал волнующий запах крови. Куничка закрутилась по лесу и в примятых зарослях калины нашла растерзанную волчьей стаей лосиху.

Маха обошла полусъеденную тушу и, воровски озираясь, с жадностью набросилась на прихваченное морозом мясо. Постоловавшись, залегла неподалёку, рассчитывая надолго освободиться от забот о пропитании, но вернувшаяся среди ночи стая волков нарушила её планы. К утру от лосихи остались только обглоданные кости, да и то только самые крупные.

4

Долго тянется зима, но и у неё есть конец. Весна, словно извиняясь за свою медлительность, дружно и бесповоротно вступила в свои права. Запылавшее жарким костром солнце наполнило промороженное дно тайги живительными волнами тепла.

Под напором пробудившихся жизненных соков лес быстро преображался. Почки набухли, кроны загустели. На южных склонах заржавели первые приствольные круги. Съёжившиеся снега плавились, насыщались влагой. Однако ночью отяжелевшие кристаллы вновь спаивались морозом, образуя прочный наст.

Для копытных и боровой дичи* наступила самая тяжёлая пора. Олени проваливались сквозь наст и резали голени о его острые кромки. Птицы, ночевавшие под снегом, по утрам с великим трудом пробивали обледенелую корку. Особенно доставалось самым мелким из них — рябчикам и куропаткам. Тетерева, а тем более глухари страдали меньше.

Зато волки и рыси благоденствовали. Для них пришло время долгожданного пиршества. Больше всех лютовали оголодавшие за зиму серые разбойники. В приступах необузданной жадности они без меры резали косуль и стельных* лосих. К счастью, эта ужасная пора непродолжительна.

Всё увереннее гремели ручьи. Быстро таяли, обрастая накопившимся за зиму лесным мусором, ноздреватые сугробы. На южных склонах появились и стремительно разрастались обширные проталины, покрытые шершавой коростой из спрессованных за зиму листьев, травы и хвои. Местами земля бугрилась прожилками ходов землероек и свежими кротовыми холмиками.

На рассвете Маху дразнили булькающие звуки тетеревиных песен. Краснобровые петухи горделиво выпячивали иссиня-чёрную грудь, распушив лирообразный хвост, демонстрировали на обсохших полянах свою силу и удаль. Наиболее воинственные, хлопая крыльями, насккивали на соперников, гонялись друг за другом. Но, несмотря на турнирный экстаз и стремление

привлечь внимание тетёрок, петухи были достаточно бдительны и Маху близко не подпускали.

Днём в единственную здесь берёзовую рощу слетались дятлы. Они пили из специально пробитых в коре дырочек сладкий сок. Махе он тоже пришёлся по вкусу, и она охотно припадала к источнику сочащейся влаги, чтобы утолить жажду, подкрепить силы.

Каждый уголок леса наполнялся жизнью. Зашелестели клейкой листвой деревья. Шелковистая травка покрыла склоны бархатисто-изумрудным ковром. Зацвела черёмуха, за ней — рябина, калина. Незаметно весна перешла в лето. Мало-помалу стихали брачные песни птиц. Смолкли трели обременённого семейными заботами зяблика.

Почти каждый день после полудня над тайгой вызревали между двух хребтов тёмно-лиловые тучи. Жизнь в урочище перед грозой замирала; томительное напряжение росло; духота сгущалась, становилась невыносимой. Какое-то невидимое парализующее поле пронизывало всё живое. Наконец из непроницаемо-чёрных туч срывался к земле тугой, ослепительный сноп света, на мгновение озарявший притихшую долину белым сиянием. И вновь воцарялся полумрак. Затем оглушительный треск раскалывал пространство, сотрясая каменные отроги. Отдыхавший за могучей спиной хребта ветер пробуждался и, разъярённый, врывался в долину. Следом из разом прохудившихся небес низвергался

на ещё не успевшую подсохнуть землю очередной щедрый ливень.

По утрам обласканная солнцем земля дымилась влажными испарениями. Свежо пахло листвой и хвоей. Тучные травы мешали бегать. Маха, мокрая от росы, то и дело брезгливо отряхивалась и спешила перебраться в продуваемый ветерком верхний ярус леса, где, распластавшись на тёплой коре толстого сука, беспечно дремала до следующего ливня, от которого спасалась в дупле или под многослойным пологом ближайшего елового шатра. Там всегда было сухо, а иной раз даже удавалось добыть прятavшуюся от дождя пичугу. Если верховая охота завершалась неудачей, то куница всё же спускалась вниз и, забравшись на корягу или пень, терпеливо сносил укусы мошек, назойливо лезших в нос и уши, караулила коротколапых кротов, выбиравшихся из-под земли за дождевыми червями. Её упорство неизменно вознаграждалось вкусным обедом.

Иногда Маха бегала вдоль набухшего ручья к реке, где ловила увлечённых базарной болтовнёй лягушек. Возле неглубоких заливов куница частенько видела лосей с неуклюжими смешными телятами на ногах-ходулях. Они паслись на обильном разнотравье, отдавая предпочтение иван-чаю.

Взрослые лоси с удовольствием заходили в заводи и бродили по брюхо в воде. Отщипнув пучок водорослей, они скидывали головы, с наслажде-

нием отфыркивались от стекавшей по горбоносым мордам воды и хрумкали сочными стеблями.

Как-то, безуспешно прогонявшись по деревьям за белкой, раздражённая падением с мокрых ветвей, Маха отдыхала на узкой надпойменной террасе. Снизу донёлся невнятный стук. Навострив подвижные ушки, куница мелкими шагами прошла по полуистлевшему стволу и мягко спрыгнула на обомшелый валун.

Впереди, под скалистым обнажением, зияла узкая брешь. Из неё веяло холодом, а между камней струился ручеек. Скользя по крутым бокам гольшей, сильно замочив лапы, Маха проникла в мрачный каменный мешок, покрытый осклизлым чёрным налётом. Гулкое эхо капли с невидимого свода нарушало тягостную тишину.

С живым интересом оглядев влажно поблёскивающие стены, таинственные ниши и щели, куница пошла дальше. Дно грота поднималось ступеньками. Вскоре дорогу загородил высокий известковый выступ, заплывший сверху ледяным козырьком, из которого торчала наполовину вытаявшая туша бурого медведя. От падающих на Маху холодных капель её шубка отсырела, и куница поспешила на волю — погреться и обсохнуть...

5

Минул ещё один год, и снова наступило лето, третье в жизни лесной охотницы. Всё это вре-

мя Маха по-прежнему обитала в полюбившемся межгорном урочище, изученном до последнего кустика. По-прежнему бродила она в одиночестве, не встречаясь с другими куницами, — Маха хорошо помнила, как пара соплеменниц когда-то чуть не загрызла её, изгоняя из своих владений.

Но вот однажды тёплой лунной ночью Маха заметила бегущего по её следу сородича-самца. Сначала она оробела. Птицей взлетела по стволу на вершину дерева. Самец последовал за нею. Но прошло то время, когда Маха чувствовала себя незащищённым существом. Куница не собиралась уступать свои владения без боя. Желая напугать преследователя, она свирепо оскалила пасть, сморщила нос и устрашающе зафыркала.

Обескураженный самец, имевший иные, самые добрые намерения и не ожидавший такого приёма от очаровательной кунички, покорно спрыгнул вниз и, забравшись в траву, выжидающе вытянулся поодаль. Маха тем временем воспользовалась появлением тумана и ушла вёрхом вглубь тайги. Настойчивый незнакомец вновь разыскал её и, почтительно соблюдая дистанцию, повсюду следовал за ней.

Между тем куница проголодалась. Разглядев мельтешивших среди деревьев зайчат, Маха, припадая к земле, неслышно подкралась к ним. Зайчата, не подозревая, какая опасность подстерегает их за кустом можжевельника, беспечно играя, приближались к засаде.

Не сдержавшись, Маха в преждевременном прыжке попыталась достать одного из них. Высоко вскидывая зады, косые рассыпались в разные стороны, и один из них угодил прямо в лапы настойчивого ухажёра. Неудачник, коротко и пронзительно проверещав, стих. Облизнув окровавленную морду, самец приосанился и призывно зауркал, приглашая пленившую его куницу на трапезу. Оценив наконец галантность кавалера, Маха с нарочитой медлительностью приблизилась. Они обнюхали друг друга. Помолвка состоялась.

После совместного пиршества куница великодушно дозволила сопровождать себя. Ободрённый самец, радостно размахивая хвостом, то с нежностью прижимался к её боку, то, ластясь, тёрся головой о её грудку. Такое непривычное обращение действовало на Маху возбуждающе. Она с наслаждением замирала от щекочущих прикосновений, щурила глазки. Игриво, только для вида, увёртывалась, ворчала, но, охваченная неизъяснимым томлением, вновь замирала... Пришла пора брачных игр.

Когда любовные утехы наскучили и Маху стал тяготить нежный ухажёр, она бесцеремонно выставила его за пределы участка и вернулась к привычному уединённому образу жизни.

Поселившийся в соседнем распадке самец первое время регулярно навещал её, но Маха не проявляла к нему прежней симпатии. Встречала неприветливо, а если он ненароком затягивал визит, решительно прогоняла...

Осень выдалась на редкость ненастной, холодной. Тайга, не просыхавшая всё лето, теперь и вовсе потонула в сырости. На поверхности земли не осталось ни одного углубления, в котором не поблёскивала бы вода. Над рекой и низинами пластался молочным разливом туман. Нудно, то-скливо шумел лес. По небу косматыми табунами нескончаемо тянулись свинцовые тучи. Порывистый ветер безжалостно трепал, срывал листья. Опалённые первыми заморозками травы поникли.

Не уродились ни орехи, ни жёлуди, ни ягоды. Не было даже грибов. Валом откатились на запад, за перевал, спасаясь от бескормицы, белки, улетели кедровки, сойки, кукушки, клес-ты. Утянулись на юг перелётные караваны. Всё живое покидало, обходило стороной бесплодный край. Маха, прижившись на новом месте, не решалась последовать вслед за белками туда, откуда она в своё время была изгнана. В довершение всего в начале зимы, после обильных снегопадов, ночью случилась необыкновенная оттепель с настоящим ливнем. А к утру северный ветер принёс столь резкое похолодание, что щедро политые снега схватились толстой ледяной коркой, навсегда замуровавшей большую часть боровой птицы в снежных спальнях.

Для Махи наступили тяжёлые дни. Изредка ей удавалось поймать мышь, но мелкая добыча лишь распаляла аппетит.

В поисках пищи она забралась на гладкоствольную осину и высоко над землёй заметила отверстие непривычной прямоугольной формы. Маха заглянула в него. Грозный хозяин квартиры — дятел-желна — не одобрил любопытства куницы и сильно ударил её клювом по голове.

Ошеломлённая Маха спустилась вниз и, съев несколько случайно уцелевших плодов шиповника, вспомнила про пещеру под высокой кручей, где она видела вмёрзшего в лёд медведя. Как можно было забыть про этот склад мяса?! Там ведь его столько, что и на год хватит!

Торопливо спустившись на памятную террасу, куница застыла от удивления. На месте высокой кручи темнел глубокий провал. Росшие когда-то тут деревья целиком исчезли в нём, и только сомкнувшиеся макушки едва выглядывали из центра образовавшейся воронки. Не желая мириться с угрозой падения, они поддерживали друг друга ветвями, а корнями ещё пытались удержаться за разорванные пласты почвы.

Дотошно обследовав склоны провала, неровными ступеньками уходящие вниз, и не найдя ни одной лазейки в пещеру, Маха совсем приуныла.

Находясь в беспрестанном, но безуспешном поиске пищи, куница отоцала. Мех потускнел, вытерся, местами слипся от смолы. Куница изменила своим привычкам и всё чаще рыскала по вымершей лесной пустыне днём. Пища, которой она прежде гнушалась, стала желанной.

Однажды, когда стало совсем неважно, охотнице посчастливилось найти под трухлявым пнём норку бурундука. Вытащив запиравшую вход моховую пробку и расширив где когтями, где зубами узкий проход, Маха добралась до опрятной, сухой кладовой с небольшим запасом орехов, семян и ягод, аккуратно сложенных в отдельные кучки.

Полосатенький хозяин, разбуженный гулкой вознёй, возмущённо пища, метался по спальне и пытался выскочить на волю, но Маха закрывала собою проход. Бурундучок с отчаянной смелостью, порождённой страхом, ринулся на грабительницу. Куница, оставив орехи на десерт, наградила смельчака смертоносным ударом и тут же съела его.

От забытой сытости по телу разлилась дремотная истома. Маха проспала больше суток, а проснувшись, доела скудные запасы кладовой. Однако через пару дней голод с новой силой напомнил о себе и в который раз погнал Маху к парящему истоку ручья, где в окружении кустов, сверкавших ёжиками густой изморози, до сих пор держались утки.

Этот визит ничем не отличался от предыдущих. Сидевшие на сахарных закраинах льда птицы были начеку. Они успели отплыть на середину курящейся белыми завитками пропарены и крикливо насмеялись над незадачливой охотницей. Маха раздосадованно фыркнула и несолоно хлебавши побежала прочь.

Иногда её выручали личинки короедов, златок, усачей. Маха умудрялась добывать их из-под трухлявой коры елей. После одного из таких скудных завтраков она, гонимая голодом, перешла через седловину и оказалась на противоположном склоне горы, поросшей высокоствольным лесом.

Спускаясь по нему, Маха сначала услышала, а потом и увидела между деревьев дерущихся зверей: крупный голенастый лось бился насмерть с медведем-шатунем. Они кругами ходили друг против друга. Медведь устрашающе ревел. Из широко раздутых ноздрей с шумом вырывался пар.

Мосластый шатун всё пытался зайти сбоку, но лось, понимая, чем это ему грозит, тут же разворачивался навстречу, стремясь в свою очередь нанести удар копытом.

Медведь ловко уворачивался и одновременно загребал широкой когтистой лапой, пытаясь распороть сохатому тугое брюхо. Бесконечные атаки измотали обоих, но успеха никому не принесли.

Внезапно шатун изменил тактику: попятился назад и, скрывая свой хитроумный замысел, тяжело дыша, привалился лохматой глыбой к дереву. Поддавшись на уловку, лось повернулся, чтобы бежать. В то же мгновение коварный медведь одним прыжком настиг его. Лось встал на дыбы и метнулся в сторону, но шатун успел мощным ударом лапы сломать ему позвоночник, решив исход поединка в свою пользу.

Удостоверившись, что лось мёртв, взъерошенный победитель не сразу подошёл к добыче, — протяжно поводя боками, вздыхал, остывал от схватки.

Ел он долго и жадно, не обращая на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Набив желудок, косолапый затащил остатки туши в бурелом и залёг тут же.

Маха несколько раз посещала это место в надежде поживиться. Однако шатун так и не ушёл, пока не съел всю тушу без остатка, разбросав вокруг лишь острые раздвоенные копыта да добела обглоданные челюсти.

От голода куница постоянно мёрзла, не согреваясь даже в покинутых беличьих квартирах. От длительного недоедания у неё кружилась голова, выворачивало внутренности. Однажды Махе, забывшейся коротким сном, зримо привиделся просторный, полный бурной, радостной жизни сосновый бор. Бор, где она родилась, где

ей были неведомы голод, холод, а в говорливом ручье текла самая вкусная на свете вода. Днём и ночью это видение стало преследовать её.

Стоило Махе лишь задремать, как снова представлялся родной бор, кишачий рябчиками и белками. Она ловит их, безостановочно ест и никак не может наесться. Наконец настал миг, когда какая-то неподвластная ей сила неудержимо погнала Маху к родному урочищу.

Поднявшись на взгорье, куница свернула на юг и устремилась к заветной цели. В предрасветный час она чуть не столкнулась с рысью, выплывшей, словно привидение, из запалённой восходящим солнцем изморози. Куница попятилась и бесшумно исчезла в зарослях, но поджарая кошка заметила её и кинулась вдогонку. Маха немедля взлетела по шершавому стволу на ель и, перемахивая с ветки на ветку, благополучно ушла от преследования.

В пути кунице пришлось преодолеть немало щетинистых круч, ниспадавших с гор бугристых ледопадов и непролазных чащоб, прежде чем её взору с высокого отрога открылись знакомые очертания сопок. Радость наполнила сердце скитальцы. Всё веселей, уверенней бежала она по заснеженной тайге. Достигнув последней водораздельной гряды, куница вскарабкалась на одиноко стоящую сухую ель, растопырившую сучья, словно костлявые руки, и оторопела.

Перед ней, далеко внизу, повторяя изгибы ручья, чернела прокопчённая жилка лесовозной

дороги. На пологом склоне, там, где простирался столь желанный заповедный бор, была пустошь, покрытая золотистыми спилами пней.

Спустившись с горной кручи и быстро перебежав пропахшую соляжкой дорогу, Маха с надеждой направилась через вырубки к темнеющему вдали лесу.

С каждым прыжком остаток бора надвигался непроглядной стеной, увеличивался в размерах и был уже не таким крошечным, как показалось Махе с макушки ели. А когда оттуда донёсся задорный посвист рябчика с короткой трелькой в конце, она и вовсе воспряла духом.

Но непродолжительной была её радость. Привычную тишину зимней тайги нарушило звонкое потрескивание заведённой мотопилы. Мерное та-рахтение зачастило, перешло в докучливое осиное жужжание. Вскоре мохнатая крона крайней сосны качнулась, и вековое дерево с густым шумом рухнуло, подняв патлатыми ветвями волну снежной пыли.

Со стороны ручья послышался надрывный рёв. Это полз за новыми хлыстами* мощный лесовоз. На родине Махи хозяйничали лесорубы.

Сделав полукруг, куница перешла на западный склон. Здесь снежный покров сверкал девственной белизной и прельщал обилием беличьих кормовых тропок, лунками ночевавших рябцов. А возле поваленных ветром осин хрусткая простыня была утрамбована заячьими

лапками и усеяна коричневыми орешками помёта.

Пройдясь по свежим беличьим следам, тянувшимся по косогору, Маха вскоре увидела и саму прыгунью, занятую раскопкой старых запасов. Белка тревожно зацокала, но не успела даже заскокить на дерево.

Первые за много дней куница наелась до отвала. Сердце у неё отмякло, ушло ожесточение. Бельчатина основательно подкрепила силы странницы, и она легко обежала остатки родовых владений.

Повсюду Маха натыкалась на смрадные лесовозные дороги, запустившие свои щупальца почти до перевальных хребтов, отовсюду доносился гул моторов. Отступавшая под натиском мотопилы и могучих тракторов тайга с высоты водораздельной гряды была похожа на шахматную доску: тёмные острова леса чередовались с белыми полями сплошных вырубок, изъеденных свежими оспинами пней.

Только в стороне Большого хребта, откуда пришла Маха, лес упрямо топорщился нетронутым коренным древостоем, но возвращаться в эти опустевшие от бескормья крепи куница не желала.

Смирившись с близостью рокочущих машин и людей, она обосновалась в истоках ручья, возле скал, изукрашенных цветистой накипью лишайников. Выбор Маха сделала удачно: это место являлось заказником.

Незаметно для себя куница привыкла к шумным соседям. Ночью, во время длительных прогулок, люди её не беспокоили, а днём она отдыхала в потаённых убежищах.

Пробегая как-то в середине зимы по лесу, Маха увидела строчку лисьих следов. Поначалу она не придавала им особого значения. Только отметила про себя, что стёжка, обычно ровная и опрятная, как-то странно виляет. Но, обнаружив метров через двадцать вторую подряд лёжку, насторожилась. Оглядев следы внимательней, куница определила, что лиса почему-то передвигается с трудом.

Маха потрусила по следу и почти сразу увидела горящую факелом лису-огнёвку. Пользуясь прикрытием выворотня, куница опасно приблизилась к ткнувшейся мордой в снег кумушке и замерла, не сводя с неё оценивающего взгляда. Отрывисто уркнула — лиса не шелохнулась. Тусклые полуоткрытые глаза ничего не выражали. Даже пышный мех не мог скрыть её немощи.

Куница смекнула, что рыжая настолько слаба, что не в силах уже стоять. Глаза Махи загорелись: как и всякий проголодавшийся хищник, она не могла упустить возможности сытно перекусить.

Дрожа от возбуждения и дивясь собственной дерзости, куница прыгнула на лису и впилась ей в горло. Та жалобно застонала. Вяло отбива-

ясь, попыталась встать, но лапы предательски подогнулись. Маха почти без борьбы завладела неожиданно богатым трофеем.

Надолго обеспеченная мясом, она отъелась, набралась сил, и у неё пробудилась потребность в странствиях, которая и завела нашу путешественницу в долину ручья, прижавшегося к скалистому кряжу*, изрезанному узкими расщелинами.

У его подножия, на старой делянке, среди мелколесья, чудом сохранился островок могучих сосен. У корней медных колонн были вырезаны какие-то наполовину заплывшие смолой знаки.

Поочерёдно обследовав деревья, Маха обнаружила, что наверху ко многим стволам плотно привязано корьё*. Это обстоятельство заинтересовало её. А когда она взобралась, ей почудилось, что из-под «заплатки» сочится аромат, от которого любая куница теряет покой.

Маха не раздумывая принялась грызть кору слой за слоем. Работа продвигалась медленно, но к утру проклюнулась дырочка, пахнущая густым медовым духом. Теперь куница не сомневалась, что в дупле её ожидает самое восхитительное на свете лакомство. Она даже зажмурилась от удовольствия. Беспреданно глотая слону, воодушевлённая добытчица расширила отверстие, освободила канал от утепляющей прокладки из берёзовых веников и с жадностью набросилась на душистые соты.

Мёд был густой, прозрачный. Маха с наслаждением отрывала переливчатые тянучки и проглатывала вместе с оцепеневшими пчёлами. Наевшись до дурноты, разбойница не захотела покидать сладкую бортъ, опасаясь, что кто-нибудь другой воспользуется найденным ею кладом. Утолив жажду лежащим на сучьях снегом, лакомка нагребла под себя берёзовые листья с венников и, вдыхая пьянящий аромат, уснула.

И надо было случиться так, что в это самое время делал объезд своей лесной пасеки её хозяин. Увидев под сосной кусочки коры и развеянные ветром листья, он сразу понял, что бортъ ограблена. Сокрущённо причитая, обошёл ствол и по следам определил, что на пасеке разбойничала куница. Дабы спасти своё хозяйство от полного разорения, бортник решил изловить воровку.

Разбуженная чирканьем лыж, Маха слышала, что под деревом топчется человек. Это несколько беспокоило её, но вскоре шаги удалились, и куница, уже притерпевшаяся к соседству людей, осталась спать на своём духовитом ложе.

Расстроенный пасечник, убедившись, что на остальных соснах бортъ пока не тронуты, ушёл в деревню, а поутру вернулся со связкой ловушек. Срубив длинную жердь, проволокой прикрутил к ней насторожённый капкан и приставил его к стволу таким образом, чтобы тарелочка ловушки оказалась точно напротив темневшего отверстия. Сочтя это недостаточным, он нагрёб внизу снежную «хатку», положил в неё добрый кусок

мяса, а у входа насторожил второй капкан. Вокруг «хатки» раскидал для верности ещё и накроху из гусиных потрохов.

Маха слышала, что к её убежищу вновь подходил человек и возился в этот раз довольно долго. Теперь она не на шутку всполошилась, ибо понимала, что он зачастил неспроста. Не высываясь из дупла, куница настороженно прислушивалась к каждому звуку и, когда выход накрыла смутная тень, в ужасе сжалась. Немного погодя послышался удаляющийся скрип лыж, и всё стихло. Маха перевела дух, но лишь через пару часов совершенно успокоилась и попыталась выбраться.

Что это?

Выход из борти загораживал чёрный кружок, противно пахнущий железом и человеком.

Долго не решалась Маха прикоснуться к подозрительному предмету, отдающему смертным духом. Вновь и вновь обнюхивала его. Напрягалась до болезненности, вслушиваясь в малейшие шорохи, но подвижные уши улавливали только неясный шёпот ветра в густой кроне сосны.

От сладкого Маху мучила жажда, и соблазнительная близость снега в конце концов заставила превозмочь боязнь. Всё ещё колеблясь, она намерилась тихонько отодвинуть кружок в сторону, с тем чтобы увеличить щель и выйти, но едва коснулась коварной тарелочки, как острая боль пронзила лапку, растекалась огнём по всему телу.

Маха отпрянула было назад, но стальные челюсти капкана держали мёртвой хваткой. Превозмогая мечущуюся по телу боль, она сама бросилась на «врага». Яростно рвала, грызла ловушку клыками, но эмаль на зубах только крошилась о неподатливую сталь. Дужки держали крепко, а тарелочка и сторожок, болтаясь из стороны в сторону, лишь бесстрастно звякали.

В попытках освободиться прошло несколько часов. Солнце провалилось за гребень хребта. Мороз усиливался. Пережатые пальцы деревенели, и боль незаметно отступала. От беспрестанных рывков и подёргиваний кожа и сухожилия размочалились. Маха перекусила остатками клыков омертвевшие бесчувственные ткани и освободилась наконец от ненавистой железяки.

Не обращая внимания на рану, она принялась разгребать листву, перегрызать веточки, чтобы докопаться до подошвы борти, а докопавшись, стала спешно грызть пластырь, преграждающий путь к свободе. Работала без отдыха, словно догадываясь, что времени ей отпущено мало и если к утру не покинуть эту западню, то случится непоправимое.

Вот уже загорелась на востоке малиновая заря, ударили первые лучи солнца.

С наименьшей поспешностью шёл к сосне бортник, мечтавший не только оградить своих пчёл-кормилиц от разбоя, но и добыть ценную шкурку.

Приближаясь к приметному месту, он ещё издали увидел, что его труды не напрасны — ловушка сработала! Сердце распирало от гордости и восторга. Ему уже чудилось во мраке лазарияние меха дивной красоты. Но, подойдя ближе и приглядевшись внимательней, он был озадачен появлением у нижнего края пластыря второго отверстия. Это открытие кольнуло бортника неясной, болезненной догадкой.

Всё ещё не теряя надежды, он бежал сосну и увидел на снегу парные следы с алыми пятнышками крови. Сладостные минуты ожидания знатной добычи сменились горьким разочарованием.

За зиму пчеловод, обходя разбросанные в окрестных лесах борти, ещё не единожды наведывался к пострадавшей сосне в расчёте встретить следы воришки, но напрасно. Куница больше не появлялась.

8

Насмерть перепуганная Маха, припадая на повреждённую лапу, долго бежала через большие и малые речушки. Поднималась по крутым распадкам в горы, спускалась в заснеженные долины. Сторонясь дорог, санных путей и лыжных проходов, она уходила всё дальше и дальше от злосчастного места. Чем дремучей, непроходимей становилась тайга, чем выше вздымались беловерхие горы, тем свободней и уверенней чувствовала себя куница.

Наконец она достигла рубежа лесов, раскинувшихся на крутых отрогах Дальнего хребта. Белые грани его вершин оживляли сумрачную, обомшелую хвойную чащу. Недоступные для людей дебри надёжно укрыли беглянку.

Тишина, настоящий на хвое воздух, нетронутый, первозданный лес — как радостно ощущать всё это после враждебного мира грязных, вонючих дорог, чихающих дымом железных чудовищ и вездесущих людей.

Здесь, вдали от человеческого жилья, в плотной кроне покорёженной временем ели Маха отыскала покинутое беличье гнездо-гайнó — и надолго обосновалась в круглой тёплой каморке. Она готовилась стать матерью.

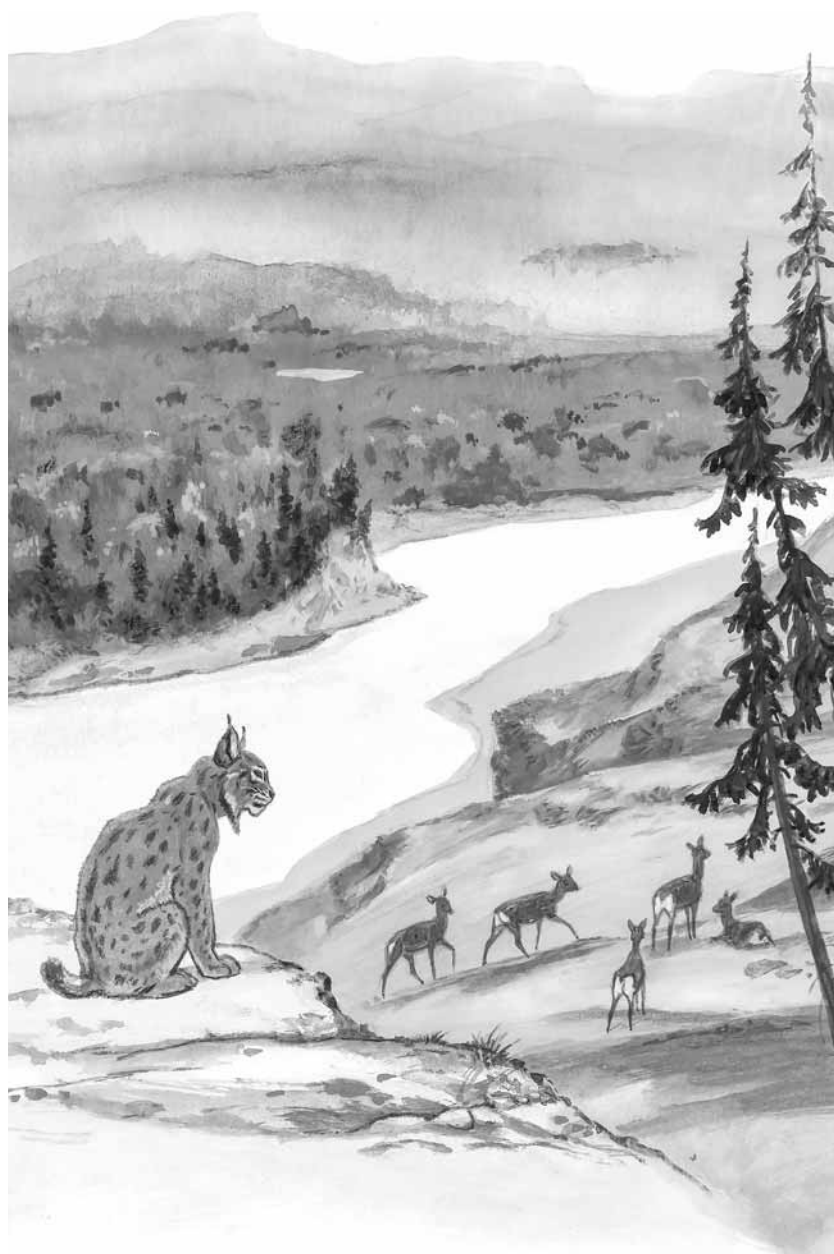
Чем встретит окружающий мир её детей?

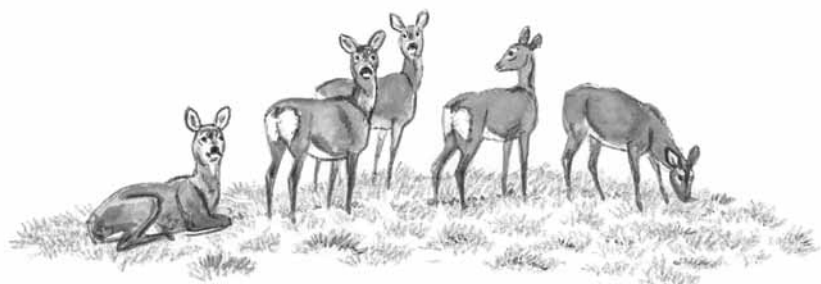
г. Уфа

**БОЦМАН,
или
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ РЫСИ**

Повесть

Братья, образумьтесь!

Часть первая

Изящные косули, спасаясь от въедливых кровососов, лёгкими скачками взбирались по уступам на гору. Они искали продуваемую площадку для отдыха. Внизу тускло серебрились в отсветах доглевавшего заката пенные бороды речных порогов.

Одна из террас, поросшая кустиками голубики, приглянулась старой оленухе. Косули остановились, осмотрелись, процеживая трепетными ноздрями струйки воздуха. Уверившись, что опасности нет, первым улёгся беспечный молодняк. Оленуха, поджав под себя ноги, легла последней.

Пережёвывая бесконечную жвачку, животные то и дело настораживали длинные уши, вслушиваясь в таинственные шорохи. Однако усталые веки всё чаще прикрывали выразительные глаза. Вскоре табунок чутко спал.

Рослый, мощного сложения самец рыси, прозванный окрестными звероловами за пышные бакенбарды Боцманом, давно наблюдал за ним

и теперь бесшумной тенью заскользил по склону к террасе.

Кот уже примерялся к прыжку, как вдруг лапами ощутил необычное подрагивание горы и услышал нарастающий гул. Косули вскочили, заметались по площадке с тревожным сиплым блеянием.

То ли порыв ветра, то ли всесокрушающее время подточили зыбкое равновесие: чудом державшаяся на гребне отрога каменная громада качнулась и покатилась вниз, дробясь о скальные лбы, увлекая за собой новые глыбы вперемешку со срезанными стволами деревьев.

Боцман шарахнулся было в сторону, но край лавины зацепил его и швырнул в нарастающий грохот вслед за окровавленной тушей оленухи...

Камнепад, дымясь серым облаком пыли, достиг подножия горы и, слизнув прибрежные вязы, затих оцетинившимся валом на середине реки.

Полуживой кот, придавленный добела ошкуреной лесиной к груде камней, лежал, не имея возможности пошевелиться, — даже неглубокий вдох причинял невыносимую боль. Под ним многоголосо шумел речной поток. Надежды на спасение не было.

Под утро долина заclubилась быстро густеющим туманом, и через пару часов волнистая мгла поглотила всё вокруг. Но когда, ближе к полудню, сквозь туман расплывчатым пятном робко обозначилось солнце, просочившееся тепло расстрожило, всколыхнуло молочную толщу и про-

мозглая муть зашевелилась, поползла мохнатыми космами по лесистым склонам, тая на глазах. Вскоре солнечные лучи начисто вымели речную долину.

Припекало. Временами к израненному зверю возвращалось сознание, и тогда начинала мучить жажда. Вода текла прямо под ним, но была недостижима. Вечерняя прохлада только усилила страдания: на запах крови отовсюду со звоном слетались полчища комаров и мошки. Кот на ночь оказался погребённым под этой шелестящей крылатой массой. Тысячи безжалостных хоботков протискивались сквозь густую шерсть и впивались в его кожу. И без того измочаленное камнями тело превратилось в сгусток жгучей боли и нестерпимой чесотки.

Задыхаясь от набившихся в нос и пасть насекомых, Боцман заходился в приступах раздражающего кашля. Ему ещё повезло, что язык обвала вынес его на середину реки: в сыром прибрежном лесу, где сосущей твари куда больше, он вряд ли пережил эту ночь.

Взошедшее светило поубавило кровососов, однако на смену им появились мухи. Они садились на разрывы кожи и, откладывая яйца, подолгу копошились в них. На следующие сутки раны побелели от шевелящихся личинок. Выедая поддрагивающие волокна мышц, прожорливые червячки проникали всё глубже и глубже. Самые жестокие мучения причиняли личинки, раскормившиеся на разбитом носу. Щекоча до сумасше-

ствия, они вереницей заползали в ноздри, образуя там живой кляп. Теряя последние силы, кот всё реже приходил в сознание. В небе выжидающе парили стервятники — коршуны.

К исходу третьего дня долину накрыли тяжёлые, черногрудые тучи. На ходу созревая, они обрушили на кота потоки живительной влаги. Прохладные струи уменьшили зуд, принесли некоторое облегчение. Пленник, преодолевая боль, вывернул голову вбок и в таком неудобном положении жадно ловил драгоценные капли.

Дождь шёл всю ночь и всё утро. Река вздулась, забурлила, валуны, уступая её напору, со скрежетом поползли по неподатливому каменистому дну. Высокие буруны уже лизали коту задние лапы. Ужас подступавшей смерти охватил припечатанного к угловатым обломкам пленника.

Вершина ненавистной лесины всплывала вместе с прибывающей водой, и её тяжёлый комель* всё сильнее плющил грудную клетку. Боцман уже почти испустил дух, когда лесина вдруг всплыла целиком и, вытягиваясь по течению, свезла его с камней на быстрину. Поток подхватил полуживого зверя и понёс, то загоняя в пучину, то вышвыривая между коряг и ошкуренных стволов. Давясь и отфыркиваясь, кот ловил редкие мгновения для вдоха.

Впереди показался скалистый прижим с чёрными сотами промоин. Бедолагу несло прямо на отбойное место*. Туда, где река бесновалась

в мощных водоворотах. Один из них подхватил рысь и, прокрутив с десятков раз, затянул в карман с водой. Кот, теряя сознание, отчаянно заскрёб острыми когтями по отполированным стенкам и, зацепившись за удачно подвернувшуюся выемку, сумел выбраться на пологий уступ внутри полузатопленного грота.

Долго не мог отдышаться истерзанный зверь. Через полчаса прибывающая вода вновь настигла его и заставила отползти повыше. Здесь Боцман, не торопясь, вылизал раны шершавым мускулистым языком и осмотрелся. В конце мрачного мешка угадывался манящий свет.

Рысь приподнялась и, с трудом переставляя непослушные лапы, побрела по узкому каналу. Шла всё уверенней — тьма с каждым шагом становилась всё прозрачней. И вскоре Боцман оказался на дне конусообразного провала.

Над ним неумолчно шумела промытая, посвежевшая тайга. Ветер, стряхивая последние капли, уносил взлохмаченные пласты низких туч за гребень отрога. В синие разрывы хлынули веером золотистые снопы.

Блаженно жмурясь, рысь долго грелась и обсыхала на солнцепёке. Затем подкрепилась сновавшими в траве мышами и вновь принялась вылизывать гноящиеся, горящие пульсирующей болью раны.

Инстинкт предков поднял кота на ещё слабые лапы и повёл к примечательному овражку. Его вытянутое изголовье покрывали роднички

с вонючей водой и жирным целебным илом. Грязевые ванны не замедлили сказаться: язвы и раны быстро затягивались нежной кожицей.

Добывал пропитание Боцман тут же, в окрестностях ложбины. Поначалу довольствовался птичками и мышами. А на третий день ему крупно повезло. Сопровождая взглядом промятый в податливом грунте свежий след, он заметил копошащуюся в кустах енотовидную собаку. Внезапно появившись перед ней, кот так напугал мохнатую толстуху, что та на какое-то время оцепенела. Придя в себя, попыталась бежать, но неловко оступилась на осклизлой колодине и завалилась на бок. Покорившись судьбе, енот сжался в пушистый ком, смиренно ожидая приближающуюся смерть.

Отправившись вечером к месту удачной охоты полакомиться остатками добычи, Боцман наткнулся на убежище ещё одной собаки. Но та настолько глубоко забилась в отнорок между узловатых, бугристых корней тополя, что была недосягаема для крупного кота. Боцман не растерялся и принялся разрывать землю сверху. Чтобы добраться до своей жертвы, ему пришлось вырыть целый котлован. Когда извлекал дрожащую енотовидную собаку, то обнаружил там ещё и вторую — поменьше.

Коту, чтобы насытиться, достаточно было и одной, но он терпеть не мог этих плодовых чужаков, недавно объявившихся в его владениях, и беспощадно давил их на своей территории.

Уже через неделю после первой грязевой ванны Боцман преобразился, обрёл присущий ему лоск. Надо сказать, что среди своих сородичей он был редким великаном и в то же время стремительным, как ветер. В его грозном облике особенно выделялась характерная голова: округлая и короткомордая, рот и глаза в кайме светлых ободков. Слегка вздёрнутая, после схватки с молодым медведем, верхняя губа, щетинистые усы и вертикальные тёмные полосы у переносицы придавали Боцману свирепое, беспощадное выражение, несколько смягчаемое кокетливыми кисточками из чёрных волос на кончиках подвижных ушей. В мерцающем блеске бронзово-жёлтых глаз угадывалась дикая и независимая натура.

Мягкий, густо-палевый с серебристым отливом мех украшал рассыпанный по всему телу бурый крап. Передвигалась рысь на длинных сильных лапах легко и грациозно, но главное, совершенно бесшумно, что вместе с острым зрением, молниеносной реакцией и острейшими когтями обеспечивало ей неизменный успех в охоте.

Пёстрым потоком текла таёжная жизнь. Мелькали дни, недели, месяцы. То сытые, то голодные, то солнечные, то пасмурные. Незаметно пришло время долгих ночей, породившее трескучие морозы.

Стылыми, звёздными ночами Боцман бродил по лесистым отрогам в поисках пропитания, а с восходом солнца выбирал тихое, защищённое

от ветров место с хорошим обзором и дремал под едва гревшими лучами светила.

Как-то на исходе зимы, когда удлиняющиеся солнечные дни вдохнули первый трепет жизни в оцепеневший в спячке лес и южный берег реки оброс тоненькими сосульками, Боцман застал возле недоеденного им беяка кошку с густыми длинными кисточками на ушах. Возмущённый кот резко зафыркал: «Как смеешь?! Моё!»

Кисточка пригнула шею и отползла. Всем своим видом она как бы говорила: «Я, конечно, виновата. Но я так голодна!»

Боцман ещё поворчал для порядка, но гнев его, постепенно слабея, вскоре и вовсе улетучился. Не спеша отрывая куски мяса, он то и дело с интересом поглядывал на незваную гостью. Насытившись, лёг поодаль, милостиво разрешив Кисточке доесть зайца. Случай свёл их вовремя: наступала пора свадеб.

Любовные утехы настроили кота на беспечный лад, и, когда ветер донёс со дна долины чуть различимый звук, похожий на крик человека, он лишь ненадолго наострил уши. Млеющая в ожидании скорой весны тайга и безмятежный пересвист птах быстро заглушили тревогу. Да ещё солнце наконец стряхнуло с себя прилипший клоч тучи и весело засверкало слепящим оком. Однако спутница заволновалась и задвигала ушами.

Ветер дул приближающимся зверобоям в лицо, и имея деревья густой летний наряд, они ещё долго продвигались бы незамеченными, но в зимней обнажённости Кисточка заметила какое-то движение в просветах между стволов.

Насторожился и Боцман. Приглядевшись, он увидел, как через разреженный прогал проскочили разношёрстные собаки с крутыми баранками хвостов и, молча рыская в подлеске, начали подниматься в гору. Сами по себе собаки пугали не больше, чем годовалые волки, но Боцман знал, что в тайге за ними всегда следует человек с тускло блестящей палкой. Встревоженные кошки побежали вверх, держась крутых склонов.

Поднявшись на перевальную седловину, Боцман остановился, пропуская Кисточку. Отсюда

он разглядел людей, на длинных «лапах» карабкающихся за лайками. Сначала одного, потом второго, третьего. В руках у каждого поблёскивала та самая палка, которой кот страшился больше всего на свете. Он помнил — из них вылетает огонь и острой болью впивается в тело, после чего из раны течёт кровь и пропадают силы. Несмотря на то что двуногие были ещё далеко, это воспоминание подстегнуло Боцмана, и он поторопился за Кисточкой.

Тем временем свора вышла на их «горячий» след и, разразившись азартным лаем, ринулась в погоню. Кошки поначалу легко отрывались от преследователей на своих мохнатых лапах-снегоступах, но, непривычные к продолжительному бегу, быстро утомились.

Вязкие, выносливые лайки* на глазах сокращали разделявшее их расстояние и гнали уже «по-зрячему». Собаки теперь не лаяли, а, распалённые видом беглецов, захлёбываясь, рыдали от страсти. Боцман знал, что они, так же как и волки, не умеют лазать по деревьям. Ища спасения, кот взлетел на огромную суковатую берёзу. Изрядно отставшая, задыхающаяся Кисточка, следуя его примеру, тоже взобралась на первое попавшееся дерево.

Набежавшая свора окружила затаившуюся в развилке кошку. Злобный лай зазвучал часто и исступлённо. Он нёс охотникам весть: «Зверь остановлен, поторопитесь!»

Появление запаренных хозяев собаки встретили невообразимыми прыжками и яростным кланьем клыков на окружённую беглянку. Каждая из них стремилась убедить своего властелина в том, что именно она настигла и загнала свирепо шипящую добычу на развилку дерева и заслуживает в награду самый лучший кусок мяса.

Бежавший впереди охотник с рыжей бородой во всё лицо устремил палку на Кисточку. Полыхнул язык пламени, грянул гром. Кошка взвыла от пронзившей грудь боли, рванулась было по стволу выше, но обмякшие лапы судорожно царапали пустоту — она летела вниз.

Боцман, увидев рыжебородого зверобоя, вскинувшего воронёную палку в их сторону, громадным прыжком сиганул на белую перину и под прикрытием густого пихтача* ушёл незамеченным. Иногда он оглядывался, надеясь увидеть бегущую следом Кисточку, но ему в морду неслись только удары грома. И невдомёк было ему, что это добивали его подругу.

Удалившись на безопасное расстояние, кот в ожидании спутницы залёг в непролазном буреломе, но она так и не появилась. С наступлением ночи рысь, покружив по лесу, вышла к тому месту, где их загнали на деревья, и застыла в немом ужасе.

Лунный свет озарял неестественно вывернутое тело Кисточки — без головы и шкуры. Обнажённые мышцы с желтоватыми отметинами подкожного жира уже прихватило морозом.

Вокруг на истоптанном снегу валялись облюбованные бумажные трубочки с едким запахом дыма. Они походили на белых, с чёрными головками, червей.

Боцман несколько минут вглядывался в обезображенную Кисточку. Затем повернул голову в ту сторону, куда ушли люди и собаки. Кот не умел плакать, но его пылающие зелёным огнём глаза застлал влажный туман. Он смертельно возненавидел Рыжебородого, поднявшего на них громовую палку, и противную, тошнотворную вонь от белых «червей» на снегу.

После гибели подруги Боцман как-то сник. Всё окружающее казалось ему теперь враждебным и неприветливым. Отрешившись от всего, кот часами угрюмо лежал на снегу. Прежде он так и жил — одиноким, мрачным отшельником, а с Кисточкой успел оттаять, привязаться к нежной спутнице. Но её так быстро не стало...

Известно — время лучший лекарь. Мало-помалу пробуждался интерес к жизни и у Боцмана.

В тайгу пришла весна. Из-под ужимающихся и оседающих под лучами ожившего солнца сугробов зазвенели ручьи. Облезли до черноты опушки. Покорствуя напору живительных соков, ветви сосен затопорщились розово-кремовыми свечками, щедро припудренными белой пылью. В полдень разомлевший лес источал горьковато-смоляные запахи, от которых сладко кружилась голова.

Однажды, после долгой прогулки по гребням кряжей, притомившийся Боцман спустился к реке, полной предзакатной тишины, покоя и свежести. Вылизав языком взъерошенную ветвями шерсть и помыв лапами морду, он распластался на тёплом стволе поваленной ольхи возле устья ручья, обозначенного широким полукружием разноцветной гальки. Отдыхая, он блаженно жмурился от ласковых переливов нескончаемых водяных бликов.

Пойму* заливал свет тлеющего заката. Чуть слышно прошелестела в траве гадюка. Она соскользнула по наклонной каменной плите в воду и, высоко подняв головку, поплыла на другой берег. Выбежал из кустов к реке горноста́й в бурой летней шубке и принялся жадно лакать воду.

Ни юркий зверёк, ни Боцман не видели сквозь отсвечивающие гребешки переката тёмной спины тайменя. Речной великан живой торпедой пронёсся под водой несколько метров и, окатив берег крутой волной, тут же исчез. Вздогнувший кот оторопело уставился на голый, мокрый речной валун, где только что стоял горноста́й...

Боцману уже изрядно приелась зайчатина, которой питался последние месяцы, и он решил побаловать себя олениной, но косули никак не попадались — после многоснежной зимы они стали крайне редки. Исходив окрестные распадки* и горы, кот всё же высмотрел под скалой одного упитанного бычка. Подкрасться к нему

из-за окружавших скалу курумников* было невозможно: увидит издалека и умчится, играючи, высокими прыжками-дугами.

Зная, что оленёнок рано или поздно обязательно пойдёт к ручью на водопой, кот нашёл проход, который тому не миновать. Забравшись на дерево, он затаился на толстой ветке среди листвы. Над головой что-то затрещало. Рысь невольно сжалась, но, подняв глаза, увидела падающий с верхушки дерева полусгнивший сук — «ложная тревога».

Прошло часа четыре, а Боцман всё ещё терпеливо лежал в засаде. Но вот наконец послышался едва уловимый стук копытец. Бычок шёл осторожно — оберегал от веток молодые, ещё покрытые опушённой кожей, вилообразные рожки с тремя небольшими отростками. Рысь стрелой сорвалась с дерева и, обрушившись всей своей массой на кирпично-ржавую спину косули, разом прокусила клыками позвонки. Косуля упала. Тут же попыталась вскочить и, как обычно, умчаться легко и свободно, но только что полные сил мышцы не повиновались.

Полакомившись сочным, парным мясом, Боцман завалился на спину и, лениво разметаив на траве лапы, стал кататься с боку на бок, то выгибаясь, то надолго замирая.

После обильной трапезы хотелось пить. Кот оттащил остатки косули под буреломный отвал, почистил о сухостойну когти, с наслаждением потёрся о бугристую кору и спустился наконец

к горному ключу. Заходя в воду, вспугнул маленьких уток-чирков. Те улетели вниз по течению плотной стремительной стайкой.

Утолив жажду, рысь укрылась от слепней под разлапистой елью. Нежась в её прохладе, сытая и благодушная, она наблюдала, как вылетают из воды и с причмокиванием ловят насекомых шустрые хариусы, как по воронёной поверхности рассыпаются серебристыми молниями испуганные мальки. Внезапно откуда-то сверху лёгкой, прозрачной тенью неслышно соскользнула скопа. Слегка чиркнула по волнистой ряби переката, и в её крючковатых когтях забился, сверкая перламутром, нерасторопный хариусёнок.

Но недолго Боцман пребывал в блаженном состоянии. С того места, где лежала косуля, слышался характерный шум: кто-то явно терзал недоеденную тушу.

Пришлый кот даже не соизволил поднять морду при появлении хозяина добычи, а только глянул исподлобья. Столь дерзкого поведения Боцман стерпеть не мог и яростно зашипел на наглеца. Тот в ответ разинул пасть, обнажив чёрные, выкрошившиеся зубы.

Внимательно разглядев облезлого, с прогнувшейся спиной незнакомца, кот сообразил, что перед ним совершенно дряхлый старик.

Боцман хорошо знал закон тайги — прав сильнейший, но не мог унижить себя дракой с беззубым зверем. Он просто подошёл к косуле с другой стороны, и коты, то и дело искоса поглядывая

друг на друга, мирно потрапезничали. Вскоре пришелец насытился и, поблагодарив взглядом, удалился, а хозяин примостился подремать на выворотне*. В это время к косуле, привлечённый кровавым потаском*, приближался... медведь.

Услышав сквозь сон оглушительный хруст мозговых костей, Боцман поначалу только облизывался, но довольное урчание косолапого обжоры наконец разбудило его. Во вспышке слепящего возмущения кот бесстрашно подскочил к грабителю и впился испепеляющим взглядом в крохотные медвежьи глазки. Напружинив лапы, он приготовился биться за свою добычу.

В ответ из широко разверзшейся пасти вырвались низкие громоподобные раскаты. Этот рёв

и мощные клиновидные клыки охладили праведный гнев кота: здравый смысл ему не был чужд. В бессильной ярости и обиде закружил он вокруг мародёра, но, сознавая неоспоримое превосходство медведя в силе, отступил с притворным равнодушием, тем более что туго набитое брюхо не располагало к рискованной схватке.

Всё лето Боцман провёл в покое и достатке. Вольготная жизнь никем не нарушалась. Волки и медведи заставляли проявлять известную осторожность, но кот избегал лобовых столкновений. Впрочем, и те не искали встречи с ним. Каждый ходил своей дорогой, уважая права соседа.

В тайге лишь с людьми он никак не мог ужиться, хотя никогда не посягал на их интересы, а, завидев, первым уступал дорогу. Эти существа всегда были агрессивны и при каждом удобном случае выпускали из своих железных палок разящий гром, к счастью, без последствий для него.

В тот год кот больше ни разу не слышал и не видел их до той поры, пока не опали листья, а земля и деревья не укутались в белые одежды. Хотя молодой снег вскорости растаял, спокойная жизнь кончилась. Вновь по отрогам и распадкам потянуло дымом, забрежали злобные псы, загромыхали тускло блестящие палки. Только теперь Боцману показалось, что армия зверобоев и их верных прислужников — собак стала ещё многочисленней.

Умудрённый кот мастерски ухитрялся не попадаться на глаза промысловикам, за что заслу-

жил репутацию зверя-невидимки. В то же время, невзирая на печальный опыт, он не мог избавиться от присущего ему любопытства: люди манили его своей непостижимостью. По ночам Боцман спускался с гор то к одному, то к другому охотничьему логову. На подступах к ним он натывался на мёрзлые ободранные тушки, в основном соболей и резко пахнущих норок. Беличьих не было. Видимо, их съедали собаки. Мясом же соболей и норок они брезговали.

Выбрав место поукомпней, кот подолгу наблюдал за загадочной жизнью двуногих.

Любил он ходить и по лыжному следу: ему было интересно знать, что делают охотники в его владениях. Кот изучил повадки промысловиков, а некоторых даже знал в лицо. Охотничьи ловушки и приманку возле них, чуя, что они таят смерть, Боцман рассматривал издали. Случалось, в ловушке ещё бился соболь или норка, реже колонок или горностаи. Обессиленные в бесплодных попытках освободиться, они через день-два коченели.

В один из таких обходов после лёгкой поросши Боцман явственно уловил аппетитный запах. Неподалёку от лыжного следа под деревом парил в воздухе, слегка покачиваясь, здоровенный косяк. Недоумению кота не было предела: чего это вдруг длинноухий кружится над снегом, словно птица? Ему не хотелось есть, но это его извечное любопытство...

Боцман прикинул — если встать на задние лапы, то до косого можно дотянуться. Мелкими семенящими шажками он приблизился к «летающему» зайцу — и тут же отпрянул от внезапной боли: на левой передней лапе, повыше широкой ступни, сомкнулись железные челюсти.

Человек, поставивший ловушку, был, конечно, искушённым в своём деле промысловиком, но он не учёл, что Боцман намного превосходит силой своих собратьев. Уже через час капкан был сорван с поводка, и рысь на трёх лапах бежала

прочь от страшного места, в сторону безжизненного поля каменных россыпей, раскинувшихся под высокими скалистыми вершинами — туда, куда охотники и собаки никогда не заходили.

Ловушка с обрывком поводка цепко сидела на ноге, и её тарелочка при каждом прыжке вызванивала о железную станину «тринь-дзинь, тринь-дзинь».

Добравшись до хаотичного нагромождения обломков скалы, Боцман залез в пустоту между угловатых глыб. Здесь, в относительной безопасности, потрясённая и измученная рысь забылась тяжёлым сном. К болезненной хватке железной пасти она притерпелась и спала на удивление долго. После сна происшедшее уже не казалось таким страшным, и кот вознамерился во что бы то ни стало избавиться от неудобной, причиняющей сильную боль побрякушки: она мешала ходить и своим позвякиванием могла вспугнуть добычу.

Боцман сел, чтобы задними лапами стянуть дуги, туго зажавшие переднюю конечность. Капкан, сдирая шкуру, медленно сползал, но, достигнув широкой ступни, застрял. Тогда сметливый зверь опустил длинную пружину в щель между камней и потянул лапу на себя. Верхняя доля пружины, получив упор, стала прижиматься к нижней, и чем сильнее тянул Боцман, тем слабее становилась хватка. Наконец она ослабла настолько, что лапа выскользнула из стальной челюсти.

После этого происшествия рысь, чтобы не стать жертвой новых хитростей двуногих, уда-

лилась на не посещаемый зверобоями голец, державно господствовавший над окрестными вершинами, и, промышляя куропаток, жила безбедно, несмотря на свирепствовавшие там ветра и трескучие морозы.

Пониже, в ельниках, стекавших зелёной лавой по горным ложбинам, обитали маленькие безрогие олени — кабарожки*. Коту порой удавалось полакомиться их суховатым, но нежным мясом.

Привыкнув к тому, что на Лысой горе снежный покров нарушается лишь следами крохотных копытцев кабарги да набродами куропаток, Боцман был крайне удивлён, когда увидел округлые вмятины рысских следов. Дня два назад кошка — а это была именно кошка! — прошла по гребню кряжа в сторону холмистой долины.

Кота вдруг охватила неясная, сладостная истома. Покинув было след, он вернулся обратно и пошёл по нему не останавливаясь, ступая точно в отпечатки лап самки. Прерывистая стёжка привела на пологие увалы, где к ней присоединялись с разных сторон следы трёх котов. В разгар ночи, по резким и страстным воплям, далеко слышным в тишине промороженной тайги, Боцман нашёл всех четверых на лесистом скате. Завидев изящную самку, он пришёл в ещё большее волнение.

Очаровательная кошечка в дымчато-серой шубке сразу определила в новичке достойного и надёжного покровителя и сама подошла к нему, не дожидаясь от него традиционных

любезностей, сопутствующих церемониалу ухаживания. Прежние кавалеры увязались было за ней, но Киса резко обернулась и неприязненно зашипела на отвергнутых ухажёров.

Молодая пара надолго удалилась в непролазную глухомань. Осчастливленный Боцман, будучи вообще-то весьма молчаливым существом, от избытка чувств время от времени издавал низкие протяжные вопли. Подруга вторила ему тихим грудным голосом. Эти душераздирающие любовные арии, по всей видимости доставляющие удовольствие самим исполнителям, заставляли остальных обитателей тайги замирать в страхе.

За время затяжной свадьбы к восхитительной Кисе не раз пытались приблизиться новые поклонники, но Боцман никого не подпускал к своей возлюбленной. Для этого ему не было нужды вступать в драку: его размеры и свирепый взгляд отрезвляли претендентов в женихи лучше любой затрешины.

Лишь один длинноногий кот бурой масти, поскитавшись по распадкам и отрогам в безуспешных поисках другой самки, через неделю вернулся и разыскал любезничавшую парочку. В прежние годы у Бурого при встрече с Боцманом начинала холодеть спина, но за последнее время он изрядно заматерел, налился силой. И теперь, с вызовом глядя на соперника, пошёл в атаку.

Боцман, вздёрнув короткий хвост и развернув наружу уши, приготовился дать отпор самоуверенному нахалу. Они встали друг против друга,

перекачивая тугие бугры мышц. Распушив щетиновые усы, взгорбив спины, коты долго разогревали себя, нагоняли на противника страх утробным завыванием. Наконец стали сходить-ся, то бросаясь, то отскакивая, с каждым разом сокращая расстояние. Внезапно, словно сговорившись, они сцепились в яростно ревущий шар, а через несколько секунд так же быстро распались на отдельные, непримиримо шипящие половины.

Первый натиск ошеломил отвыкшего от сопротивления Боцмана и пробудил в нём настоящую злость. Обменявшись ударами, они вновь сплелись и закрутились многолапым колесом, безжалостно раздирая шкуры друг друга когтями.

Во время передышки Боцман оправился быстрее соперника и огромной лапой нанёс по башке обладателя длинных ног сокрушительный удар. Тут же, не давая Бурому прийти в себя, располосовал когтями чувствительный нос. Не стерпев адской боли, соперник кинулся наутёк, роняя в снег клочья выдранной шерсти и алые горошины крови. Такой немилосердной трёпки Бурый ни разу не получал.

Конец зимы выдался снежным, пуржистым; весна — стылой, затяжной. Киса готовилась к окоту, а в тайге повсюду ещё лежал сквасившийся, крупнозернистый снег. Ходила кошка осторожно и мало. Больше лежала у входа в низкую расселину и прислушивалась к толкотне котят, рвущихся из тесной материнской утробы на волю. Они

временами так буйствовали, что живот бугрился от ударов крохотных, но уже сильных лапок.

Боцман, не покинувший после любовных утех подругу, заботу о пропитании взял на себя. Оставив Кису в логове, он отправился на очередную охоту. Дул тугой порывистый ветер. Ничто не говорило о весне. Только сугробы осели да вокруг стволов протаяли ямистые лунки.

Идя наискосок ветру, кот принюхивался к многослойному потоку запахов. Наконец он уловил то, что его интересовало: одна из струек принесла восхитительный аромат молодой лосихи.

Недолгие поиски привели его в непролазный ольшаник, на окраине которого виднелся снежный бугор, обрамлённый сухими листьями и обрывками травы. Ещё два шага — и из выбитого копытами углубления показалась бурая спина, кончики ушей.

Дремлет, не подозревает о смертельной опасности всегда чуткое животное: шум ветра заглушает шорох от крадущихся шагов рыси. Длинный, упругий прыжок — Боцман свалился на жертву как снег на голову. Запустив страшные когти в загривок и бока, он вонзил клыки в шею. Густая жёсткая шерсть и толстая кожа помешали ему сразу добраться до становой жилы и шейных позвонков.

Лосиха выметнулась из убежища и, тараня грудью заросли тальника, выскочила на ноздреватый лёд. Мотая головой, она кинулась к спасительной проплешине переката. Сиганув в по-

лыню, опрокинулась на спину в расчёте подтопить кота. Забурлила, вспенилась студёная вода. Заскрежетала под зверьми галька.

Хлынувшая в пасть и нос вода заставила Боцмана разомкнуть клыки. Лосиха вскочила на ноги. Громыхнув копытами по валунам, выпрыгнула на лёд и помчалась вниз по руслу. Из глубоко прокушенной шеи хлестала пульсирующими струйками кровь. Дстойно защищалась лосиха и вышла победителем, но вместе с кровью покидали молодое тело силы. Всё мельче шаг. И вот она взорвалась дивным прыжком и, издав громкий, почти медвежий рёв, упала на лёд замертво.

Боцман вылизал испачканную шубу и подошёл к туше. Налакавшись дымящейся крови, он привёл к мясу Кису. Знатная добыча надолго избавила супружескую чету от хлопот о пропитании. Тем не менее Боцман, как образцовый семьянин, через два дня опять отправился на охоту, с тем чтобы побаловать Кису свежениной. Подкараулив беляка, он заспешил к хозяйке.

Подходя к логову, кот услышал тонкий писк. «Это ещё что за гости?» Приглядевшись, Боцман различил копошащиеся между лап супруги крохотные мохнатые комочки. Киса осторожно освободилась от них и жадно набросилась на тёплую зайчатину. Малыши, а их было трое, без матери забеспокоились и завопили, неуклюже выпутываясь из переплетений лап, голов и коротких хвостиков.

Утолив голод, Киса подошла к Боцману и долго тёрлась лбом о заросшую бакенбардами щёку, выражая благодарность и безмерное материнское счастье, переполнявшее её.

Крохотные наследники, необыкновенная нежность Кисы побуждали Боцмана к неустойчивой охоте. Как-то, принеся в зубах ещё живого беляка, он оставил его на площадке перед входом в расселину. Косой, пытаясь бежать, временами

брыкался. Подростшие котята, в детских, пока почти белых шубках, разминая длинные нескладные ноги, с восторженным урчанием выбежали и закрутились вокруг уползавшей добычи. Блестящие глазёнки рысят впервые загорелись огнём настоящих хищников. Но тут совсем некстати полил дождь. Холодные капли остудили воинственный пыл юных охотников, и они отступили в убежище.

Боцман накрыл продрогших детёнышей мохнатыми лапами. Котята согрелись и задремали. Однако ненадолго — быстро пустеющие желуд-

ки заставили их перебраться под бок матери, каждый к своему излюбленному соску.

Сытость и тепло вновь пробудили в них желание порезвиться. Снаружи всё крапал дождь. В таких случаях котята взбирались на отца, чьё громадное туловище являло собой великолепную игровую площадку. Они прыгали, ползали, скакали по нему, с яростью трепали, а Боцман переносил потехи мелюзги с родительской снисходительностью.

А непогода разыгралась не на шутку. Холодный мелкий дождь лил почти беспрерывно, не выпуская на охоту, трое суток. У Кисы молока становилось всё меньше. Котята не наедались. Открывая розовые пасти, они жалобно хныкали, терзали её, прося добавки, но соски были пустыми. Мать нервничала и, тыкаясь в Боцмана носом, побуждала его идти промышлять дичь.

Кот и сам понимал, что ждать окончания дождя больше нельзя, и выбрался под текущую завесу. Кроме небесной капли его орошала и капель с почерневших ветвей захлебнувшегося влагой леса. Шерсть моментально намокла. Слипшись, она так плотно облегала тело, что Боцман со стороны выглядел голым.

Деревья до сих пор не выпустили лист.казалось, всё живое в тайге вымерло. Пробегав всю ночь по угольям в поисках прокорма, измученный неудачами кот, пошатываясь, возвращался к логову.

Киса издалека разглядела сквозь дождевую муть своего верного друга. Его унылый вид

говорил сам за себя: поживы не предвидится. Мерзкая, хлябистая весна творила своё чёрное дело: тайга изо дня в день пустела, лишаясь своих обитателей.

Наконец сплошной войлок туч истончился, разошёлся широкими голубыми разводами, открыв, впервые за весну, истомившееся в заточении яркое солнце. Оно щедро залило тёплыми брызгами озябшие деревья и кусты. Тайга на глазах оживала.

Боцман с Кисой, задёрганные требовательными воплями ослабевших котят, вышли на охоту вдвоём. Скоро они задавили костлявого беляка. Киса тут же на месте слопала его почти целиком и поспешила к голодным детёнышам.

Доев остатки, кот последовал за ней. Супруга озабоченно металась перед входом в расселину. С надеждой глянув на Боцмана, она исчезла в логове. Тут же выскочила обратно и опять металась по площадке между кустов. Встревоженный отец заполз в убежище. Котят там не было. Не веря своим глазам, он обшарил лапой все углы, но напрасно: рысята исчезли. Бедные родители обегали все окрестности, но не обнаружили ни единого следа, хоть как-то объяснявшего пропажу.

Многоопытный Боцман знал, что после таяния старого снега и до появления нового, молодого, охотники исчезают из тайги. Несколько месяцев её обитатели живут спокойно. Обладатели железных палок словно давали возможность вырастить

потомство. И тем не менее он был склонен винить в пропаже детёнышей именно людей.

У кошек не хватило сообразительности по одинокому перу беркута на площадке и клёкоту на дальней скале догадаться об истинном виновнике исчезновения котят. А дело было так.

Оголодавшая, так же как и кошки, за долгое ненастье чета беркутов вылетела из гнезда в поисках корма для своих прожорливых птенцов. Паря над тайгой, беркут-отец издали заметил греющихся на солнышке котят. Он ещё долго кружил в небе над пятачком перед логовом, пока не уверился по поведению несмышлёнышей, что они одни, без охраны родительских клыков. Беркут камнем пал на рысят, поразив когтистыми лапами двоих и убив ударом клюва третьего.

Безрадостно протекало лето. Киса, особенно первые недели, заслышав звуки, даже отдалённо напоминающие голоса котят, очертя голову бросалась на поиски, а никого не найдя, подолгу с отсутствующим видом сидела на земле, сутуло вобрав в плечи округлую голову. Ничто не интересовало её в такие часы. Если Боцман настаивал, она послушно брела за ним, участвовала в охотах, но всё это без желания и присущего ей прежде азарта.

Когда поздней осенью свора собак обнаружила их, Киса впервые не подчинилась Боцману и не последовала за ним в крутобокие сопки.

Почти сразу, как слышала погоню, вскарабкалась на первое попавшееся дерево и равнодушно наблюдала за бесновавшимися внизу лайками.

Подоспевшие охотники почему-то не стали выпускать разящий гром из палок, а подвели на длинном шесте петлю из жёсткой капроновой верёвки и, улучив момент, затащили её на передней лапе кошки. Затем сдёрнули шипящую рысь на чуть припорошенную снегом землю, накинули сверху толстое ватное одеяло и, удерживая рогулинами, туго спеленали.

Боцман ночью спустился с горных отрогов. Не найдя подруги, по следам звероловов к утру вышел на окраину леса, обрывавшегося в сотне метров от береговой линии. Дальше, за рекой, на пологом увале виднелись безликие в предрасветной мгле жилища людей.

Оставаясь под прикрытием деревьев, кот послал призывной клич и через мгновение услышал в ответ радостный горловой вопль Кисы. Он доносился из середины первого ряда домов, примыкавших огородами и банями к реке. Обмениваясь резким вяканьем, кошки вконец переполошили деревенских псов, и Боцман счёл благо разумным не распалать их дальше. Тем более что теперь он знал, где искать Кису.

Возвращаясь в горы, он невольно прислушивался к звукам, доносившимся из селения. Собаки утомонились: изредка взбредёт одна-другая, одиноко просипит бык, подаст трескучий голос петух. И опять тишина. Терзаемый противоречи-

выми чувствами, Боцман замедлил шаг и скоро остановился в нерешительности.

Привязанность к подруге, желание увидеть и освободить её бередили сердце, подавляя самый главный инстинкт — инстинкт самосохранения. Наконец он решился и повернул обратно, навстречу восходящему солнцу.

Шагал Боцман размашисто, без страха; сильное, неведомое ранее чувство вселяло уверенность в его сердце. Будучи жителем глухой тайги, он избегал открытых пространств. На них он чувствовал себя незащищённым. Но сейчас кот отважно вышел на высокий чистый берег и, не таясь, доступный людским взорам, встал, как изваяние, отчётливо выделяясь на фоне белого снега. Боцман понимал, что его видно из селения, но был в таком состоянии, когда совершаются необыкновенные и необъяснимые поступки. Он насилу преодолевал желание немедленно идти к месту заточения Кисы.

Баба Галя спустилась к проруби за водой. Заполнив вёдра, подняла голову и... увидела перед собой громадную рысь. Бросив коромысло, она опрометью пустилась бежать, голося:

— Ой, мамочки! Чур меня! Спасите! Спасите!

Вскоре переполошённая деревня всю гомонила о коварной рыси, которая напала на бабу Галю, но то ли промахнулась, то ли та успела надеть ей на голову железное ведро. Главное, баба Галя, слава богу, жива, а рысь

осталась голодной и караулит на речке новую жертву.

Кто посмелее, особенно мальчишки, ходили ватагой за огороды и глазели на дерзкого разбойника, стоящего на противоположном берегу реки с высоко поднятой головой.

Охотники с лайками уже неделю как разъехались по участкам — начался промысловый сезон. Охранять деревню остались одни бестолковые дворняги. Перепуганные бабки направились к местному зверолову Ивану Михайловичу Карпенко. Но его дома не оказалось — уехал в лесничество созваниваться с областной базой зооцентра, чтобы заказать машину для отправки отловленной рыси.

Когда женщины выходили из его избы, с реки донеслось громкое и резкое: «Вау-у!..» Киса в ответ радостно и мощно откликнулась из сарая. Заскочив обратно в сени, бабье излило свой испуг и застарелое недовольство на хозяйку дома:

— Вот ловит твой рысей, медвежат, волчат, а звери-то вишь какие наглые в отместку стали. Ни за водой сходить, ни детям покататься. Прошлый год медведица допекала, а ноне рысь...

— Занятие ваше нам всем на погибель, — добавила высокая старуха, — штраф на вас надо за такое.

— Оно верно, штрафом надо проучать! — охотно поддержали остальные.

— А ну вас к ляду! — отмахнулась хозяйка и ушла кормить скотину.

— Вот и толкуй с такой. Пошли, бабоньки, к Егору, он рысь стрельнёт, не промахнётся.

— Чо без толку ходить, небось уж пьяный.

— Чай, не каждый день пьёт.

— Точно пьяный: с утра тетеревов Афана-сьевне нёс на мен.

— Да, это уж такой человек...

Тем временем мужики, не занятые на промысле или забросившие это тяжёлое и рискованное занятие, кто по возрасту, кто по здоровью, собрались у селпо и решали, как быть.

— Эх, карабинчик бы!

— Так его только штатным* выдают, да и то не всем.

— И из гладкостволки усиленным зарядом можно достать, — убеждали другие.

Так и порешили: приготовить ружья и через час всем вместе собраться здесь же.

— Но чтоб без собак: котяра сразу уйдёт. И стрелять разом, по команде. Кто-нибудь да попадёт, — инструктировал бывалый дед Тимофей.

Смертельная опасность нависла над Боцманом. Он видел, как очередная ватага направи-лась через огороды к реке. Его насторожило то, что у каждого в руках была громовая палка.

Старики между тем вышли на обрывистый берег и стали целиться в рысь. Встревожен-ный кот, не оглядываясь, потрусил под защиту деревьев. Вокруг коротко прогудели «шмели»,

и ступни ощутили резкие удары по промёрзшей земле. Следом докатились раскаты грома.

Боцман обернулся и успел даже разглядеть стрелков, окутанных клубами серо-жёлтого дыма, как в тот же миг его прожгла сквозная боль. Преодолевая её, он огромными махами попытался достичь спасительно черневшего пихтача, но, не дотянув каких-то пять-шесть сажен, рухнул в снег.

Мужики, постреляв для верности ещё, перешли речку и окружили зверя. Вытянувшийся в последнем прыжке во весь рост, он казался особенно громадным.

— Это Боцман собственно и есть. Отбёгал наш великан, — не то с удовлетворением, не то с сожалением произнёс дед Тимофей.

Восхищённо оглядывая богатую шубу и пробуя пальцами остроту кривых, стальной прочности когтей, удачливые охотники задымили.

Самый старый в их компании, дедушка Антон, присел на корточки и, кряхтя, стал искать, куда угодила пуля.

— Навылет прошла, — заключил он и, отгибая шерсть, продемонстрировал кровоточащие с двух сторон раны.

— Ой, чо эт?! Мужики, тихо! Кажись, сердце тукает. Во-во. Ещё раз. Так он живой!

Охотники вскинули ружья.

— Антон, отойди! Очухается — задерёт когтищами. Отойди, тебе говорят! Мы вмиг упокоим.

— Да погодите. Совестно как-то... И хорош больно! Жалко красоту таку кончать. Давайте

к Карпенко свезём. Можя, выходит да сдаст на свою звериную базу. Пущай городские нашим Боцманом полюбуются.

— Кончай, дед, канитель поповскую разводить. Добить — и точка!

Тут донеслись звонкие голоса:

— Ну что, убили?

К охотникам подбежали запыхавшиеся пацаны.

— А кровищи-то!.. Мировой котяра!

Антон, воспользовавшись заминкой, снял ремень с ружья и туго обмотал задние лапы рыси. Мужикам ничего не оставалось, как помочь связать и передние.

— Ребя, давай живо сани...

Лёжа в тёплом рубленом сарае на душистом сене, Боцман ощутил лёгкое поглаживание. Вслед по шкуре пробежал приятный озноб. Почудилось, будто рядом сидит Киса и ластится. От блаженства кот хрипло заурчал и попытался сладко потянуться, но пробитое тело откликнулось острой болью. Боцман открыл глаза. Кто-то тёмный сидел перед ним.

Человек!!!

Волна блаженства сменилась волной ледящего страха. Боцман попытался вскочить, чтобы защищаться, однако лапы были стянуты путами. Но даже не будь их, ослабленный большой потерей крови кот всё равно не смог бы встать на ноги. От ощущения полной беспомощности его

обуял ужас. Оскалив зубы и глухо зарокотав, он вжал голову в сено и исподлобья следил за каждым движением человека.

— Не бойся, дурачок, — успокаивал густой басовитый голос. — На́, поешь... Тебе надо есть, иначе не поправишься. — Человек протянул наизнанный на прутик кусок мяса.

Чтобы не стеснять зверя, он отодвинулся, и Боцман смог разглядеть двуногого. Ничем не примечательный. Скорее даже невзрачный. Только на лице, обрамлённом мшистой рамкой бороды с лёгкой проседью, выделялся длинный, крючковатый, похожий на клюв хищной птицы нос. Но это сходство не придавало его лицу выражения враждебности. Напротив — делало добродушным. Ни одним движением человек не обнаруживал намерения причинить зло или боль.

— Ешь, ешь, дружок, ешь. — С этими словами Крюконос плавно приподнялся и, мягко ступая, вышел.

Боцман внимательно огляделся. Он лежал в бревенчатом логове с крохотным оконцем. Терпко пахло навозом. За дощатой перегородкой протяжно и шумно вздыхали корова и тёлка. Они, привычные к часто меняющимся грозным соседям, не обращали на рысь внимания: то и дело шуршали сеном в кормушке, постукивали копытами.

Повернув голову, кот чуть не уткнулся мордой в куски мяса, лежащие на доске. В горле першило от сухоты. Он осторожно взял было

соблазнительный шмат в зубы, но недоверие к человеку победило: в последний момент раскрыл пасть, и мясо упало на подстилку.

С двуногими существами Боцман связывал только боль и смерть. Поэтому был несколько обескуражен поведением Крючконоса, но не сомневался в том, что и он скоро проявит своё изопрѣнное коварство. От томительного ожидания бесславного финала к вечеру его трясло, как в лихорадке. Нервы и мускулы вибрировали, словно туго натянутые струны. Ослабленный перенапряжением и потерей крови, кот в конце концов забылся в тревожной дремоте, так и не притронувшись к еде.

Завершив домашние дела, Михалыч заглянул к пленнику. Увидев, что мясо не тронут, укоризненно покачал головой:

— Ну, брат, эдак дело не пойдѣт. Так ты никогда не поднимешься. Надо, милоч, поесть, обязательно надо поесть. — И опять настойчиво протягивал мясо на кончике ветки.

Человек долго сидел с Боцманом. Говорил успокаивающим, завораживающим голосом, уверенно гладил по спине. Потом смазал раны на груди чем-то прохладным, пахнущим грязями таѣжной лечебницы. И опять этот странный человек не причинил ему боли. Напротив, его прикосновения были приятны.

Ночью, когда беспрестанное хлопанье дверей и другие непонятные звуки стихали, Боцман

с горечью вспоминал события последних дней. Мог ли он предположить, что жизнь столь круто переменится и он окажется во власти человека!

Силы покидали кота. Если бы на него сейчас накинута собачья свора или взял на мушку не знающий промаха зверобой, он бы даже не попытался бежать, а молча принял смерть.

Внезапно совсем близко раздался призывный горловой вопль. У Боцмана даже дух занялся. Не может быть! Это же Киса! Кот откликнулся ликующим: «Вау!»

Подруга отозвалась не менее восторженно. От их переклички во дворе поднялся злобный лай, и рыси, дабы прекратить собачью брехню, умолкли.

У Боцмана всё пело в груди: «Киса жива! Она где-то рядом». Но он так слаб, что не может не только прийти к ней на выручку, но даже самостоятельно встать на ноги. Надо срочно набираться сил!

Глаза приободrivшегося узника засветились надеждой. «Мы ещё поживём!» Он жадно съел сочную мякоть и с того вечера живо пошёл на поправку.

Боцман привык к Крючконосу и уже не напугался, когда тот заходил кормить или обрабатывать раны: они болели всё меньше. Огонь и жжение в груди почти исчезли. Кот опять дышал полной грудью. Изредка они с Кисой обменивались приглушённым вяканьем, встречаемым

яростным лаем собак и тревожным кудахтаньем кур.

В один из дней хозяйские псы, воспользовавшись тем, что дверь по недосмотру осталась открытой, проникли в сарай и набросились на связанного кота. Но Крючконос сердитыми окриками выгнал их, а особенно разбушевавшегося кобеля посадил на цепь.

Кот был поражён: человек не только не позволил собакам растерзать его, а наоборот — защитил от заклятых врагов. Тщетно пытался кот разрешить эту загадку. Она была ему не под силу. С этого момента Боцман окончательно поверил Крючконосу, и отношение к людям у него перестало быть столь однозначным, как прежде. Он даже начал на свой лад делить людей на «добрых», вроде Крючконоса, и «злых», вроде Рыжебородого, убившего Кисточку.

Понятливые лайки после хозяйской взбучки крепко усвоили, что рыси на их подворье — особы неприкосновенные. Но тем не менее не упускали случая порычать на кошек исподтишка.

Наконец пришло время, когда Боцман сам поднялся на ноги.

— Замечательно! Какой ты молодец! — похвалил Крючконос. Лицо зверолова светилось неподдельной радостью. — Ещё немного отъешишься — и повезу тебя в город.

На дне холодных и бесстрастных для несведущего человека рысьих глаз Михалыч уловил отклик понимания.

Зверолов успел привязаться к Боцману. Много зверей прошло через его руки, но такого умницы он ещё не встречал. Постоянно и подолгу разговаривая с ним, Михалыч чувствовал, как открывается какая-то таинственная заслонка и кот начинает понимать смысл его слов и жестов. А когда зверолов после трёхдневной отлучки зашёл в сарай проведать подопечного, то был удивлён тем, с какой демонстративной обидой отвернул от него высоко поднятую голову гордый кот.

Человек снял с лап рыси путы. Они хоть и не мешали ходить, но вставать с ними было неудобно. Поколебавшись немного, Михалыч удлинил толстый брезентовый ремень, привязанный к сыромятному ошейнику. Эта удавка Боцману не нравилась, и он не единожды пытался стянуть её, но всякий раз безуспешно. К ремню же притерпелся и даже не кусал его, тем более что острые клыки лишь протыкали брезент насквозь: грызть, подобно волку или собаке, рыси не умеют.

Пошёл четырнадцатый день заточения. Кот совершенно оправился от ран и вновь обрёл грозный вид. Хорошая форма подопечного вдохновляла Михалыча: пора было заняться отловом соболей, но он не мог уйти в тайгу, пока не сдаст рысей. Оставлять же их под присмотром жены зверолов побаивался — всё-таки хищники, мало ли что... Да и мяса на них не напасёшься.

Зообаз с вывозом что-то медлила. Зверолов нервничал. Наконец пришла радиограмма. Из её

текста явствовало, что машина будет через день, но без клеток. Михалыч, поругивая далёкое начальство, не мешкая отправился на пилораму договариваться насчёт досок. Он торопился ещё и потому, что надо было успеть зарезать бычка и, воспользовавшись оказией, повыгоднее сдать мясо в городскую столовую.

Вечером жена сообщила ему, что из тайги вышел Потап — его двоюродный брат. Жил он через дом, и зверолов решил сходить, чтобы узнать, не случилось ли что — вышел-то брат во внеурочное время. Обычно охотники появлялись в деревне лишь под самый Новый год, да и то дня на два — четыре.

Пока одевался, в дверь постучали, и в избу ввалился упредивший его Потап. Огненно-рыжая борода промысловика засияла при электрическом свете, словно хорошо надраенный медный котёл.

— Братан, покажь котяру! Старик говорит, самого Боцмана пригрохнули.

Вооружившись фонариками, мужики вошли в сарай. Рысь под бесцеремонным прицелом слепящих «глаз» отвернула морду и угрожающе заворчала.

— Ну хватит, Потап.

— Сдавать будешь?

— Да, послезавтра приедут.

Не попрощавшись, Потап зашагал к калитке. Хозяин недоуменным взглядом проводил его и, спохватившись, крикнул вдогонку:

— Чего из тайги так рано? Случилось что?

— Да так, дела, — неопределённо отмахнулся тот.

На следующий день Михалыч с конюхом привезли с пилорамы на санях большой щелястый ящик, сбитый из пахнущих смолой золотистых досок. Набросали в него сена и, не закрывая дверку, подтащили вплотную к сараю, в котором томилась Киса.

— Иди, иди! — негромко скомандовал ей зверолов.

Кошка послушно перешла в клетку. Удивлённый конюх не удержался:

— Эва! Убей меня деревом! Как это ты такую власть заимел?

— Через ласку. Ежели принуждать, силой гнуть своё, зверь только злобится.

Клетку закрыли, передвинули по снегу к сараю, в котором держали Боцмана, и оставили там. Зверолов, жалея любимца, не стал перегонять его в холодный тесный ящик до прихода машины. Тем более что процедура эта не должна отнять много времени: Боцман наверняка сам забежит к подруге. Главное, не дать Кисе выскочить из клетки. Для этого Михалыч приготовил несколько жердей и тут же примерил их, вставляя на разной высоте в щели между досок.

Когда он занимался этим, хлопнула калитка и подошли два соседских мужика. Боцман слышал, как вывели из хлева бычка, как он коротко взревел, и вскоре по двору загулял запах

горячей крови, парного мяса. Крючконос на бегу заглянул к Боцману и бросил тёплой свеженины.

Калитка захлопала чаще. Раздавались всё новые и новые голоса, теперь большей частью женские. Кот прислушивался к оживлению с нарастающей тревогой, но, как ни силился, не мог связать воедино значение происходящих событий.

Из дома между тем полились приятные переливчатые звуки. Это деревенский музыкант заиграл на гармошке. Рысь впервые слушала музыку. Она ласкала слух и завораживала даже сильнее, чем говор Крючконоса.

Потом в доме затопали, красиво многоголо-со завывли. Кто-то вышел на улицу, остановился у клетки с Кисой.

— У, зверюга! — Человек смачно сплюнул. — Не мне ты попалась! Где тут твой недобитый кавалер?

Дверь к Боцману приоткрылась. С шипением вспыхнул огонёк, и кот увидел рыжебородое лицо убийцы Кисточки. Пахнуло едким запахом белых, с чёрной головкой «червей». Этот запах-воспоминание перекошил морду Боцмана гримасой ненависти. Кот ощерился, издал громогласное: «Ва-а-у-у-у!» Обнажившиеся клыки блеснули, словно стальные пики.

При виде разъярённого дьявола мужество мгновенно оставило пьяного Потапа, или, как его за глаза звали деревенские, Жилу. Он пулей вылетел из сарая, схватил увесистый кол, подпиравший дверь клетки с Кисой, и, вернув-

шись обратно, жестоко отходил им привязанного Боцмана.

Полный мстительного упоения Рыжебородый вышел во двор и увидел... рысь. С воплем: «Отрывалась, спасайтесь!» — он влетел в избу. Там поднялся невообразимый гвалт. Перепуганный Жила, пуча глаза, выкрикивал что-то нечленораздельное. Его переспрашивали, но в шуме ничего нельзя было разобрать.

Боцман, обозлённый унижением и чувством бессилия перед обидчиком, в ярости рвал ремень. Толстая брезентовая лента не поддавалась. Снова и снова опрокидывала она кота на спину. Ошейник врезался в горло, перехватывал дыхание. Рванувшись с разгону в очередной раз, Боцман услышал треск и с лёту ударился головой в стену. В следующее мгновение кот вскочил и сиганул в распахнутую дверь.

На поленнице дров он увидел Кису, отбивавшуюся от нападавших собак. Рассвирепевший Боцман сшиб с ног ближнюю, на ходу сомкнул челюсти на загривке следующей и, не обращая внимания на остальных, бросился с подругой через задворки к вздымавшемуся за рекой спасительному лесу. Не прошло и трёх минут, как они оказались в родной стихии.

Ни собаки, ни хмельные хозяева не решились на ночную погоню. Высыпав во двор, они с суеврным страхом, с примесью невольного восхищения, ахали и грозили кулаком в черноту ночи:

— Ну, погоди, бестия!

...Забравшись высоко в горы, Боцман с Кисой наконец прилегли на снежную перину среди высоченных кедров. Тесно прижавшись друг к другу, они тихо уркали от счастья встречи и обрётённой свободы. Им приветливо светила огромная, в тёмных вмятинах луна.

Отдохнув, рыси тщательно вылизались шершавыми языками. Потом долго с наслаждением купались в искристом, чистом снегу, избавляясь от запахов, напоминавших о плене. В завершение этой памятной ночи они поймали прямо в снежной спальне тетёрку и недурственно подкрепились. Какой это праздник — свобода!!!

В разгар промыслового сезона бригада звероловов вновь наткнулась на следы неразлучной пары.

Заслышав брехню лаек, рыси стронулись с лёжки и пошли самыми непроходимыми кручами к истоку ручья. Но Михалыч, досконально изучивший рысьи повадки, всё это предвидел. Он пустил по следу лишь трёх собак и одного охотника, а сам с напарником и шестью собаками поджидал кошек на узком переходе, который им сложно миновать.

Расчёты бригадира оправдались. Рыси вышли чуть ниже места засады. Промысловики спустили зверовых псов. Разразившись громовым лаем, они вмиг окружили ошеломлённых беглецов.

Боцман уже высматривал подходящее для спасения дерево, но, услышав крики людей, изменил своё намерение.

Люди быстро приближались. В одном из них глазастый кот узнал Крючконоса. Тот бежал с толстым одеялом чуть позади напарника.

В это время здоровенный кобель бросился на Кису, целя прямо в горло. Боцман рванулся наперерез и едва успел подставить плечо. Опрокинув пса, он когтями распорол ему брюхо. Визжа от боли, собака покатилась с кручи. Воспользовавшись заминкой, кот устрашающе шипящим комом пролетел сквозь свору и помчался огромными махами навстречу двуногим. Лайки кинулись за ним, и сметливая Киса припустила во весь дух в противоположную сторону.

Увидев летящую прямо на них огромную рысь, звероловы оторопели. Напарник Крючконоса вскинул ружьё. Тот что-то крикнул ему — и громовая палка опустилась. Тем временем кот пронёсся мимо побелевшего как снег Крючконоса и скрылся в ельнике...

Бригадир окликнул лаек, но две самые азартные и отчаянные не подчинились и продолжили погоню. Определив по лаю, что собак мало, Боцман затаился за выворотнем. Вымахнув преследователям наперерез, он оторвал ухо одной и разодрал бок другой. Поджав хвосты, посрамлённые псы пустились наутёк.

К исходу дня Боцман разыскал Кису. Они опять были вместе.

Всё чаще владения кошек разрезали длинные следы «зимних ног» охотников, вынужденных

в поисках более богатых соболями угодий забираться в тайгу глубже и глубже. Кошки терпелись к этим двойным, гладко накатанным канавкам и иногда, особенно после обильных снегопадов, даже ходили по ним, хотя Боцман знал, что они могут таить смерть.

Однажды, выйдя на место пересечения своей постоянной тропы с лыжной колеёй, звери уловили соблазнительный запах рябчика, а вскоре увидели его самого, неподвижно сидящего на снегу. Боцману показалось, что от лыжни к птице ведут аккуратно присыпанные лунки. Эти намёки на след наполнили его сердце смутным предчувствием. Всё говорило о том, что рябчика лучше не трогать, обойти стороной.

Кот дал понять о своих опасениях подружке, но ей нестерпимо хотелось есть, и она не устояла перед возможностью полакомиться белым мясом лесной курочки.

Несколько минут спустя по её телу разлился и стал проникать во все органы жгучий огонь. Киса, тяжело дыша, присела. Эта перемена подтвердила предчувствия Боцмана. Он принялся нетерпеливо подталкивать подружку, побуждая её быстрее покинуть подозрительное место. Но бедняжка вдруг повалилась на снег и забилась в частых и резких судорогах. Напряжённая спина прогнулась дугой. Невидимая чудовищная сила всё загибала и загибала её так, что позвоночник затрепал и голова в конце концов коснулась хребта. Из пасти Кисы потянулись тягучие

струйки слюны, зрачки глаз неестественно расширились, лапы мелко задрожали.

Кот с тревогой наблюдал за мучениями подруги, не представляя, чем ей помочь. В какой-то миг Боцман заметил, что её страдальческий взор, устремлённый до этого на него, как бы опрокинулся и стал погружаться вглубь широко раскрытых зрачков.

Киса давно стихла, а Боцман всё сидел рядом, всё тыкался в её плечо, тщетно пытаясь поднять и увести отлежаться в безопасном месте. Когда тело кошки стало таким же холодным, как снег, кот наконец понял, что его спутница никогда уже больше не встанет. И он ушёл... Один...

На снегу осталась лежать очередная жертва, принесённая «старшим братьям» для того, чтобы со временем украсить женские плечи красивой рысьей накидкой.

Потеряв Кису, Боцман впал в состояние тупого отчаяния. Он ничего не ел: тоска убила в нём голод.

Через несколько дней он вернулся на то место, где оставил её, но обнаружил там лишь ненавистных вонючих «червей».

Часть вторая

Прошло четыре года. Всё это время обладатель поседевших бакенбардов жил угрюмым отшельником. Впрочем, если бы он и захотел обзавестись подругой, то не смог бы исполнить это желание: все его соплеменницы за это время были либо отравлены, либо отловлены. Более того, Боцман остался вообще одним-единственным представителем своего вида в этом совсем недавно богатом рысями крае.

От собак и охотников ему не стало житья. Тайга, казалось, была пронизана смертью. Одинокий громадный кот сделался заветной добычей всех окрестных зверобоев.

Их профессиональное честолюбие будоражили легенды о подвигах знаменитого кота, о его дьявольской хитрости и изворотливости. Эта репутация была вполне заслуженной: частые стычки с промысловиками многому научили Боцмана.

Стремление добыть исполинского кота подогревалось ещё и тем, что рысьи шкуры в эти годы вошли в моду и цена на них чрезвычайно выросла. А красивый окрас и рекордные размеры шубы Боцмана в любом случае сулили немалые барыши. Тем более что вездесущие скупщики забирались в самые отдалённые деревушки и назначали баснословное вознаграждение.

К тому же любому зверолову лестно было занять и череп Боцмана. Величина отпечатков лап кота давала уверенность в получении за такой череп не только золотой медали на выставке охотничьих трофеев, но и побитие всех прежних рекордов.

Боцману, конечно, было невдомёк, обладателем каких опасных достоинств он является, но то, что люди настойчиво добиваются его смерти, для него было очевидно — их жестокая воля неотступно преследовала его.

Постоянное напряжение развило его наблюдательность до совершенства, а великолепная память помогала не повторять ошибок. Благодаря этому ему удавалось оставлять с носом самых бывалых промысловиков.

Временами на Боцмана накатывала тоска по обществу себе подобных. Она нарастала, терзала сердце. И тогда кот, дабы заглушить муки одиночества, принимался вопить так, что обитатели окрестных гнёзд и нор цепенели от ужаса.

Очередной сезон близился к завершению, но никто из зверобоев так и не смог вынуть

из котомки и развернуть перед скупщиком роскошную шкуру Боцмана.

С приближением весны вместе со снегом таяли и надежды на знатную добычу. А тут ещё случилась невиданная, затяжная оттепель. Надулись нежные пуховички на прибрежных ивах. Ледяная броня на набухшей реке разошлась в трещинах и стала пористой, белой, как сахар. Похоже было, что лёд тронется намного раньше срока.

В эти дни из самого центра прибыл в село лихой скупщик и назначил за шкуру рыси такую цену, что все аж присвистнули. Наиболее азартные и охочие до денег и обещанной выпивки зверобои решили объединиться и провести облаву артельно. Тому, кто добудет кота, — половину цены, а остальное поровну на всех участников.

Обсудив, кто и где в последний раз видел следы рыси, определили район поиска, а в тайге по свежим отпечаткам на расквашенном снегу сузили его до одной столообразной, лесистой горы. Она тянулась перпендикулярно к реке и обрывалась в неё неприступной стеной.

Разбившись на пять групп, зверобои охватили гору вытянутым полукругом и, пересидев ночь в укромных ложбинах, в назначенный час стали подниматься по снежной хляби.

Боцман отдыхал на стволе поваленного кедра, когда дремотную тишину глухолесья нарушили сначала гортанные крики ворон, а затем внезапно возникший сплошной треск. Зародившись

в глубине леса, он быстро приближался. Чуткое ухо уже различало сквозь него отдалённый лай опостылевших собак. Кот встрепнулся. Вскоре мимо пронеслось, круша всё на своём пути, стадо лосей.

Лай приближался. Боцман тяжело вздохнул. За долгую зиму в нём успела накопиться усталость от этих вечных бегов. Эх, быстрее бы сошёл снег! Тогда на несколько месяцев придёт долгожданный покой. Но до этих времён ещё надо дожить. Кот без лишней суеты и паники размашисто припустил на противоположный лаю склон.

Уходил спокойно, так как был уверен, что узколапым псам по расквашенному снегу не настичь его. Но вскоре услышал встречный лай. Что делать?! Боцман побежал по косой, с намерением найти проход у дальней оконечности горы. Однако и там уже мельтешили в просветах леса собаки, за ними люди.

Кот в смятении остановился. Один вырвавшийся вперёд двуногий находился на расстоянии чуть более ста метров. Тренированный глаз охотника засёк притаившуюся в кустах рысь, и он вскинул карабин. Боцман сразу признал стрелка — это был Рыжебородый. Быстрее прочь!

К отступлению оставался единственный путь — река, но как спуститься к ней по отвесной стене? В это время вокруг прожужжал густой рой смертоносных «ос». Две из них впились в тело, третья резанула левое ухо. Стеляя

зверобой пулей — несдобровать бы нашему коту, но Жила, не отличаясь меткостью, предпочитал бить снопом картечи. Однако в этот раз расстояние оказалось слишком велико для убойного выстрела. Хотя две картечины и догнали рысь, они застряли в мякоти, не причинив большого вреда.

Боцман отпрыгнул за ствол дерева. Набатный лай и выстрелы приближались. Сейчас кольцо сомкнётся, и тогда...

Кот рванул изо всех сил к реке — своей последней надежде.

Большинство собак преследовало изрядно осточертевшего им кота уже «по-зрячему». Они жаждали в конце концов загнать его на дерево и отлаять от души, как обычную деревенскую кошку, а когда подойдёт хозяин и продырявит усатую морду, рвануть хоть разок крапчатый бок.

До обрыва коту оставалось совсем немного, когда не только сзади, но и слева, и справа стали выкатываться пёстрыми комьями собаки с крутыми серпами хвостов. Увидев уходящую к реке рысь, крайние ринулись на перехват.

Боцман растерянно остановился: его лишали последнего шанса на спасение. Тайгу заливал лай сомкнувших кольцо собак. За их спинами громыхали выстрелы и слышались победные возгласы людей, свист пуль. Всё, не уйти! Обложили намертво. Кот увидел свою смерть так ясно, что шерсть на загривке поднялась дыбом, но сдаваться было не в его правилах.

Выбирая удобную для боя позицию, он вскочил было на макушку протаявшего из-под снега выворотня, лежащего у края глубокого провала, как вдруг, ещё не понимая смысла своего безрассудства, неожиданно скатился вниз, обдираясь о сучья стволов, нагромождённых на крутых скалах, прямо к устью огромной воронки.

Лайки, порывисто дыша, обступили край провала и злорадно облаивали запертую в ловушке рысь.

Подбежавшие зверобои открыли стрельбу по светлым пятнам на дне провала, пока кто-то не образумил:

— Кончай палить: всю шкуру продырявим. Если жив ещё, и так никуда не денется.

Эти слова прозвучали сигналом. Все расслабились. Азарт спал. Охотники вдруг почувствовали, как устали и проголодались за эти дни.

— Чаю бы попить — во рту пересохло, мочи нет, — произнёс заросший щетиной Глеб.

— Да что чай?! Кота надо брать!

— Вот уж не скажи. Чай — вещь стоящая. Чай — он живость даёт. Подойдёшь, бывало, с поклажей к горе. Посмотришь — ни в жисть не одолеть. Костерок наладишь, крепкого, запашистого заваришь, выпьешь кружку — и взберёшься на одном дыхании до самой верхотуры, — убедительно возразил самый пожилой из них, Тихон.

— Верно говоришь. Коту теперича некуда деться. Не грех и чайком побаловаться, со вчерашнего на сухомятке.

Промысловики сноровисто развели костерок и, подвесив котелок со снегом, обменивались, как обычно, впечатлениями. Больше всех заливался рыжий Потап:

— Видали, как удачно я его зацепил! След сразу закровил. Знать, сильно — вишь, аж в яму свалился, окаянный. Сколько промышляю, а такой хитрющей твари не встречал. Ведь столько лет нас дурачил!

— Ну ноне ему крышка!

— Всё же жалко, мужики. Как-то без рыси в тайге не того... Вроде как пресновато. Это всё одно что щи без капусты или баня без пара.

— Да народятся ещё али понавезут откуда, расселят, ежели нужный зверь...

Почаёвничав, возбуждённые предвкушением знатной добычи охотники спустили на верёвках по более чистому от валежин склону провала Потапа и Глеба.

Достигнув дна воронки, те долго и осторожно лазили, с ружьями на изготовку, по шатающимся угловатым глыбам, заглядывали под них и наконец, чертыхаясь, поднялись с помощью поджидавших товарищей наверх.

— Ушла, гадина! Под камнями лаз. Из него дует, как из трубы. Похоже, где-то выход есть, — оправдываясь, бормотал Глеб.

Потап же, ни слова не говоря, направился к береговой круче.

Боцман за это время уже проник по узкому каналу в сумрачный грот и в конце горловины

увидел реку, подтопленный внешней водой противоположный берег. Внизу, в метре от края уступа, плыли, скрежеща по отполированному прижиму, разнокалиберные льдины.

Всё правильно. Кота не обмануло смутно мелькнувшее воспоминание: это был тот самый провал, благодаря которому он спасся во время наводнения много лет назад.

Не теряя времени, рысь наметила подходящую льдину и, когда та поравнялась с чёрным зевом, прыгнула на неё. Льдина упруго качнулась и понеслась дальше по отбойной стремнине.

Но что это за резкий, drobный стук вокруг? Острый осколок льда больно ударил по нижней губе, и тут уже сверху донёсся грохот. Оглянувшись, Боцман увидел на отвесной береговой круче человека с громовой палкой. Рыжебородый! Нигде нет от него спасения!

Не дожидаясь очередного выстрела, кот сиганул в студёный поток. Вода разошлась двумя искрящимися крыльями брызг. Боцман на пару секунд погрузился в изумрудную толщу, а вынырнув, поплыл рядом со льдиной.

Рысь ещё несколько раз слышала резкие хлопki, булькающий посев по воде, щелчки по льду, но и они вскоре прекратились. Коченея, Боцман вскарабкался обратно и обернулся. Силуэт охотника мелькнул последний раз и исчез за надвинувшимся отрогом. Река, делая крутой поворот, уже затягивала Боцмана в теснину длинного ущелья, туда, где кот караулил каскад бесноватых порогов.

Долго они глумились над несчастным зверем: швыряли, вертели среди рёва тысячи медведей. Оглохший кот распластался на льдистой броне, намертво вцепившись в неё когтями-крючьями. Несколько раз льдину дыбило, окатывало мощными водяными валами. Но, видно, судьба решила и на этот раз пощадить рысь: ревучий поток прорезал гранитный кряж, и изрядно потрёпанное «судёнышко» успокоилось. Льдину то и дело проносило вблизи берега, и Боцман не раз уже порывался покинуть хрупкое, ненадёжное пристанище, но всё недоставало смелости. Нерешительность чуть не стоила ему жизни.

На одном кривуне образовался многоярусный ледовый затор. Река с глухим рёвом уходила под него, громоздя поверх всё новые и новые обломки. «Плотик» Боцмана несло прямо в центр этой грозной крепости. От резкого удара льдина дрогнула и, подпираемая сзади другими, раскололась пополам. Ещё миг — и Боцман навсегда исчез бы в бурлящей пучине, но он успел запрыгнуть на угловатую, подрагивающую от бешеного напора плотину и, не задерживаясь, проскакал по напряжённо вибрирующим осколкам на берег.

На земле кот зябко отряхнулся. Шатаясь от усталости, поднялся на мысок и повалился на подсохший пяточок земли. «Неужели несчастья этого сумасшедшего дня остались позади и теперь можно спокойно полежать?!» — говорили, его глаза всё ещё не верящие в спасение.

Боцману следовало, наверное, завопить что есть мочи, дабы известить тайгу о своём невероятном спасении, но бедолага не то что вопля, даже стона не в состоянии был издать.

Ноющая боль в задней части тела напомнила о метком выстреле Рыжебородого. Вылизав зад, Боцман обнаружил две ранки. «Ничего, бегать можно, а к боли притерплюсь», — примерно так оценил своё положение несокрушимый кот.

Опасаясь преследования, Боцман отступил в каменные дебри высоких гольцов. Здесь ещё властвовали морозы, и чахлые деревья поутру наряжались в густые шубы из искристого куржака*.

Поскольку ни зайцы, ни косули не обитали в этих суровых местах, Боцману пришлось довольствоваться одними белыми куропатками. Но они, непуганые и доверчивые, с каждым днём становились всё осторожней, и кот вскоре был вынужден откочевать в средний пояс гор.

Раны не заживали, наоборот, воспалились до такой степени, что задние ноги отказывались служить. Зверь с каждым днём хирел. Все свои несчастья искалеченный кот связывал с человеком и его паскудными прислужниками — собаками. Когда накатывали воспоминания, в нём разгоралась жажда мести. Это по их милости он лишён радости настоящей охоты и сейчас голодает, хотя повсюду прямо под носом бегают и летают желанная дичь — увы, она недоступна ему.

От плохой и скудной пищи Боцман стал похож на облезлую, запаршивевшую кошку. Рёбра от худобы выпирали, словно согнутые весенним паводком ивовые прутья. Угловатый таз и острые лопатки горбами торчали из-под вытершейся шкуры. Молодецкие бакенбарды совсем обвисли и имели вид пожухлой травы. Пустой желудок разрывали болезненные спазмы.

Чувство голода временами было столь острым и нестерпимым, что кот принимался глотать кору и откусывать, словно заяц, верхушки веточек. Но не такая пища нужна была ему. Организм жаждал свежего мяса.

Иссохший, похожий на мумию Боцман тем не менее и тут приспособился. Смирив гордыню, он стал неотступно следовать на безопасном расстоянии за добычливой стаей волков и перебиваться скудными обедками от их пиршеств.

Непредсказуемая погода преподнесла в разгар весны очередной сюрприз. Нежданно-негаданно воротилась зима. Сутки, не переставая, валил снег, задул северный ветер. Потом ударили такие морозы, что затрещали деревья.

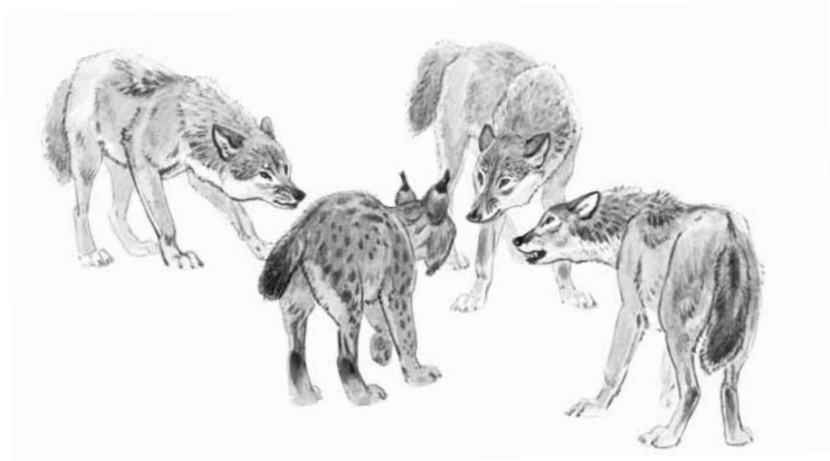
Продрогший Боцман лежал у дочиста обглоданных остатков сохатого и, по-стариковски вздыхая, высматривал, откуда бы выковырнуть ещё хоть одну ниточку мяса, как вдруг послышался короткий охотничий клич волчьей братии.

Переждав несколько часов, кот поковылял туда, уверенный, что их охота увенчалась успехом.

Так оно и было, но, к несчастью, он ошибся в выборе маршрута и столкнулся нос к носу с самой стаей.

Волки давно обратили внимание на то, что за ними ходит рысь, и если при безуспешной охоте возвращались к недоеденной добыче, то всегда находили там круглые отпечатки рысьих лап и чисто вылизанные языком-тёркой кости.

Серых, испытывавших к кошачьему племени особую неприязнь, раздражала к тому же назойливость побирушки. И вот представился удобный случай проучить вора.

Пригнув головы, они молча обступили кота. Вожак впился немигающим взглядом в зрачки рыси. Боцман не отвернулся, выдержал чугунный взгляд-натиск, чем ещё сильнее озлобил матёрого, и тот ринулся в атаку. Боцман попытался прорвать кольцо, но вожак в прыжке достал его и резанул клыками прямо по ранам. У кота

от адской боли потемнело в глазах. Он опрокинулся на спину и приготовился потрошить острыми как бритвы когтями тугие животы обьевших волков, но те благоразумно отпрянули.

Страх смерти вернул Боцману силы. Неожиданно для стаи он перемахнул через разящие смрадным запахом пасти и пустился наутёк. Но слабость тут же дала о себе знать: серые настигли его и сбили с ног. Переплетаясь в разлапистый ком, они скатились в глубокую ложбину.

Высоко набившийся свежий снег лежал там пухлой, воздушной периной. Волки погрузились в её толщу по самое брюхо и стали совершенно беспомощными. Боцман же на своих широких мохнатых лапах-снегоступах проваливался всего по колено. Воспользовавшись этим преимуществом, он поспешно выбрался из ямы и покинул территорию стаи.

Рано начавшаяся, но затянувшаяся весна наконец-то вступила в свои права. Снег второй раз за эту весну сползал с южных склонов прямо на глазах. Вновь вспенились, загремели притихшие было речки. В каждом, даже самом крохотном, распадке залопотали ручейки, проклюнулась и резко пошла в рост трава.

Больной кот безошибочно находил на склонах сопок растения, изгоняющие хворь. Поедая их, он стал поправляться и набираться сил. Зарубцевавшиеся раны, правда, ещё беспокоили, но уже не пульсирующей острой

болью, а непродолжительными ноющими приступами.

Боцман опять охотился, не зная промаха. Точность прыжков и сила челюстей не оставляли намеченной жертве никаких надежд. Озлобленность угасала. Совсем недавно каждая его клетка требовала мщения за перенесённые страдания и несчастья. Теперь это чувство вытеснялось наслаждением от вернувшихся сил и сопричастности к ликованию расцветавшей под лучами щедрого солнца тайги. Тем более что настала та благодатная пора, когда запах двуногих надолго выветривается из неё. Кот без опаски спустился с гор и поселился в долине Главной реки, где водились косули, да и зайцев здесь было заметно больше.

Конец весны и лето выдались засушливые. За две полные луны с раскалённых добела небес не упало ни единой капли. Опалённые листья безжизненно сворачивались и, сухо шелестя, облетали. Хлябистые болотины превратились в крошащиеся под копытами оленей пустоши. Илистые речные заводи обнажились до дна и покрылись обжигающей коркой, изрезанной сеткой глубоких трещин. Горные ручьи иссякли. Их русла теперь напоминали дороги, неровно вымощенные жёлто-коричневыми валунами, среди которых сочилась вялая струйка, сиротливо соединяющая блюдца тёплой воды.

От зноя Боцман находил спасение в узком каменном развале, на его дно солнце не заглядывало даже в полдень.

Однажды он отдыхал на полюбившейся шершавой плите. Вдруг в отдалении возник шум. Кто-то, грузно перепрыгивая через преграды, бежал от реки в его сторону. Кот насторожился.

Вот мелькнул смутный силуэт, и в струях ветра он явственно учуял дурманящий запах крови.

Это был лось, раненный на берегу залива геологами, добравшимися и до этой глуши. Пуля «турбинка» разорвала ему лёгкие. Кровь хлестала из раны на мокрые от пота бока, kloкотала в пробитой трахее.

Возбуждённый Боцман затрусил по бурокрасному следу в предвкушении поживы. Однако сохатый не собирался испускать дух. Он зашёл в обмелевшую старицу и, жадно напившись, выбрался на другой берег. Здесь лёг было в тени деревьев, но, увидев рысь, переплывавшую старицу, встал и, тяжело ступая, скрылся в хвойной чаще.

Боцман с досады отрывисто вякнул вдогонку и настырно продолжил преследование. След привёл к скату высокой гряды. Лось попытался с ходу перевалить её, но, поднявшись до середины, выдохся. Голова, увенчанная ещё не окостеневшими лопатами рогов, опускалась всё ниже и ниже. Дышал лось с натугой и прерывистым свистом. Быстро густеющая в сухом воздухе кровь забивала лёгкие. Розовая пена клочьями

срывалась с губы. Бык с усилием поднял голову, поглядел мутнеющим взором на Боцмана, словно приглашая скорее прекратить жестокие мучения, и, теряя последние силы, уронил её на грудь и замер неподвижно в ожидании смерти. Наконец ноги подломились, таёжный исполин рухнул и покатился по круче...

От обильной еды утроба поджарого Боцмана туго растянулась. Обжора забрался под навес из мохнатых еловых лап и, изнемогая от сытости, лежал там до тех пор, пока жажда не погнала его к старице.

Здесь, у самого берега, между подводных валунов чуть шевелилась ещё одна ненасытная обжора — щука. Из её пасти торчал хвост крупного налима: налим был так велик, что щука сумела заглотить его лишь наполовину.

Боцман приблизился к щуке почти вплотную, но она, скованная непомерной добычей, даже не смогла сдвинуться с места. Кот есть кот. Несмотря на сытость, он не устоял перед соблазном отведать двойного рыбного деликатеса. Потом, утолив жажду, лениво побултыхался в старице. Вода благодаря родниковой подпитке была достаточно холодной и хорошо освежила.

В сытом блаженстве он не придал значения тому, что запах дыма, витавший в тайге уже несколько дней, к вечеру заметно погустел. Из-за гор медленно выползала сизая пелена. Но не один Боцман был так беспечен. Ведь для многих зверей сушь принесла облегчение уже тем, что из-

бавила от кровососов. Теперь можно было в любое время суток спокойно пастись либо купаться. Благо река широкая, глубокая, и ей не страшен длительный зной. А то, что высохли до трещин илистые заводи и болотины, только на пользу — они-то и были главными рассадниками комаров и мошкары.

Бедка пришла ночью, когда объевшийся Боцман, изменив кошачьей повадке бродяжничать под луной, крепко спал.

Отблески приближающегося пожара запылали на побагровевшем небосводе. Дым тянулся по долине и быстро заполнял её пределы, ограниченные справа и слева горными отрогами. В зловещих отсветах зарева летели птицы, неслись к реке потоком разномастные, но одинаково перепуганные, взъерошенные звери. Сквозь топот множества копыт доносился отдалённый рокот пламени.

Вот стена слепящего огня одолела последний увал и, как туго наполненный парус, понеслась по долине наискосок от пристанища Боцмана.

Кот, спавший под плотным навесом ветвей ели, наконец почувствовал неладное и открыл глаза. Чёрной молнией мимо пронёсся подпалённый заяц. Высунувшись из-под зелёной кровли, Боцман вмиг сообразил, что и ему надо бежать со всех ног, но только куда? Где спасение?

Огонь, освещая дорогу факелами смолистых крон, с треском катился по левому берегу старицы, оставив еловый массив на правой стороне,

где находилась рысь, нетронутым. Горячий ветер обжигающей волной спешил впереди огня, прокаливая деревья и покусывая хвосты замешкавшихся зверей. Те, достигнув реки, без промедления бросались в воду и плыли, сносимые сильным течением, на другой берег. Часть животных, не умеющих плавать, металась по галечнику или стояла в мелководье. Хищники здесь не обращали внимания на потенциальную добычу: страх смерти и общая беда примирили всех.

Ветер тем временем сменил направление. Колеблющийся фронт огненного вала, взметая на устрашающую высоту горящие сучья, куски корчащейся от жара коры, перекинулся через сужение старицы на правую половину елового массива и покатился вдоль подножия гряды прямо на Боцмана. Нашпигованный раскалёнными угольками огненный вихрь поразительно быстро запустил в ельник жадные, всепожирающие щупальца. Одно из них, догнав рысь, бесследно слизнуло кисточки на ушах и подпалило спину. Обезумевший Боцман забрался под обрыв, где наткнулся на барсучью нору, и в ужасе забился в самую дальнюю камеру.

Пожар, охватив всю правую сторону долины, рвался теперь через реку. Но, к счастью, ни одна искра не пережила полёта через водяную преграду и не достигла зелёной стены левобережной тайги.

Ткнувшись в широкую ленту воды, пламя злобно затрепало в худосочном ивняке. Быстро

таяла, пожирая сама себя, языкастая стена. Вот уже синие сполохи забегали по россыпям углей. Жар, медленно уходя вглубь, накидывал на землю серое покрывало. Река, усыпанная пеплом, подхватила удушливый запах гари и понесла его вниз, к пенистым шиверам*.

Не скоро Боцман высунул морду из горячей норы. Вместо непролазной, спелой тайги перед ним простиралась безжизненная дымящаяся чёрная пустошь, утыканная уродливыми скелетами деревьев. Ни на земле, ни в небе не было ни единого живого создания. Ветер тоскливо завывал в изъеденных огнём стволах. От угольных громад суставчато потрескавшихся осин всё ещё отдавало жаром.

Прокопчённый прибрежный ивняк, словно ажурный забор, делил округу на две части: выгоревший до черноты погост с одной стороны и изумрудную чащу за рекой с другой. Кот, внимательно выбирая места, пошёл к берегу, но иногда всё же наступал на тлеющие изнутри головешки и обжигал подушечки лап. Путь к реке стал настоящей пыткой.

Зато переплыв на не тронутый пожаром берег, Боцман забрался в скалы, где наконец смог остудиться от жара «взбесившегося солнца».

Дождавшись темноты, Боцман стал подниматься в поисках пропитания по долине ключа. Пройдя от устья шагов двести, он упёрся в едва заметную даже вблизи преграду — туго натянутую капроновую сетку. Перегораживая весь

распадок, она оставляла узкий проход лишь возле отвесного склона.

Учёный кот надолго замер, прислушиваясь и припнувшись. А когда решил, что опасности нет, осторожно шмыгнул в открытый проход. Но не успел он сделать и трёх шагов, как сбоку гроыхнуло и его оглушил удар по голове. Когда Боцман пришёл в себя, то почуял в воздухе запах пороховой гари. Опять эти люди! И летом от них не стало спасения.

Его спасло то, что самострел настораживался в расчёте на часто проходивших здесь оленей. Пуля лишь скользнула по затылку, срезав полосу шкуры.

Медленно накапливающаяся усталость от постоянного, назойливого преследования человеком должна была в конце концов вылиться либо в беспощадную месть, либо в поиск недоступной для людей глухомани. Покладистый, уравновешенный Боцман выбрал второй путь и двинулся на северо-восток, в лесные дебри, не тронутые опустошительными пожарами.

Пройдя морщинистое нагорье и перевалив через безжизненную громаду Главного хребта, Боцман начал спускаться по серым сланцевым уступам высокой гряды в неведомый доселе край. Кота давно мучила жажда, и наконец он услышал шум падающей воды.

Мощный ключ бугристым фонтаном бил прямо из щели между скальными плитами. Пробжав совсем немного, вода плавленным серебром

срывалась вниз и летела в сиянии радужной пыли, медленно разделяясь в воздухе на сверкающие гроздя.

Налакавшись прозрачной, как слеза, влаги, рысь спустилась в обширную маристую* равнину, обрамлённую зубцами далёких гор, и сразу попала в буйные заросли травы, такие густые и высокие, что они скрыли длинноногого кота целиком. Пройдя их, он углубился в тесную, перестойную чащу. Процеженные густыми ветвями пучки солнечных лучей едва освещали проходы между сучкастых стволов елей и пихт, обвешанных косматыми бородами лишайника.

В этом непроницаемом, насыщенном влагой, несмотря на двухмесячную сушь, лесу царил мёртвая тишина. Застоявшийся воздух был насквозь пропитан гнилостными испарениями. На земле повсюду валялись трухлявые стволы, обомшелые сучья. Между ними поблёскивали чёрные оконца затхлой воды.

То и дело расступаясь, чащоба открывала непролазные болотины с густой сетью озёрков, разделённых мшистыми перемычками. По ним Боцман перебирался до очередной лесистой гривы. Здесь, на открытых пятачках, подсушенный мох хрупко проминался, и лапы утопали в нём, будто в молодом замороженном снегу.

Кот всё шёл и шёл к неведомой цели, обходя по гривкам вязкие трясины. Редкий зверь заходил сюда — каждый неверно сделанный шаг сулил стать последним: бездонная топь цепко

хватала и засасывала неосторожных в свою утробу. А если кто и забредал в эти гиблые, бесприютные места, то старался как можно быстрее выбраться и уйти в горы.

Боцман же, упорно придерживаясь выбранного курса, пересекал очередную, несчётную гриву, как вдруг деревья поредели и за широкой марью с тонкоствольным редколесьем его взору открылся массив высоких останцев* чисто-белого цвета. Под их усечёнными вершинами, спускаясь по террасам, контрастно зеленели вкрапления леса.

В центре торжественно возвышалась главная и когда-то, должно быть, весьма высокая гора, распавшаяся со временем на несколько близко стоящих столбов причудливой формы. Перейдя марь, Боцман решил обследовать иссечённые временем скалы.

На покато́м приступке у одной из них он обнаружил покосившееся бревенчатое логово людей, укрытое от посторонних взоров неподвижно дремавшими на солнцепёке разлапистыми кедрами. Плоская земляная крыша топорщилась опрятными ёлочками, запустившими корни в толстые полуистлевшие плахи перекрытия. В углу над тем местом, где когда-то была печь или очаг, крыша и вовсе обвалилась. Стены обросли мшистым ковром, особенно густым понизу. Из оконного проёма настороженно выглядывала чахлая берёзка.

Между бронзовых стволов были перекинуты почерневшие от времени жерди. С одной из них свисали на ржавых цепях железки. От ветра

они раскачивались и тягуче позванивали. Возле покосившейся двери белели остатки скелета собаки с полусгнившим ошейником вокруг позвонков.

Ветер выносил из логова приятный, но незнакомый запах. Он смущал, тревожил Боцмана, и хотя его разбирало любопытство, интуиция подсказала о таящейся там угрозе.

Постояв немного, кот оставил жилище людей и стал подниматься по лесистому проёму между известковых столбов, разделявшему их как бы на две группы. Откуда-то сверху, прыгая по камням, вызванивал ручеёк. На деревьях виднелись заплывшие задиры. Кот принял их за медвежьи метки, но это были старые затёсы, сделанные топором.

Иъеденные ветрами и дождями белые столбы имели многочисленные уступы, карнизы, тесные проходы, которые рыси обожают и лазают по ним с особым удовольствием. И сейчас, запрыгнув на огромный ребристый обломок, Боцман перебрался на узкий карниз, змеей опоясывающий самый внушительный столб-башню. Поднимаясь по нему, он достиг небольшой террасы, покрытой белыми валунами и скудными пучками жёсткой травы. Тут же, под скальным козырьком, похожим на загнутое крыло, чернел лаз. Войдя в него, кот оказался в сухой пещере. Её дно устлали невесть как попавшие сюда листья, мох. Справа возвышался настил из грубо обтёсанных плах с грудой шкур поверх.

Слева в нише стояли чёрные доски, тускло мерцавшие в полумраке золотистыми красками. Из глубины пещеры шёл противный, всегда таящий угрозу запах железа. Чтобы не искушать судьбу, Боцман вернулся на террасу и, прыгая с уступа на уступ, взобрался на вершину горной цитадели.

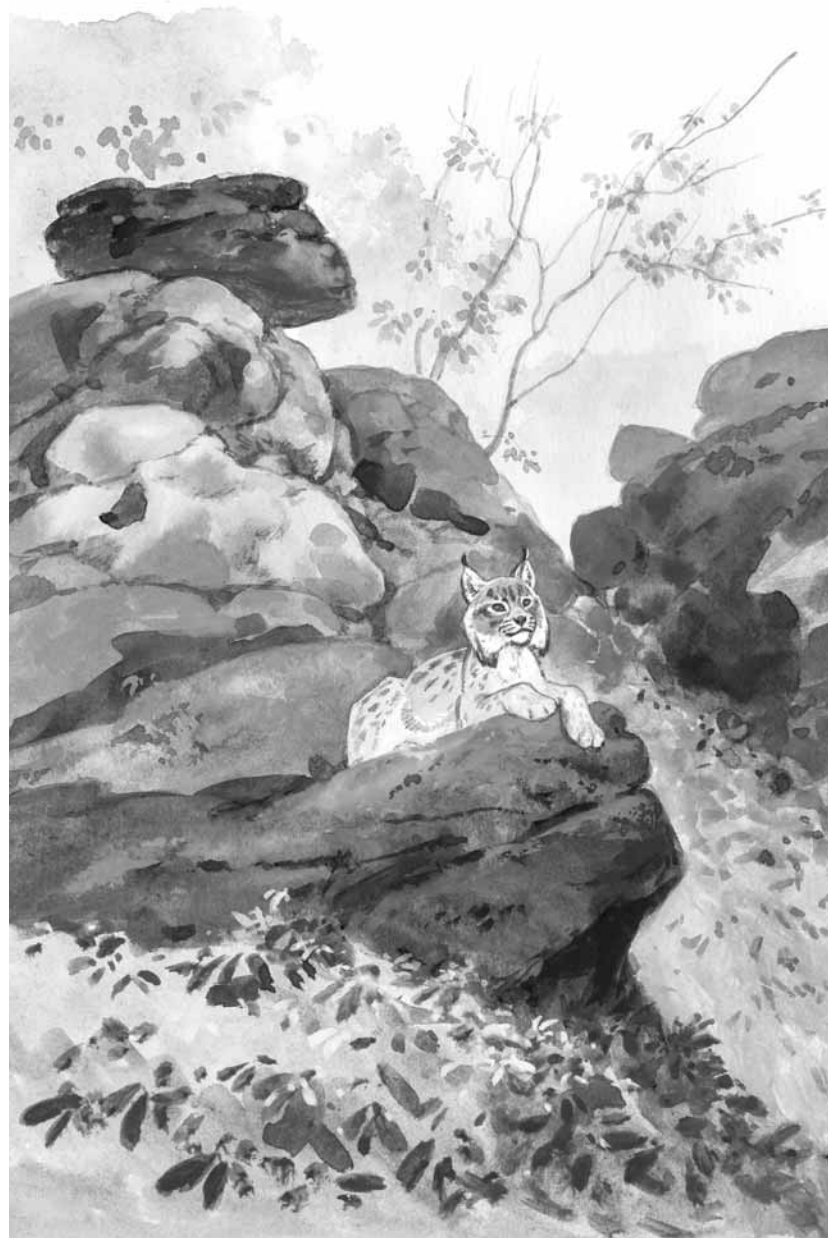
Вокруг неё во все стороны простирались поля топких марей, непролазные буреломные крепи, разделённые зеркалами болотин. Всё это обрамляли цепи синих гор. За ними, где-то далеко на западе, осталось поселение ненавистных ему охотников. Битый жизнью Боцман вздохнул свободно, всей грудью — необозримая глушь вселяла покой.

Новое пристанище, надёжно защищённое от людей самой природой, было тем, к чему так упорно шёл он как бы по подсказке из глубины поколений. Кот удовлетворённо почесал грудь когтистой лапой и лёг подремать. Упрямая складка на лбу расправилась, на морде заблуждало подобие улыбки.

Несколько дней ушло на обследование новых владений. Вскоре Боцман убедился, что здесь он не пропадёт: дичь была в изобилии.

Кот перестал бродяжничать и всё время держался Белых скал. Утолив за время ночной охоты голод, он забирался на неприступные столбы и часами лежал там, сладко жмурясь на припёке.

Неумолимое время торопливо отсчитывало: день-ночь, день-ночь... Лето хирело. Деревья

тронула кисть осени. Следом ударили заморозки. Трава пожухла, покрылась желтизной. Полетели, закружились листья-парашютики. Нежно-зелёные облака, окутывавшие немногочисленные здесь лиственницы, порыжели и быстро гасли на ветру.

Все эти перемены породили у Бощмана беспокойство: опять приближалась та снежная пора, когда тайга заполняется охотниками, с утра до вечера гремят выстрелы, надрываются собаки.

Кот опасался, что и бревенчатое логово под скалой недолго будет пустовать. Он не знал, да и не мог знать о том, что покой Белых скал защищают не столько топкие и непролазные дебри — они зимой не преграда, сколько дурная слава, прочно закрепившаяся за этим местом с незапамятных времён.

Людская молва гласила, что в этих скалах обитают злые духи, охраняемые кровожадной стаей волков-оборотней. В награду за верную службу духи заманивают в скалы путников и отдают их на растерзание оборотням. Поэтому даже бывалые охотники остерегались сюда забредать.

Как-то, уже после первого снега, Бощмана, отдохавшего на скале, разбудил громовой рёв. Встревоженный кот подполз к краю площадки. Внизу, у ручейка, выбегавшего из родниковой чаши, он увидел дерущихся медведей, не поделивших берлогу.

На арену боя, чёрным пятном выделявшуюся на сияющей белизне снежного покрова, даже

сейчас, в самом начале баталии, страшно было взглянуть: земля изрыта, камни выворочены, деревца переломаны и втоптаны в грязное месиво.

Битва была упорной. Исполины сошлись в непримиримой схватке: грозно рывкали, не размыкая могучих объятий, рвали друг друга клыками и когтищами, но ни один не желал уступить. Наконец более крупный оттолкнул от себя соперника, и тот распростёрся на снегу с разорванным горлом.

Взъерошенный победитель устало сел и, озабоченно склонив окровавленную голову, передними лапами стал прижимать к животу что-то переливчато-блестящее. Боцман не сразу понял смысл этих странных манипуляций, но наконец разглядел, что медведь заправляет в разорванное брюхо вывалившиеся кишки.

Огромный зверь жалобно охал, но, пересиливая боль, мужественно продолжал страшную процедуру. Потом завалился на бок и весь день лежал так в ожидании смерти. Берлога осталась пустой...

Девятнадцатая для Боцмана зима пересекла границу самой продолжительной ночи, и настала пора сильных морозов. Густая зимняя шуба и дичь в достатке позволяли коту и в это суровое время жить справно.

За месяцы, проведённые в Белых скалах, кот стал забывать свои прежние страхи и беды и медленно выходил из постоянно напряжённого

состояния. Ограниченные пределы каменного острова уже не устраивали его, и он стал спускаться во впадину, забираясь с каждой вылазкой всё дальше и дальше. Благо топи промёрзли, а буреломы занесло снегом.

Наконец настал день, когда след ночного бродяги достиг складчатых отрогов, за которыми дыбились изрезанные ущельями горы, такие громадные после Белых скал, что у Боцмана даже дух захватило. Легко поднявшись на первый предгорный увал, он остановился, поражённый: перед ним тянулась бесконечная двойная колея — след «зимних ног» человека.

Настороженно прислушиваясь, кот окинул взглядом тайгу: спокойно кормится на берёзе стайка рябчиков; весело шныряет сойка. Ничто не говорило о близости двуногих.

Боцман помнил, как легко и приятно ходить по плотно накатанной колее: снег на ней не проминается и не рассыпается, но он не забыл, какую смертельную опасность может таить эта коварная тропа, и, несмотря на усталость, благо-разумно перепрыгнул через лыжню и пошёл дальше в избранном направлении по целине.

Не обнаружив в горах ничего примечательного, он повернул обратно. Когда приблизился к парному следу уже в новом месте, то чуть не наступил на белого «червя» с вонючей чёрной головкой. Так же пахло возле ободранной охотниками Кисточки! От этого воспоминания приглушённая и, казалось, забытая ненависть

к людям ожила и вновь зашевелилась в сердце Боцмана.

Он пошёл вдоль следа на достаточном расстоянии и вскоре увидел большую снежную кочку с куском мяса в углублении. Кот знал, что это привлекательное сооружение — западня, поэтому поспешил удалиться. На гребне увала его внимание привлекли резкие удары. Они неслись со стороны ключа. Подойдя ближе, кот увидел логово двуногих. Боцман затаился и стал наблюдать. Вот дверь распахнулась, и показался человек. Спускаясь к ключу, он скрылся из виду. Когда же вновь появился из-под берегового обрыва с охапкой дров, изумлению Боцмана не было предела: он узнал в охотнике своего заклятого врага — Рыжебородого. Того самого, кто убил Кисточку, жестоко истязал его самого. Волна ярости, нарастая с каждой минутой, обуяла рысь.

Рыжебородый ещё несколько раз выходил и заходил обратно в логово. Потом из трубы с напором повалили клубы дыма. Боцман тем временем углядел свернувшегося под большим навесом чёрного, с белыми пятнами пса и вознамерился прикончить его. Но опыт подсказывал, что сейчас не лучшее время для исполнения этой затеи: месть лучше вершить в метель, скрывающую все следы.

Путано-петляющим следом он вернулся в Белые скалы и не покидал их, пока внутренний барометр не подал сигнал: ночью будет снегопад!

Когда Боцман подобрался к стану промысловика, уже стемнело, а на тайгу обрушились первые снежные заряды. Над логовом метались в дыму недолговечные «красные мухи». Собака лежала на своём месте и, казалось, спала. Но, как только кот подкрался на расстояние прыжка, она приподняла морду, и их взгляды скрестились. Пёс оглушительно залаял, хлопнула дверь, громыхнул выстрел.

Перепуганный Боцман поспешил раствориться в белой кутерьме. Происшедшее не обескуражило его. Оно ещё раз напомнило, что успех сопутствует терпеливым.

В следующий визит кот был осмотрительней и выжидал подходящего момента, зарывшись в снег, до глубокой ночи. Неслышно ступая лапами, опущёнными густой жёсткой шерстью, он невидимой тенью приблизился к собаке вплотную. На этот раз она едва успела испустить предсмертный вопль.

Утром хозяин долго звал, искал пса, пока не обнаружил его, застывшего, под толщей обильно выпавшего снега. Тридцать лет охотился Жила, но вот так, прямо у зимовья*, лайка погибла у него впервые.

«В жизни всякое случается, — рассудил он. — Но почему пса-то не съели?» — шевельнулась в голове беспокойная мысль.

Прошло дней десять, и у Боцмана вновь появилось желание досадить Рыжебородому. Теперь

он положил глаз на строение, возвышавшееся поодаль от стоянки на четырёх гладких столбах. Оно напоминало логово охотника, только было раза в три меньше.

Кот попытался взобраться на лабаз* по столбу, но безуспешно: мешала жестяная «юбка» в его

верхней части. Остальные три столба тоже были опоясаны тонким металлом. Боцман не растерялся — залез на стоящее поблизости дерево, прошёл по ветке и спрыгнул прямо на крышу лабаза. Затем, через прогал между крышей и стенкой, протиснулся внутрь.

Всё это время его дразнил и будоражил запах, заставлявший забыть всякую осмотрительность: из лабаза пахло ненавистными лисами. Найдя их, Боцман с остервенением набросился и разорвал в клочья рыжие шубы с пышными хвостами. Затем та же участь постигла стянутые в пачки шкурки зайцев и белок. Дурно пахнущих норок, колонков и соболей брезгливый кот не тронул. Зато распотрошил коробки с хрупкими длинными палочками и тускло поблёскивающими мелкими камушками. Разодрав куль с искристыми кристалликами, переключился на мешки с белым, похожим на пыль, марким порошком. Куски мороженой лосятины не тронул: был сыт.

Завершив погром, удовлетворённый зверь соскочил вниз и умчался в свою цитадель под прикрытием пурги, свободно разгулявшейся на открытом пространстве мари.

Жила проснулся поздно. Уже светало. Непогода стихла, но снега успело надуть до середины окошка. Поразмыслив, промысловик решил сделать передых: прежние следы замело, а новых ещё нет — зверьки отлёживаются, ждут, пока снег осядет, уплотнится.

Растянувшись на шкурах, он укрылся ватным одеялом и, закулив махорку, стал с удовольствием прикидывать, сколько заработает в этом сезоне и как нынче распорядится выручкой. Уже одиннадцать лет он промышляет на этом участке, и всегда с фартом: пушнины хватало и для плана, и для скупщиков ещё столько же, а иной сезон и поболее оставалось.

Прежде эти уголья пустовали. Все отказывались от них. Говорили, рядом с рекой куда удобней: продукты и снаряжение до ледостава прямо на лодке можно завозить, по горам не надо таскать. На самом же деле мужики страшились близости поганого места. Как-то, ещё до войны, пытался промышлять здесь один отчаянный, да так и сгинул бесследно.

Сойдясь с пройдохой-скупщиком, Потап быстро сообразил, что сулит левая сверхплановая пушнина, но на прежнем участке взять её было трудно и к тому же опасно: то и дело заходят соседи, да и охотовед за сезон раза два обязательно нагрянет с проверкой. Пораскинув мозгами, он сказал сам себе: «Или пан, или пропал — рискну! — И добавил для успокоения: — Бог не выдаст, свинья не съест».

Новые охотничьи уголья в первый же сезон превзошли все ожидания. Через пять лет оборотистый деляга устроил ему в городе кооперативную квартиру. Правда, и ободрал он Жилу тогда до последнего хвостика, но квартира того стояла. Потом организовал самую дорогую модель

«жигулей». А вот с подземным гаражом сперва осечка вышла, но и это дело недавно поправилось. И теперь Жила вот уже второй год соби-рался рассчитаться с госпромхозом и пожить наконец в своё удовольствие, но каждый раз надвигались всё новые и новые расходы, и при-ходилось опять тащиться в тайгу на промысел. Да и жалко было бросать хорошо обустроенные путики*. К главной охотничьей магистрали — реке — Жила давно прорубил, расчистил тропу и по ней с осени на лошадях завозил всё необ-ходимое для жизни и промысла.

В деревне про его городские дела кое-что про-слышали и догадывались, откуда такие деньги. Некоторые, такие же хитрецы, стали метить на доходное место, убеждая начальство, что участки между охотниками надо чередовать — мол, план всем одинаковый, а уголья разные. Но начальство не хотело нарываться на скандал с Жилой...

Время близилось к обеду. Потап, поёжива-ясь, встал. Настрогал щепы от смоляка. Зато-пил печь, продавил в ведре корочку льда, налил в кастрюлю воды и поставил её на плиту рядом с чайником. Потом, расчистив площадку у две-ри зимовья, прокопал траншею к лабазу.

Забравшись наверх по приставной лестнице, он окаменел: пушнина — труды многих дней — была превращена в лохмотья, пересыпанные му-кой, сахаром и гречкой.

— Как же так! Откуда такая напасть на мою голову? — убито прошептал он.

Разбирая остатки пушнины, Жила немного успокоился. Самое ценное: соболя, норки, а главное, личный заказ скупщика — три выдры — было цело.

«Кто мог так напакостить? — ломал голову промысловик. — Зверю по столбам сюда не влезть. Разве что медведь, но тот спит, да и лабаз не разрушен. Неужели?..» — вспотев от этой мысли, он с опаской посмотрел в сторону Белых скал.

С этого дня в Жилу вселился суеверный, почти панический страх. Из зимовья не то что на промысел, даже за дровами или водой он выбирался неохотно, с трудом преодолевая гнёт кошмарных сцен, разыгрываемых воспалённым воображением. По лыжне ходил, постоянно озираясь. Всюду: и в древесных наростах, и в причудливых изгибах стволов, и в разросшихся кустах — ему чудились затаившиеся оборотни. Он изводил заряды в любой подозрительный силуэт, на любое едва заметное движение, любой сомнительный звук.

Задёрганные нервы были на грани срыва. Охотник давно подумывал о том, что, пока не поздно, надо сматываться, но упрямое желание покрыть убытки пересиливало страх. Скрепя сердце он всё откладывал выход, и не напрасно: пушная копилка быстро пополнялась.

Страх же усиливался, не отпуская ни на минуту. В конце концов доведённый до отчаяния Жила наметил завершающие обходы, чтобы

снять ловушки, рассторожить пасти. Начал с Нижнего путика.

Шёл тяжело, весь словно скованный ожиданием беды. Ружьё не выпускал ни на секунду. Даже добычу из ловушки ухитрялся вынимать одной рукой и, как приворожённый, всё поглядывал на Белые скалы, уверенный, что беда нагрянет именно оттуда.

А когда налетел и завыл в дуплах ураганный ветер, он уже не сомневался в неотвратимости расплаты за покушение на покой этих мест. Чёрные деревья, казалось, задвигались, угрожающе скрипя, замахали ветвями-лапами. Напряжённое состояние последних дней достигло предела. Жила совершенно потерял самообладание. В этот момент одна улежавшаяся снежная глыба, сорвавшись с толстого сука, пронеслась прямо перед его носом и чуть не выбила из рук ружьё. Охотник сжался от ужаса. Попятившись, прилип спиной к стволу и, широко раскрыв глаза, оцепенело уставился на... разлохмаченный шлейф дыма.

Вид быстро несущихся со стороны ключа чёрных клубов медленно выводил Жилу из прострации. Когда до него наконец дошло, что может так дымить, он, позабыв обо всём, помчался к стану. На бегу пытался вспомнить, хорошо ли закрыл поддувало, убрал ли от печки смолистые щепки. Весь мокрый взлетел на гребень, откуда хорошо видно зимушку, и — о ужас! — на её месте бесновался красный венец пламени.

Жила, с разрывающим нутро воем, упал на снег и забился в истерике. Он был сражён не столько видом полыхавшей зимушки (чёрт с ней — всё равно больше не охотиться), сколько сознанием того, что вот так глупо сгорели все его труды: остерегаясь повторного налёта на лабаз, Жила перенёс пухлые связки пушнины в зимовье...

Во время очередного визита к Рыжебородому рысь обнаружила на месте его логова чёрный круг земли с покорёженной железной печкой посередине да обледенелую топанину следов. От неё уходила одинокая парная колея.

Боцман не ведал, какая именно трагедия настигла его непримиримого врага, но было очевидно, что он лишился убежища и покинул это место. Теперь коту не давали покоя вопросы: «Куда ушёл Рыжебородый? Может, он обосновался где-то поблизости?» Озабоченный кот отправился по следу.

Колея тянулась по широко прорубленной тропе вдоль подножия отрогов почти прямо, не углубляясь в распадки. На второй день пути Боцман перевалил по затяжному тягуну на противоположный склон Главного хребта. Здесь тропа Рыжебородого слилась с тропами других промысловиков и дальше змеилась хорошо накатанной лыжами и нартами дорогой по берегу торосистой*, изъеденной промоинами реки, то приближаясь, то удаляясь от неё.

Эти места для рыси были знакомы: если совершить вниз по течению ещё один переход, то можно выйти прямо к поселению двуногих, в котором живёт добрый Крючконос. Сомнений не оставалось: враг покинул окрестности Белых скал.

И в самом деле, ни весной, ни летом никто не нарушал покоя и великолепия здешних мест. Боцман вольно жил в царстве Белых скал, ощущая себя самой важной частью этого светлого, прекрасного мира. Иногда он проходил по главной тропе Рыжебородого и с удовольствием отмечал, что она потихоньку зарастает и освежается лишь оленьими да медвежьими следами.

Как-то в один из душных июльских дней кот блаженно посапывал на обдуваемой ветерком вершине останца и не видел, что разбросанные по горизонту мрачные тучи сошлись в обнимку, незаметно пожирая небесную синь. По мере приближения к Белым скалам они проседали от зреющей в них грозной силы всё ниже и ниже.

Проснувшись, кот заметил перемену в погоде и, поскольку мокнуть не хотел, припустил к сухому логову. Но налетевшая тугим шквалом гроза догнала и накрыла его водяной завесой. Слепящий излом молнии с оглушительным треском вонзился в каменный шпиль совсем рядом. Перепуганный кот сиганул вниз. Прямо перед ним в угловатый валун вошёл ещё более мощный разряд. Вскоре молнии, скрещиваясь, забили со всех сторон почти беспрестанно. От их грохота казалось, что скалы заходили ходуном.

Кот, вздрагивая от каждого удара и почти оглохнув от раскатистых разрядов, судорожно заметался по залитым потоками воды глыбам. Поскользнувшись, он угодил в узкий разлом, а когда выкарабкался из него наверх, вспышка нестерпимо белого света обожгла глаза, и он провалился в черноту.

Очнувшись, Бощман открыл глаза, но непроницаемый мрак не рассеялся, хотя кот явственно ощущал на себе ласковые лучи солнца. «Как же так? Солнце светит, а вокруг такая тьма, какой и ночью не бывает?» Кот поднялся и попытался идти, но тут же ткнулся носом во что-то твёрдое. Недоумённо пошарив лапой, он обнаружил впереди себя каменную стену. Попробовал обойти её, но, куда бы он ни пошёл, всюду упирался в камни. Бедняжка остановился в растерянности. Такого с ним ещё не бывало. Стало очевидным, что во время грозы с его глазами что-то произошло и теперь ему предстоит жить во мраке вечной ночи.

Сидя на шершавой плите, он никак не мог взять в толк, в каком месте Белых скал находится. Вслушиваясь в доносящиеся звуки, кот уловил внизу гул ожившего после ливня ручья, невдалеке перешёптывались густые гривы кедра. Таких ориентиров в Белых скалах хоть отбавляй. И тут до его слуха донёсся металлический перезвон. Это раскачивались ветром железки у покинутого людьми логова.

Теперь Бощман сориентировался, где он, и, осторожно «осматривая» лапой путь, через проём

выбрался на тропу, по которой ходил сотни раз. Здесь он помнил каждый кустик, каждый поворот, каждую валежину. Убедившись, что память не подводит и вовремя предупреждает о преградах, кот несколько приободрился и зашагал быстрее.

Напившись из ручья, лёг в траву. Лежал долго. Отрывистые картины всплывали из памяти и мелькали перед его мысленным взором одна за другой. Безжалостная судьба не щадила его с первых дней появления на свет. Зубами и когтями выбирался он из любых переделок и наперекор всему продолжал крепко стоять на ногах. Жизнь, а точнее, люди редко давали ему передышку. Вновь и вновь они безжалостно прогоняли его сквозь череду непрерывных испытаний, но он, всё более закаляясь, неизменно выходил победителем. И вот сейчас, когда в его тяжёлой судьбе всё образовалось наилучшим образом, — такой жестокий удар! Как жить незрячему? Как охотиться? Даже мыши и те — недоступная теперь добыча.

Рядом устроили разноголосую перекличку железки: тринь-тринь-дзинь. Этот мелодичный звон неожиданно породил дикую, сумасшедшую идею: Крючконос! Добрый Крючконос! Он вернул ему жизнь много лет назад. Он не поднял на него громом разящую палку в тайге! Он наверняка сумеет выручить его и сейчас.

Эта отчаянная надежда захватила кота. После непродолжительных сомнений он решительно встал и, отыскав на ощупь тропку, тянущую

ся к заброшенным владениям Рыжебородого, отправился в трудный путь.

По зелёному покрову топкой мари Боцман брёл медленно, с особой предусмотрительностью — знал, что по обе стороны тропы разбросаны коварные зыбуны*. Несмотря на чуткий шаг, зверь часто спотыкался, поскальзывался, но, к счастью, все падения завершались благополучно. К вечеру кот добрался до подножия гор и перешёл на тропу промысловика.

Пасшиеся в устье первого распадка олени, увидев рысь, встрепенулись, но она, к их изумлению, почему-то прошла мимо не задерживаясь. Недоверчивая олениха ещё долго поглядывала вслед, но коту было не до них. Он был целиком подчинён стремлению добраться до Крючконоса и вернуться с его помощью из мира тьмы в мир света.

Шёл Боцман долго. Путь, который прежде преодолевал за трое суток, затянулся. Тем более что, не имея возможности подкрепляться, он быстро утомлялся и часто останавливался для отдыха.

То и дело устремляя невидящий взор в сторону селения и постоянно принохиваясь, прислушиваясь, кот наконец подошёл к месту, где тропа круто спускалась к речному перека-ту. Похрустывая галькой, он преодолел его и взобрался на береговой взлобок. Теперь надо пройти по выпасу с обкусанными кустами до одинокой, широко разросшейся на приволье, белоногой берёзы. Всё верно, вот и она — шелестит нежной листвой. Боцман даже вздохнул

от облегчения — отсюда уже совсем близко до логова Крючконоса.

Войдя в деревню, кот слышал, как из дворов выбегают собаки, но он неустрашимо продвигался вперёд, гордо вскинув голову, обрамлённую седыми бакенбардами. Громадная рысь шествовала в окружении лаек с таким видом, словно совершала рядовой обход своих владений. Справа, страшась собственной смелости, заливисто таякая, вынеслась кривоногая дворняжка. Остальные собаки шли сзади молча, словно понимая, что тут что-то не так и не время сотрясать воздух пустой брехнёй.

Раздались изумлённые возгласы, испуганные крики. Боцман напряжённо вслушивался в них в надежде выделить голос Крючконоса. Вот и знакомый бухающий лай соседского кобеля, сидящего на цепи.

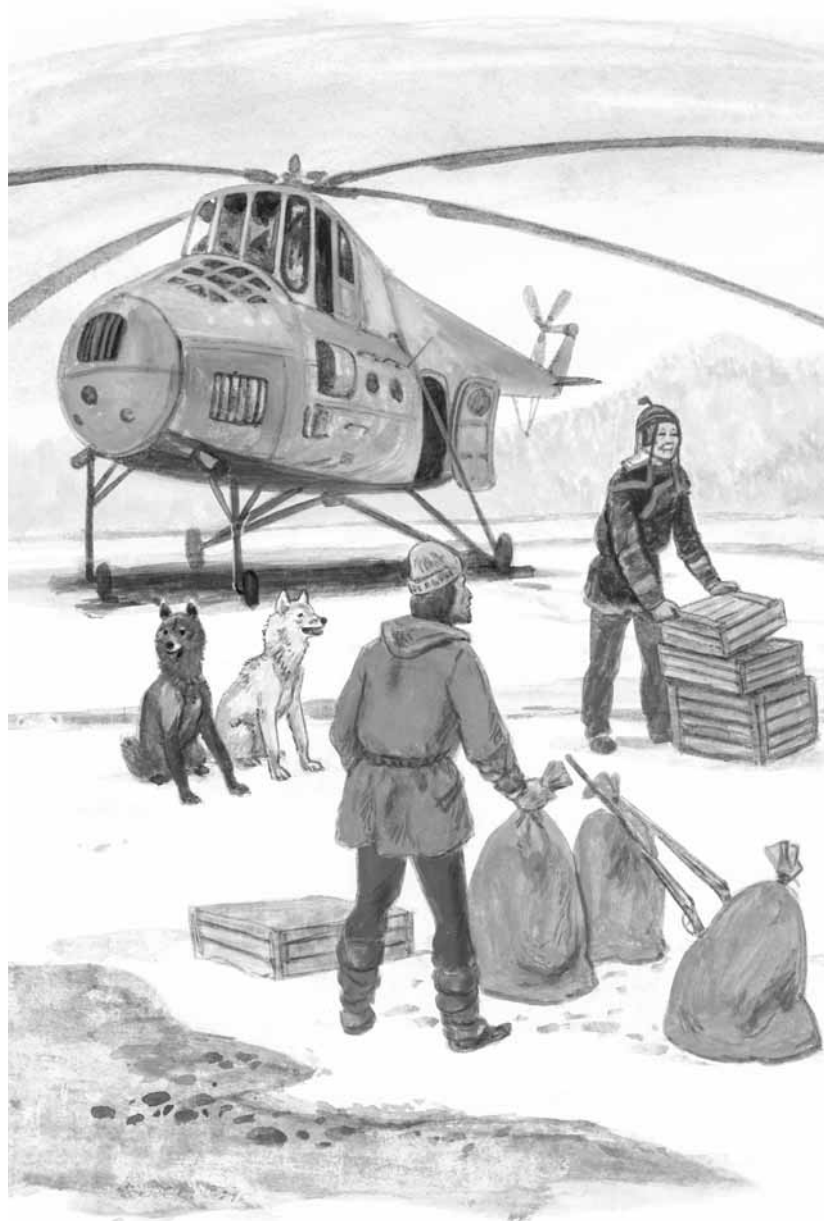
Кот не мог видеть, как распахнулось окно в доме его давнего недруга, как Рыжебородый вскинул ружьё и поймал в узкую прорезь прицела убойное место, как прокуренный палец привычно лёг на спусковой крючок...

п. Юматово. Башкирия

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

*Повесть о необыкновенных и удивительных
приключениях охотника-промысловика
в глухой дальневосточной тайге*

Здесь у костра не хвастают, не лгут,
Не берегут добро на всякий случай.

Юра Сотников

Часть первая

ВЛАДЕНИЯ ЛУКСЫ

15 октября 1974 года.

Под нами величественная панорама безлюдной, дикой местности: хребты, межгорные впадины, быстрые пенистые речки. В той стороне, куда мы летим, особняком возвышается плотная группа скалистых гольцов.

Пассажиров в вертолёте двое. Я и мой наставник Лүкса, удэгеец лет пятидесяти.

Опытный промысловик расположил меня к себе с первого взгляда. Невысокий, худощавый, подвижный. Сильные руки, словно кора старого дерева, испещрены глубокими трещинками морщин и перевиты набухшими венами. Мороз, ветер, солнце, дым костров продубили его скуластое лицо с реденькой растительностью

над верхней губой и на подбородке. В чёрных прямых волосах несмелый проблеск седины. Живые тёмно-карие глаза, словно магниты, невольно притягивают взор. Впечатление такое, что они всё время смеются, радуясь жизни. Глядя в них, и самому хочется улыбнуться и сделать что-то хорошее, доброе.

Он сидит напротив и успокаивающе поглаживает собак. Я же с волнением всматриваюсь в проплывающие под нами края древнего Сихотэ-Алиня и никак не могу поверить в то, что моя заветная юношеская мечта исполнилась: я принят на работу в Лазовский госпромхоз Хабаровского края штатным охотником и скоро окажусь на промысловом участке, охватывающем бассейн ключа Бугё — левого притока реки Хор...

Вертолёт вошёл в крутой вираж и, сделав два круга, мягко опустился на заснеженную косу, отделяющую устье ключа от реки. Наши собаки, Пират и Индус, ошалевшие от грохота двигателя, спрыгнули на снег, едва открылась дверь. Мы же, прежде чем выйти, сбросили на косу нехитрый багаж. Ми-4 прощально взревел и, обдав нас колючим вихрем, взмыл в небесную синеву.

Мы огляделись. Над нами торжественно и необъятно высоко голубело небо. На снегу ни единого следочка. Мне представилось, что это чистый лист бумаги, на котором нам предстоит записать историю охоты длиной в сто двадцать дней.

Вокруг громоздились типичные для этих мест крутобокие сопки, щетинящиеся, словно встревоженные ежи, островерхими тёмными елями и более светлыми разлапистыми корейскими кедрами. На противоположном берегу, над Хором, — отрог, обрывающийся в речную гладь неприступной двухсотметровой стеной. Его гребень украшали огромные, источенные временем каменные иглы и зубчатые башни, напоминающие развалины старинной крепости.

Хор ещё не встал и тянулся холодной чёрной лентой, разрезая белое покрывало. Сквозь прозрачную воду были видны лежащие на дне пёстрые, обезображенные брачным нарядом и трудной дорогой к нерестилищу кётины. Уровень воды в реке упал, и часть рыбин оказалась на галечном берегу. Наши собаки тут же воспользовались возможностью полакомиться. В их довольном урчании слышалось: «Райское место! Тут голодать не придётся!»

* * *

Так получилось, что Лукса в преддверии сезона остался без напарника. Его товарищ Митченá, в течение многих лет деливший с ним радости и невзгоды промысловой жизни, совсем потерял зрение и перебрался к дочери в райцентр — Переяславку. Это обстоятельство меня и выручило. Лукса, правда не без колебаний, согласился

взять меня — городского, неопытного очкарика — на свой участок.

Хотя день только начинался, удэгеец поторапливал: предстояла большая работа по обустройству становища.

Взбираясь на берег, слышали задорный посвист. Его невозможно спутать ни с каким другим лесным звуком — рябчик! Судя по мелодии, петушок. Лукса движением руки остановил меня, а сам спрятался за ствол ели и, достав самодельный манок, ответил более глухим переливом курочки. По треску крыльев было понятно, что рябчик перепорхнул ближе. Лукса опять подсвистел. Хлопки слышались совсем рядом. Тут и я разглядел петушка. Вытянув шею и нетерпеливо переступая по ветке берёзы, он высматривал подружку.

— Живой! — радостно прошептал охотник. — Четвёртый сезон так встречает. Совсем свой стал.

Луксин «свояк» подлетел ещё ближе и с явным интересом разглядывал нас. Вынырнувший из кустов Пират, не разделяя чувств хозяина, с лаем запрыгал под деревом. Петушок встрепенулся и, спланировав, растворился в буреломной чаще.

Надо сказать, наши четвероногие помощники резко отличались друг от друга. Пират — рослый, нахрапистый, с хорошо развитой мускулатурой, быстрой реакцией и нахальными глазами. Индус, напротив, — вялый, тщедушный. При

появлении Пирата он поджимал хвост и отходил в сторону. Столь же резко собаки различались и по окрасу. Пират белый, только кончики подвижных ушей и хвоста чёрные, а Индус серобурый. Попал он в нашу компанию случайно. Когда мы загружали в удачно подвернувшийся вертолёт мешки со снаряжением и продуктами, на краю поляны сидел и наблюдал за нашей беготнёй одинокий пёс. Я на ходу кинул ему кусок хлеба. Тот, не жуя, проглотил его и бочком, не сводя с меня грустных глаз, подошёл к трапу.

— Быстрее поднимайся, летим! — крикнул мне Лукас.

Оказавшись в салоне, я оглянулся. Собака молча, одними глазами, просилась к нам.

— Может, возьмём? Вдруг у неё талант к охоте?

— Бери, бери. Пиратке веселей будет, — согласился наставник.

* * *

Перетаскав вещи к становищу, занялись дровами. Двуручной пилой кое-как свалили сухостойный кедр. Отпилили и раскололи несколько смолистых чурок. Комель был настолько насыщен смолой, что полено, брошенное в воду, тонulo, как камень. Отвалившиеся от ствола куски красноватой ребристой коры изнутри были усыпаны личинками, куколками — что-то недоглядели дятлы за лесным патриархом. На ночь кедр

не годился: быстро сгорает. Поэтому напилили ещё и сырого ясеня. Он горит долго и даёт много жарких углей.

Очистив на небольшом пятачке, свободном от кустов, землю от снега, поставили удэгейскую палатку с матерчатыми сенями, вроде половинки небольшого чума (в них удобно хранить дрова и капканы). Главной особенностью удэгейских палаток является то, что она устанавливается не с помощью стоек и кольшков, а крепится внутри каркаса из жердей. Очень удобная конструкция для зимы, когда кольшки в промёрзшую землю забить практически невозможно.

Посреди палатки поставили жестяную печурку. По обе стороны от неё накидали лапника, расстелили кабаньи шкуры, поверх них — спальные мешки. Отпиленную от ясеня низенькую, но увесистую чурку-столик пристроили в головах между спальниками. Слева и справа от печурки уложили сырые ольховые брёвнышки, чтобы спальники и одежда не подгорали. Под коньком закрепили перекладину с крючьями для сушки одежды. Закончив обустройство жилища, между тремя пихтами на высоте около двух метров смастерили настил для хранения продуктов — лабаз, а под ним шалашики для собак из мягких ветвей пихты.

Индус тщательно обследовал обе «конуры» и лёг в ту, что счёл удобней. Заслышав приближение убежавшего было Пирата, он притворился спящим. Но тот не проявил ни малейшего

интереса к пихтовым гнёздам, а, усевшись возле груды дров, принялся выкусывать кусочки льда, намёрзшие между подушечками пальцев.

Завершив «строительные» работы, мы уселись на поваленную сушину и наконец расслабились. Довольные проделанной работой, с наслаждением наблюдали заход светила.

Золотистый свет плавно скользил по снегу, стволам деревьев. Поднимаясь всё выше и выше, он выманивал из глухих распадков и ложбин таившуюся там серую мглу. Ряд за рядом темнели деревья, сопки. Вот потемнела и макушка самой высокой. Лёгкие облачка ещё некоторое время отражали прощальный свет солнца, скрывшегося за обгорелыми зубцами сопки, но и они вскоре потускнели, погасли. Нарождающаяся ночь осмелела, выползла из мрачного ущелья, укрывая всё окрест чёрным покрывалом. Тайга и небо слились. Неясные силуэты деревьев проступали только вблизи, принимая самые фантастические очертания.

Проводив день, забрались в палатку, зажгли свечу. Лукса набил чрево печурки поленьями и запалил смолистую щепу. Железные бока вскоре порозовели и стали щедро возвращать накопленное кедром за добрую сотню лет солнечное тепло.

Приятно запахло хвоей. Палатка постепенно наполнялась жилым духом. Заварив чай, устроились пить живительный напиток вприкуску с прихваченной с собой олениной.

— Лукса, а почему вы зимовье не постройте? — задал я давно вертевшийся на языке вопрос.

Бросив исподлобья сердитый взгляд, охотник пробурчал:

— Было зимовье... Вместе с Митченой рубили. Летом на рыбалку приплыл — одна зола. Туристы сожгли, ёлка-моталка. После охоты, как вода спадёт, новое рубить буду. Место присмотрел. Вверх по ключу, километра два отсюда. Там никто не найдёт...

Сам я заядлый турист, и мне стало не по себе от услышанного. К сожалению, в походы ходят не только неугомонные романтики, любящие природу, но и те, для кого она — объект для безрассудных и безответственных развлечений.

Перекусив, разморённые теплом и горячим чаем, повалились на ватные спальники. По брезентовым скатам палатки уютно плескались блики света, пробивавшегося сквозь щели печурки.

— Что-то потно стало. Подними полог, — попросил Лукса.

Пахнуло прохладной свежестью. Спать расхотелось. Меня распирало любопытство, и мне показалось, что настал подходящий момент расспросить удэгейца о его самобытном лесном племени, кочевавшем прежде в глуши сихотэ-алиньской тайги. Трудно поверить, но из-за оторванности от внешнего мира эти люди ещё совсем недавно жили по законам родового племени.

Лукса в ответ на мою просьбу вынул изо рта короткую трубку, с минуту помолчал, собираясь с мыслями, и стал неспешно вспоминать.

Я слушал и живо представлял картины недавнего и в то же время такого далёкого прошлого.

С десятков островерхих, крытых корой чумов, прилепившихся к подножию крутобокой сопки на берегу порожиистой реки Сукпай. Над кострами дымятся котлы. Вдоль косы, между навесов с юколой*, бегают черноволосая ребятня. Женщины отминают, коптят шкуры зверей, таймелей. У одной из них в удобной заплечной люльке сладко спит младенец. В чумах, на женской половине, старухи шьют улы* и одежду, ладят берестяную посуду. Тут же, на кабаньих и медвежьих шкурах, копошится мелюзга — будущие охотники. В тени деревьев старики, ловко орудуя топориками, мастерят — кто лёгкие нарты, кто ходкую оморочку*. Молодые, сильные мужчины ушли с собаками на охоту. Мало кто из них вернётся с добычей. Тайга хоть и богата, копьём много не добудешь, а для нескольких ружей, купленных у торговых людей на Амуре, давно нет боеприпасов.

Время от времени племя потрясали опустошающие эпидемии, разбойничьи нападения жестоких хунхузов*, межродовая вражда...

Меж тем негромкий голос Луксы продолжал:

— Как дошла советская власть, стало легче. Бесплатно дома строили, карабины, патроны, продукты, посуду, инструмент давали. Перед войной хозяйства на Саях и Джанго были. Я в «Красный охотник» на Саях записался. Теперь там никто не живёт — всех в одно хозяйство согнали, ёлка-моталка. Ниже Джанго Гвасюги построили. Зачем так делали? До участков совсем далеко стало.

— погоди, ты же говорил, что ваш род по Сукпаю кочевал?

— Оттуда я ушёл ещё мальчишкой, сразу как отца с матерью после большой болезни потерял. Мать шибко любил. Её украшения с ней в могилу положил. Осенью двуногий шатун могилу рыл и всё унёс! Как лёд сошёл, в Тигровой протоке* кое-что нашли в карманах утопленника. У меня сохранилось только вот это.

Лукса расстегнул ворот рубашки и показал висевшую на шее небольшую серебряную фигурку улыбающегося человечка с узкими щёлочками глаз и пухлыми щеками. Судя по размеру живота и халату с замысловатыми узорами, человек этот был не бедный. На поясе, в углублении, таинственно мерцал какой-то камешек, а на спине виднелись четыре иероглифа.

— Что здесь написано?

— Не знаю. Спрашивал у экспедиции — тоже не знают. Просили дать «китайца» — показать учёному. Но как дашь? Память! Главный знаки срисовал. Обещал написать, да забыл, пожалуй.

Бесспорно, многое изменилось в жизни удэгейцев, но основные занятия остались прежними. Летом охотники заготавливают панты*, женьшень, элеутерококк, кору б́архата амурского, ягоды лимонника, брусники, клюквы. Осенью ловят рыбу. Зимой на закреплённых за каждым штатным охотником участках промышляют пушнину, заготавливают мясо диких зверей.

Бывалый промысловик, взволнованный воспоминаниями, курил трубку за трубкой. В палатке слоился сизый дым.

Я вышел подышать свежим воздухом и застыл, потрясённый увиденным.

Полная луна заливала тайгу невообразимо ярким светом. Небо не чёрное, а прозрачно-сиреневое, и на нём не сыскать ни единой звёздочки. Кедров вокруг — словно былинные богатыри. В просветах между ними мерцают бриллиантовыми искорками крупные снежинки. Река перламутром выливается из-за поворота и, тускнея, убегает под хребет, заглатывающий её огромной каменной пастью. Боже, я попал в сказку!

Кликнул Луксу. Он тоже потрясён и что-то шепчет на своём языке. Притихшие, вернулись в палатку, однако, не выдержав, я вновь вышел и долго стоял среди этой неземной красоты. От избытка чувств вонзил в тишину этой необычной ночи полурёв-полустон. Эхо, недовольно откликнувшись, заметалось по распадкам и стихло в сопках.

ТАЁЖНАЯ АЗБУКА

Утром, пока в печке разгорались дрова, Лукса успел одеться, умыться. Подогрев завтрак, он растормошил меня:

— Вставай, охоту проспипшь.

Я вылез из спальника, размял затёкшие ноги и налил в эмалированную кружку чай.

— Чего не умываешься? — удивился Лукса.

— Холодно, — поёжился я.

— «Холодно, холодно», — передразнил он. — Как со вчерашним лицом ходить будешь? Тайга пугается. Соболь уйдёт, ёлка-моталка.

Поневоле пришлось натягивать улы и выходить на мороз. Зачерпнул ключевой воды и обдал лицо. От первой пригоршни сжался как пружина — ох и жжёт! Вторую уже не почувствовал, а третья даже вызвала прилив бодрости. Настроение поднялось, захотелось поскорее приняться за дела. На дне ключа заметил золотистые чешуйки, вымытые водой из кладовых сопок. Интересно, что это за минерал? Подцепил на лезвие ножа одну пластинку и понёс показать Луксе.

— Я не понимаю в них, — простодушно признался тот.

— На золото смахивает.

— Может... Раньше китайцы мыли здесь. Такие чешуйки и в соседних ключах встречаются.

После недолгих сборов Лукса повёл меня учить премудростям промысла пушнины.

Мягко ступая, он ловко лавировал в густых зарослях: только суконная шапка-накидка мелькала в просветах между стволов. Мне приходилось то и дело ускорять шаг, чтобы не отстать. Большое преимущество в росте не выручало. Умение Луксы безошибочно выбирать самый удобный путь в густой чаще поражало. И если я пытался самостоятельно найти более короткий и удобный проход, то отставал ещё больше.

При ходьбе охотник не расставался со специальным ясеневым посохом — первойшей принадлежностью каждого удэгейца-промысловика. Выглядит он так: верхний конец широкий в виде лопаточки (она используется для маскировки капканов снегом), в нижний врезан кривой и острый клык кабарги (им тормозят и рулят при спуске с крутых склонов на лыжах).

С остановками миновав пойменный лес, полезли в сопки. Лукса учил читать встречавшиеся следы, определять их свежесть.

Гладкий, округлый след, по его словам, бывает у здорового, упитанного соболя; узкий, неровный — у слабого, худого. У такого и шкурка плохая. мех редкий, тусклый. У сильного соболя мах прыжков широкий, почерк стёжки спокойный, уверенный. В тёплую снежную погоду ходят только молодые соболя, да и те крутятся возле гнезда.

Соболь шагом не ходит, а скачет, становясь на обе лапки одновременно. Бежит обычно двухчёткой: задние лапы точно попадают в след

передних, получая уже утрамбованную опору для прыжка. Бывает, что соболя «троят», очень редко «четверят». Это когда одна или обе задние лапы не попадают в след передних. Случается такое во время гона* и при скрадывании* добычи.

После «лекции» Лукса перешёл к практическим занятиям. Показывал, как ставить капканы на норку, соболя, колонка. Я старательно впитывал и запоминал всё, чему учил наставник. Главный вывод из всего услышанного: успех охоты зависит прежде всего от того, насколько удачно выбрано место для ловушки и насколько искусно ты сумел её замаскировать.

На излучине реки вспугнули стайку рябчиков. Лукса влёт сбил одного. Птицы с шумом разлетелись в разные стороны. Одна из них спланировала на ель неподалёку от меня. Прячась за стволами, выстрелил в неясный силуэт. Рябчик камнем упал вниз. Но, подбежав, я ничего, кроме перьев, на снегу не обнаружил.

Обойдя впустую вокруг дерева несколько раз, покричал собак, но тех и след простыл. Удручённый, пустился догонять наставника. Узнав про оставленную дичь, он нахмурился.

— Уф, манга¹, уф, манга! Нельзя птице без пользы пропадать. Показывай, где стрелял.

Осмотрев разнесённые ветром перья, Лукса облизнул палец, поднял его вверх и юркнул в кусты. Покопавшись в снегу, вынул убитого рябчика.

¹ Плохо (удэг.).

— Никогда не бросай — фарт уйдёт.

На протоке пересекли свежий след белки.

— На жировку пошла, — отметил Лукса.

— А может, с жировки? — предположил я.

Охотник глянул удивлённо.

— Ты своей башкой думай. Смотри — прыжки большие, лапки прямо ставит — лёгкая пока. Поест — потяжелеет, прыжок короткий будет, лапки ёлочкой станут.

Я смущённо молчал. Сколько же нужно наблюдательности, чтобы подметить всё это!

Под елями виднелись смолистые чешуйки шишек, выдавая места её кормёжки.

— Видишь, белка кормилась?

Я кивнул.

— А где шишку грызла?

— Как где? На ели.

Лукса покачал головой:

— На снегу. Чешуйки плотной кучкой лежат. Когда на дереве грызёт, чешуйки широко разбросаны. Чем выше, тем шире.

В этот момент раздался быстро удаляющийся треск сучьев. Мы побежали посмотреть, кто так проворно ретировался. Вскоре увидели на снегу рваные ямы от громадных прыжков. Тут же — лёжка, промятая до земли.

— Как думаешь, кто был? — ещё раз решил проэкзаменовать меня наставник.

— Олень, — уклончиво ответил я и стал лихорадочно искать глазами помёт, чтобы по форме шариков определить — лось или изюбрь*.

— Ты мне голову не морочь. Какой олень? — напирал Лукса.

— Лось.

— Сам ты лось... горбатый! Говорил тебе вчера: сохатый рысью уходит. Этот прыжками ушёл. Изюбрь был. Смотри сюда и запоминай. Видишь, снег копытами исчиркан. Изюбрь так чиркает, лось высоко ноги поднимает — снег не чиркает.

Видя, что я совсем скис, ободряюще добавил:

— Ничего, бата¹! Поживёшь в тайге, всему научишься. Даже по-звериному думать.

На пологой седловине пересекли след бурого медведя, тянущийся в сторону господствующей над окрестностями горы Лысый Дед. Его округлая макушка в белых прожилках снега и серых мазках каменистых осыпей была совершенно безлесой. Эта особенность, похоже, и определила название.

— Миша чего-то припозднился. Они обычно под первый снег залегают.

На обратном пути вышли на крутобережье широкого, но неглубокого залива — излюбленного места нереста кеты. От Хора он отделён полосой земли, заросшей густым пойменным лесом, сплошь перевитым лианами китайского лимонника и актинидий.

На мгновение взгляд почему-то задержался на группе деревьев. Не поняв сразу, что имен-

¹ Сын, сынок (удэг.).

но привлекло моё внимание, пригляделся. Пять могучих ильмов* стояли как бы полукругом, обращённым открытой стороной в залив. Перед ними — проплешина, в центре которой три потемневших деревянных столбика, заострённых кверху. Когда подошли поближе, увидел, что это идолы. Грубо вытесанные, длинные потрескавшиеся и потемневшие лица равнодушно взирали на водную гладь. Я вопросительно взглянул на Луксу.

— Наши лесные духи. Большой — Хозяин, а эти двое — жена и слуга. Хозяин помогает в охоте и рыбалке, — вполголоса пояснил он.

Достав из кармана сухарь, охотник подошёл к столбикам, почтительно положил его у ног Хозяина и спустился к воде. Я задержался, чтобы сделать снимки.

— Ничего не трогал? — не сводя с меня глаз, спросил Лукса, когда я догнал его.

— Нет. Сфотографировал только.

— Тогда ладно. Давай рыбу собирать. Рыбы беда как много надо. Собак кормить и на приманку.

Переступая по валунам, мы вытащили сучковатой жердью с мелководья десятка четыре кетин и сложили в кучу. В этих рыбах трудно было признать красавца океанского лосося. Серебристый наряд сменился на буро-красный. Челюсти хищно изогнулись и устрашающе поблёскивали серповидными зубами, выросшими за время хода на нерест. Некоторые самцы

ещё вяло шевелили плавниками, изо всех сил стараясь не завалиться на бок. До последней минуты своей жизни они охраняли нерестилище — тёрку — от прожорливых ленков* и хариусов.

Во время нереста в августе и сентябре сквозь чистую воду хорошо видно, как самка с силой трётся о дно, покрытое мелкими камешками. Припав к образовавшемуся углублению, она сжимает и разжимает брюшные мускулы до тех пор, пока лавина лучистых, янтарных икринок не вырвется наружу и не осядет в лунке. Плавающий рядом возбуждённый самец изливает на них молоки и присыпает оплодотворённую икру галькой. Весной из неё выведутся крохотные мальки. Окрепнув в горной речке с холодной, богатой кислородом водой, они скатятся в море. А через несколько лет, уже взрослыми, возвратятся на родное нерестилище. Ничто не может остановить их на пути к нему. Настойчивость и сила рыб, поднимающихся даже по двухметровым сливам, восхищает. Отметав икру, они также погибнут, чтобы дать жизнь новому поколению.

— Мало нынче кеты. Раньше, бывало, в два слоя лежали. Тысячи на зиму готовили.

— Солили?

— Как солить? Где столько соли взять?.. Брюхо и спину вдоль хребта резали и сушили под навесами на ветру.

— А мясо летом как хранили?

— Чуть варили, чтобы кровь свернулась. Потом резали на пластины и, как рыбу, вешали.

Пока мы собирали кету, Пират с Индусом, бегая наперегонки по берегу, обнаружили затаившуюся под выворотнем енотовидную собаку и с лаем выгнали её оттуда.

Она напоминала заурядную дворняжку с короткими ногами. Неуклюжа, приземиста, ужасно лохмата. мех густой и пышный, серо-бурый, с желтоватым оттенком. Мордочка короткая, глаза смотрят покорно, как бы прося пощады. Это, пожалуй, самое безропотное и беззащитное существо в сихотэ-алиньской тайге.

Когда мы приблизились, енотовидная собака припала к земле и закрыла глаза, с поразительной апатией ожидая решения своей участи. С трудом оттащив возбуждённых псов, направились к стану, обсуждая увиденное за день. Радовало, что участок богатый. На пойме немало копытных, по берегам бегают норки, в сопках встречаются соболя. И, что важно, много мышей и рябчиков — их основной пищи.

— Рябчик есть — соболю хорошо. Мышь съел — опять ловить надо. А рябца ему надолго хватает, — объяснял опытный промысловик.

— Лукса, как будем участок делить? — наконец-то решился спросить я.

Напарник недоуменно посмотрел:

— Зачем делить? Где хочешь, ходи, где хочешь, лови. Только на соседние участки не ходи.

Пудзя* сердиться будет. Выше по Хору сосед — Аки́. Ты его знаешь. А ниже — Гирдо́. Гирдо уже два года не охотится. Колено выпадает.

Честно говоря, я был обескуражен таким ответом. Мне хотелось, чтобы Лукса закрепил за мной определённую часть угодий, но со временем понял, насколько мудрым было его решение. Никто не был стеснён и не считал себя обделённым. Наши тропы иногда пересекались, но при этом каждый шёл своей дорогой.

Весь следующий день по сопкам с диким посвистом метался шальной ветер. Правда, нам он не мешал: мы были заняты подготовкой капканов.

Чтобы удалить заводскую смазку, отжигали их на углях. После чего напильниками сглаживали заусенцы, подгоняли сторожки. Из стальной проволоки делали на каждый капкан цепочку для крепления «потаска» — обрубка ветки, не позволяющего зверьку далеко уйти.

Наскоблив с затёсов кедровой и еловой смолы, бросили её в ведро с кипящей водой. В этом бульоне поочерёдно проварили все уже подготовленные капканы. Когда их вынимали, они покрывались тоненькой янтарной рубашкой.

После такой обработки соболя, обладающие тонким нюхом, не учуют запах железа.

— Камиль, перед установкой капкана руки хвоей пихты обязательно натирай. Она пахнет

сильней и дольше, чем еловая, — продолжал просвещать Лукса.

К полуночи ветер стих. Непроницаемый войлок туч скрыл все звёзды. Мягко повалил снег.

Промысловик заметно оживился:

— В снег звери гложут — близко подойти можно. Сначала мяса запасём, потом соболя ловить начнём.

Говорит, а сам мой пятизарядный гладкоствольный винчестер всё поглаживает да на руках покачивает.

— Какой легкий, ёлка-моталка! Как моя одностволка. Камиль, тут цифры тысяча девятьсот двенадцать. Что они значат?

— Год выпуска.

— Вот это да тебе! — Лукса аж присвистнул. — Мой отец тогда только родился. Откуда у тебя такое старое ружьё?

— Друг купил во Владивостоке у одного геолога-пенсионера. В тайге, когда мы путешествовали, ему за этот винчестер огромные деньги предлагали.

— Как же тебе дал?

— Он погиб в Якутии. Ружьё — память о нём. Большой, светлой души был человек. Я ему многим обязан.

— Да, бата, молния всегда бьёт самый высокий кедр. Пудзе плохие не нужны.

...Легли далеко за полночь.

БЛУЖДЕНИЯ

С рассветом снег перешёл в дождь. Тайга потонула в промозглой сырости. Без настрояния разошлись искать свежие следы копытных: хоть и непогода, а мясо добыть надо. Лукса ушёл в горы. Я же, поставив под обрывистым берегом несколько капканов на норку, побрёл по пойме ключа, надеясь отыскать кабанов. Поначалу попадались лишь волчьи следы. Гора кеты, сложенная вчера нами на берегу залива, исчезла. На её месте лишь утрамбованный серыми круг. Съеден был даже снег, пропитанный кровью.

Миновав небольшую марь, увидел гайно*. От него вверх уходили свежие следы. Решил тропить*.

Табун долго двигался прямо. Наконец кабаны разбрелись, появились глубокие пороги. Я пошёл предельно осторожно. Переходя от дерева к дереву, всматривался в каждый куст, едва дыша, прислушивался к малейшему звуку. И тут, совершенно некстати, взбrehнул Индус. Раздалось испуганное «чув-чув». Мелькнув чёрными молниями, звери исчезли, оставив на мокром снегу лишь парящие клубки помёта.

В сердцах отругал пса, но он так и не понял, что совершил ошибку. Пожалуй, наоборот, даже гордился тем, что вовремя предупредил хозяина об опасности и громким лаем обратил в бегство стадо свирепых секачей*.

Перейдя на пойму Буге, зашагал по сужающейся долине вверх. Тяжёлые непроглядные тучи утюжили макушки сопок. Всё вокруг в мутной пелене мороси. Уныло. Зябко. Несколько лет назад здесь пронёсся небывалой силы смерч, и долина оказалась заваленной деревьями в несколько ярусов. Сучкастые гиганты перегородивали путь всему живому, вдобавок между ними уже густо поднималась молодая поросль.

Приходилось буквально карабкаться через эти завалы; прыгать с одного скользкого ствола на другой, рискуя напороться на острый смолистый сук. Попытался протиснуться понизу, но и там не легче. Под ногами — снежная слякоть, по бокам — колючие кустарники и перевившие всё вокруг лианы. Колени и ладони скользят по обледенелым камням и валежинам. Каждый сучок старается выдрать клочок одежды. Одна упругая ветвь наградила меня такой пощёчиной, что свет померк от боли, а из рассечённой скулы брызнула кровь.

Неожиданно долина полезла круто вверх, и я запоздало сообразил, что поднимаюсь не вдоль Буге, а по его боковому распадку. Возвращаться назад через лесные «баррикады» не было ни сил, ни желания. Решил перевалить гриву и спуститься к Буге по соседнему распадку.

Там меня встретили труднопроходимые заросли кедрового стланика*, чередовавшегося с можжевельником. Лишь по самому гребню росли берёзы, но не те нежные, стройные создания,

прославленные народом в песнях, а кряжистые, скрюченные карлики с толстыми култышками ветвей. Их трудно даже назвать берёзами. Постоянные пронизывающие ветра совершенно изменили их привычный облик. Угрюмый вид этих уродцев навевал нехорошие предчувствия.

Через час мы с Индусом всё же прорвались к ложу ключа, к привычным кедрам и елям, а так как уже пора было возвращаться, я повернул к стану. Иду и чувствую, что не проходил здесь. Вроде те же сопки, тот же ключ, но пойма много шире. Чтобы проверить себя, пересёк долину поперёк и остановился в растерянности: моих утренних следов на размякшем снегу не было. Очевидно, я спустился не к Буге, а в долину соседнего ключа — Джанго, на участок Гирдо.

В замешательстве огляделся. Вокруг стоял сразу ставший враждебным лес. Сверху безостановочно сыпал нудный дождь. На мне ни одной сухой нитки. Слякотно, холодно, голодно. Еды, кроме трёх размокших сухарей, никакой. Спички, первейшая необходимость, отсырели и не зажигались. Компас остался в палатке. Стало жутко.

Мокрый Индус жался рядом и преданно смотрел на меня.

— Индус, домой! Веди, дружок! Выручай... — уговаривал я его в надежде, что пёс найдёт верную дорогу.

Тот же виновато отворачивал морду. Он догадывался, что от него чего-то ждут, возможно,

даже понимал, что именно, но помочь был не способен.

Поразмыслив, я решил, что в данной ситуации мне не остаётся ничего другого, как спуститься по долине Джанго к Хору и по его берегу подниматься к становищу.

Ближе к устью Джанго пошли, чередуясь, то сплошные изнуряющие заросли колючего элеутерококка, то топкие зыбуны с вертялками, покрытыми копной жёсткой травой кочками. По зыбунам ступал, замирая от ужаса. Сделаешь неверный шаг — провалишься в «окно» с ледяной жижей. Казалось, будто идёшь по слабо натянутой резиновой плёнке: при каждом шаге верхний слой упруго прогибался, и далеко вокруг расходились тяжёлые волны, покачивающие «копёнки». Бестолковый Индус плёлся сзади.

Передохнуть негде. Попытался прислониться измученным телом к худосочному стволу ели, но та с треском повалилась: слабый грунт не держит.

Вспомнились глухие завалы на реке Чуи, по которой мы с Юрой сплавлялись несколько лет назад. Огромные лесины, лохматые выворотни, собранные осенним паводком, перекрыли обширную долину реки от хребта до хребта. Полноводный поток, будучи не в силах разнести, разорвать нагромождения лесных великанов, с рокотом разливался по широкой пойме.

Приближаться к завалам на лодке по руслу речки было опасно: мощное течение затянет под

стволы и истреплет там в клочья. Поэтому шли по лесной пойме пешком, с рюкзаками на спине, лодкой на голове, по колено, а нередко и по пояс в воде.

Разбои тянулись всего шесть километров, но они отняли у нас двое суток.

О, что это был за переход! Сущий ад! Кругом вода. Море воды, но плыть невозможно: лодке не протиснуться между деревьями и сквозь подлесок. Почва от воды раскисла, и ноги глубоко вязли в ней. То и дело проваливались в коварные ямы. В этих случаях герметичные рюкзаки выполняли роль заплечных поплавков. Из свинцовых туч безостановочно сеял мелкий дождь.

Вокруг — полчища мошки. Её так много, что трудно дышать. Похоже, все окрестные вампиры караулили нас на этом переходе. Они роями набрасывались и облепляли серым пеплом все доступные участки тела. Проведёшь рукой по лицу — с пальцев кровавая кашица комочками отваливается. Шли голодные, грязные, мокрые и опухшие от бесчисленных укусов. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по искусанному, в серой маске лицу. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по лицу... И так двое суток! А как «спали» посреди этой топи — лучше и не вспоминать!

Так что без паники. И не в таких переделках бывал!

Собравшись с силами, влез на островок и буквально ткнулся в длинную кисть с пятью

огненно-красными рубинами ягод, свисавшую с коричневого гибкого побега с шелушащейся корой. Это были ягоды лимонника. Съев их, почти сразу почувствовал прилив сил, но, к сожалению, недолгий. Уже через километр опять захотелось прилечь. Эх, найти бы несколько таких кисточек! (Лукса говорил, что горсть ягод лимонника даёт силы весь день гнать зверя.) Дальше гибкие лианы стали попадаться чаще, но ягод на них уже не было: птицы склевали все до единой.

С тоской шаря в пустых карманах, невольно вспомнил таёжную мудрость: «Идёшь на день — бери на три». К вечеру стало подмораживать. Холодный ветер обжигал лицо и руки. Мокрые штаны и куртка превратились в ледяной панцирь, и каждый шаг сопровождался их хрустом. Оказавшись наконец на коренном берегу Хора, с облегчением вздохнул и даже несколько раз с силой притопнул ногой, убеждаясь, что топь действительно кончилась.

Последние километры брёл как во сне. Чувства притупились, мысли путались. Их неясные обрывки хаотично блуждали в голове, и только одна, точно зубная боль, не давала покоя: не ушёл ли Лукса искать меня?

Я не сомневался, что при встрече он упрекнёт: «Тебе по тайге только с проводником ходить». Но ошибся. Наставник или был уверен во мне, или просто привык за долгую жизнь в тайге к подобным задержкам. Когда я ввалился в палатку и в полном изнеможении упал

на спальник, он только пробурчал, пыхнув дымом из трубки:

— Шибко долго ходишь, всё давно остыло.

В тепле невероятная усталость сразу дала о себе знать. Мной овладело единственное желание: лежать и ни о чём не думать. Было обидно, что столько сил истрачено впустую! После этого урока взял за правило брать с собой запас еды, а спички тщательно заворачивать в полиэтиленовый мешочек. (Со временем я научусь и свободно определяться на местности. Видимо, проснётся инстинкт ориентировки.)

Выпив шесть кружек чая, но так и не утолив жажды, ожил. Оглядевшись, заметил висевшие на перекладине шкурки белок.

— У тебя, Лукса, вижу, удачный день. Поздравляю!

— Не больно удачный, только трёх белок подстрелил. Смотри, уже выходные — мездра* спелая¹. Белка линяет последней, значит, соболя тоже вызрели, — ответил промысловик и продолжил прерванное занятие — надувать очищенный зоб рябчика. В результате получился лёгкий полупрозрачный шарик, который он повесил сушиться рядом со шкурками.

— Внукам игрушка. Побольше готовить надо. Внуков беда как много. Всегда на Новый год полную банку приношу.

¹ Промысловики так говорят о пушнине, у которой мездра побелела (в тёплое время года мездра тёмная). (Примеч. авт.)

ОТЧЕГО КАМЕНЕЮТ РОГА

Разбудил ритмичный стук. Выглянул из палатки и обомлел: прямо у входа сойка остервенело терзала беличью тушку. На моё появление она никак не отреагировала. Насытившись, высокомерно глянула на меня чёрным глазом и хозяйски поскакала дальше.

Судя по тому, что чай был чуть тёплый, Лукса ушёл давно. Я оделся и выбрался наружу. Денёк — чудо! Всё пропитано солнцем. В лесу кипела хлопотливая жизнь. Вовсю тарабанили труженики дятлы, в пух и прах разбивая старуху ель. Звонкими, чистыми голосками перекликались синицы. Весело посвистывали рябчики. Пронзительно и хрипло вскрикивали таёжные сплетницы — кедровки.

И Хор нынче необычайно красив. Сплошной лентой, чуть шурша друг о друга хрустальными выступлениями, плывут льдины, припорошённые белой пудрой. В промежутках между ними вода лучится приятным нежно-изумрудным светом.

После вчерашних блужданий чувствовал себя совершенно разбитым, да и идти торить* путики поздновато. Поэтому спустился к реке и прямо под берегом насторожил несколько ловушек. Проверил старые. В две из них попались мыши. Лукса считает, что я слишком чутко настраиваю сторожок: капкан срабатывает даже от веса таких крохотных грызунов.

Сам он завалился в палатку довольный. Ещё бы! Убил чушку метрах в трёхстах от стана! Гордо извлёк из рюкзака большой кусок окорока и печень. Задабривая покровителя охоты, отрезал ломтик и бросил в огонь:

— Спасибо, Пудзя! Добрая чушка!

Сумерки сгущались, и мы, даже не перекусив, пошли за добычей. Жирненькая! Слой сала в два пальца.

— Кабанным жиром хорошо улы смазывать. Не промокают. Одно плохо — после смазки подошва сильней скользит.

В этот вечер у нас был первый настоящий охотничий ужин. Сварив полную кастрюлю мяса, пировали, оживлённо беседуя на самые разные темы. Намолчавшись за день, Лукса до-нимал меня вопросами. Во всём он пытался до-копаться до самой сути и нередко ставил меня в тупик:

— Камиль, солнце у нас одно, но почему утром оно холодное, а днём горячее и светит так сильно, что смотреть больно?

Или же спрашивал:

— Отчего каменеют рога? Они же вырастают мягкими, и траву олень ест мягкую, а к гону рога каменеют.

Я, используя книжные познания, как мог, разъяснял:

— Верно, молодые рога мягкие и пронизаны массой кровеносных сосудов, сверху покрыты кожей с густой бархатистой шерстью.

— От мошки защищает, — вставил Лукса.

— Когда панты вырастают в полную величину, в них происходит отложение солей. Проще говоря — окостенение. Начинается оно с кончиков рогов и постепенно опускается всё ниже. Не случайно в это время быки особенно часто посещают солонцы: организм требует соли. Когда этот процесс завершается, покрывающая рога шкурка отмирает, и, как ты сам рассказывал, олени трутся рогами о деревья, чтобы счистить её.

— Понятно. А вот скажи: кто из зверей самый крепкий на рану?

— Лукса, это нечестно. Ты мне об этом ещё не рассказывал.

— Ишь как вывернулся! Тогда слушай. Самый крепкий лось будет. Самый слабый — изюбрь. Медведь и кабан между ними. Раненый лось силы бережёт, от охотника уходит не больно быстро. В сопку идёт не прямо, а, как река, петляет. Изюбрь — дурак. Горяч. Раненный, прыжками уходит и всегда вверх. На рану совсем слабый — даже с «мелкашки» завалить можно. У меня раз так было: собака загнала изюбря на отстой*. Смотрю, ничего не вижу: ветки мешают. Стрельнул, да в спешке не переключил с «мелкашки» на «жакан»*. Слышу: копыта по камням защёлкали. Обида взяла: уходит рогач, ёлка-моталка. Бросился за ним, а изюбрь сам навстречу. Не успел второй раз стрелнуть, как он грохнулся на камни мёртвый. Совсем слабый на рану.

— Лукса, расскажи ещё что-нибудь.

— Это можно, — оживился промысловик и, прихлёбывая чай, допоздна рассказывал не только о случаях из охотничьей жизни, но и о повадках зверей, особенностях их промысла.

Под конец я не утерпел и задал давно беспокоивший меня вопрос:

— Лукса, а ты не боишься, что тигр или волки могут напасть?

— Чего бояться? Зверь не глупый. Он человека уважает.

— Но случается же, что хищные звери нападают на человека.

— Сказки это. Если зверя не трогать, он не нападёт. Что, колонок или норка опасные звери? Но и они, если бежать некуда, могут наброситься на тебя. Однако один хуза¹ в тайге всё же есть — шатун. Очень ненадёжный зверь, ёлкамоталка. Он может напасть.

* * *

В лесу после ночного снегопада следов нет. Только снежные «бомбы», сорвавшиеся с ветвей, успели кое-где продырявить пухлое одеяло.

Разошлись рано, хотя можно было и не ходить: капканы лучше ставить на второй-третий день после снегопада. За это время зверьки следят, и сразу видно, где их излюбленные проходы, а где случайный след.

¹ Бандит (*удэг.*).

В ловушках привычная добыча — мыши. У одного шалашика с приманкой норка пробежала прямо возле входа, но в него даже не заглянула — сытая. В тайге нынче все благоденствуют. Бедствуют одни охотники.

Лукса весь день гонял косуль. Дважды удавалось приблизиться на выстрел, но оба раза пуля рикошетила о промёрзший подлесок.

— На косулю хорошо с собакой ходить, — оправдывался промысловик, — она под собакой круг делает и на то же место выбегает. Тут её и бей.

— Что ж ты Пирата с собой не берёшь?

— В этом деле он не помощник. Как встретит новый след, отвлекается и уходит по нему до следующего.

УРАГАН

Ну вот, уже и седьмое ноября! Двадцать третий день как я на промысле. Расставлены почти все капканы, но добычи пока нет. Сегодня по всей стране торжества, демонстрации, а у нас с Луксой обычный трудовой день. Нарубив приманки, я отправился бить очередной пугтик по пойме Хора, но вскоре вернулся, чтобы надеть окамусованные* лыжи: снега навалило так много, что пешком ходить стало невозможно.

Если бы таёжники знали имя человека, первым догадавшегося оклеить лыжи камусом, они

поставили бы ему памятник. Короткие жёсткие волосы с голени оленей надёжно держат охотника на самых крутых склонах. При хорошем камусе скорее снег сойдёт с сопки, чем лыжи поедут назад. Правда, ходить на таких лыжах без привычки неудобно, надо приноровиться. Я тоже поначалу шёл тяжело, неуклюже.

Порой в книгах читаешь описание того, как охотник, лихо скатившись с сопки, помчался к зимовью. Хочется верить, что это где-то и возможно, но только не в дебрях Сихотэ-Алиня. Попробуй полихачить, когда выстроились один за другим кедры, ели, пихты, ясени, а небольшие промежутки между ними затянуты густым подлеском, переплетённым лианами.

За ключом, на вытянувшемся к востоку плоскогорье, появились миниатюрные следочки кабарги — самого крошечного и самого древнего оленя нашей страны. Изящные отпечатки маленьких копытцев чётко вырисовывались на снегу. Кабарга испетляла всю пойму в поисках любимого лакомства — длинного косматого лишайника, сизыми прядями свисающего с ветвей пихт и елей.

Лукса рассказывал, что охотники даже специально валят такие деревья и устанавливают самострелы с волосяными растяжками на высоте локтя. Слух у кабарги настолько острый, что, услышав шум упавшего дерева, она бежит к нему кормиться. Неравнодушны к этому лишайнику и другие звери, в том числе соболя,

белки. Но последние не едят его, а используют для утепления гнёзд.

Среди оленей кабарга примечательна отсутствием рогов. Этот существенный недостаток возмещается острыми саблевидными клыками, растущими из верхней челюсти. И хотя по величине они не могут соперничать с клыками секачей, при необходимости кабарожка может постоять за себя, ведь длина её клыков достигает восьми сантиметров.

Охотиться на кабаргу без хорошей собаки — дело бесполезное. Благодаря чрезвычайно тонкому слуху она не подпустит охотника на верный выстрел. Поэтому я зашагал дальше, сооружая в приглянувшихся местах «амбарчики»* на соболей и норок. Чтобы привлечь их внимание, вокруг щедро разбрасывал кроху: перья и внутренности рябчиков.

На становище вернулся, когда над ним уже витали соблазнительные запахи жареного мяса. Лукса колдовал над праздничным угощением — запекал на углях завёрнутые в фольгу жирные куски кабанятины, сдобренные чесноком.

После сытного ужина мы с особым удовольствием слушали по транзистору концерт. Но перед сном приподнятое настроение было испорчено: хлынул дождь.

— Когда таймень хочет проглотить ленка, он сдирает с него чешую, — в мрачной задумчивости произнёс удэгеец и, тут же спохватившись, добавил: — Ничего. Терпеть надо. Жалю-

ваться нельзя, ёлка-моталка. Поправится ещё погода.

После дождя подморозило, и снег покрылся ледяной коркой. Невольно вспомнил рябчиков. Смогут ли бедолаги пробить наст и выбраться из плена — ведь они ночуют под снегом.

Лукса пошёл проверять капканы, а я решил заняться накопившимися хозяйственными делами. Колол дрова, ремонтировал одежду. К полудню небо затянуло, начался обильный снегопад. Мохнатые снежинки кружились в воздухе, как бабочки, — то взлетали, то опускались, гоняясь друг за дружкой. Часом позже с горных вершин донёсся нарастающий гул. Деревья беспокойно зашевелились, зашумелись, и вскоре налетел, понёсся вглубь тайги мощный ураган. По высоким кронам елей и кедров побежали, сметая снежные шапки, зелёные волны. Воздух на глазах мутнел, становился плотным, тяжёлым. Шквал за шквалом ветер набирал силу и наконец достиг резиновой упругости. Тайга напряжённо стонала, металась, утратив своё обычное величие и покой. Деревья шатались, скрипя суставами, как больные. По уже замёрзшему заливу потянулись длинные космы позёмки. Недалеко от палатки с хлётким, как удар бича, треском повалилась ель. Два громадных ясеня угрожающе склонились над нашим жилищем.

Залив водой нещадно дымящую печь и захватив спальный мешок, я с опаской выбрался

наружу. Ураган, видимо, достиг наивысшего напряжения. Вокруг творилось что-то невообразимое. Всё потонуло в снежных вихрях, перемешанных с обломками веток, коры и невесть откуда взявшимися листьями. Было темно почти как ночью. Постоянно — то в одном, то в другом месте — рушились деревья. На фоне несусветного рёва казалось, что они падают бесшумно.

Забравшись в выемку под обрывистым берегом, я закупорился в мешке, как рябец в тесной снежной норе. В голову лезли беспокойные мысли: «Как Лукса? Что с ним? Тоже, наверное, отсиживается, пережидая непогоду. А каково сейчас зверью?!»

К вечеру ветер ослаб, но, даже отбушевав, ураган иногда давал о себе знать сильными порывами ветра. Вскоре снег опять повалил густыми, крупными хлопьями. Наступила тишина, особенно гнетущая после оглушительного буйства стихии.

Лукса пришёл поздно, изнурённый и потрясённый.

— Чего Пудзя так сердился? — сокрушался он. — Беда как много тайги поломало. Обходить завалы устал. Ладно, до конца не ходил — на развилке путиков отсиделся.

Ночью ветер вновь многоголосо завыл, метался голодным зверем по реке и сопкам в поисках поживы. Врываясь в печную трубу, наполнял палатку таким густым дымом, что становилось невозможно дышать. Чтобы не за-

дохнуться, пришлось наглухо закупориться в мешках.

Проснулся от криков Луксы, яростно поносившего всех подряд: и дрова, и печку, и погоду. Высунув голову, я закашлялся от едкого чада. Оказывается, у него от искры, вылетевшей из печки с порывом ветра, загорелся, точнее, затлел спальник. Когда он почувствовал, что горит, возле колена уже образовалась такая дыра, что в неё без труда можно было пролезть. Так что легко понять несдержанность следопыта и простить ему крепкие выражения. Ведь в январе в этих краях спиртовой столбик порой опускается до отметки минус сорок градусов.

Выбравшись из занесённой снегом и обломками веток палатки, мы не признали окрестности.

Мне не раз приходилось видеть ветровалы, но в свежем виде они ошеломляют. Местами деревья повалены сплошь. Уцелела лишь гибкая поросль. Поверженные исполины лежали, крепко обнявшись зелёными лапами, стыдливо прячась за громадами вывороченной земли. У тех, чьи корни выдержали бешеный напор стихии, стволы переломлены, а места разлома поблёскивают лучистой, как липовый мёд, смолой, свисающей янтарными серёжками.

Обрывки узловатых, мускулистых корней кричали о боли, протестовали против такой нелепой смерти. Невольно проникаешься уважением к тем крепышам, которые выстояли.

День между тем выдался погожий. Изголодавшиеся за время ненастья звери забегали в поисках пищи.

Тщательно осматривают свои участки и соболя. Они никогда не пробегут мимо дупла, не обследовав его, побывают на всех бугорках, заглянут под все валежины и завалы. Уходя под них, соболь может невидимкой пройти под снегом десятки метров. Очень любят они и наклонённые и упавшие деревья, особенно если те лежат поперёк ключа или распадка.

Душа радуется при виде всех этих замысловатых строчек. Необыкновенно интересное всё же занятие — охота. При этом наибольшее удовольствие доставляет возможность побывать в глухих, укромных уголках, где есть возможность наблюдать жизнь обитателей тайги.

Хорошо помню то далёкое февральское утро. Мне исполнилось четырнадцать лет. Первое, что я увидел, открыв глаза, — улыбающиеся лица моих родителей и одностволку Иж-1, пахнущую заводской смазкой. С тех пор охота на долгое время стала моей главной страстью¹. И не беда, что не всегда удачен выстрел и возвращаешься без трофеев. Разве не стоит испытать усталость ради того незабываемого наслаждения, которое

¹ Однажды я увидел слезу, выкатившуюся из глаза смертельно раненной мной косули. Её укоризненный взгляд перевернул моё сознание и отбил всякое желание охотиться. Я дал зарок и с тех пор, с 1982 года, не сделал ни одного выстрела. (Примеч. авт.)

получаешь при виде дикого зверя, стаи птиц, взмывающих с тихой заводи в заоблачную высь!

Сегодня пошёл в обход со сладостным предвкушением удачи: был уверен, что в одном из капканов в Маристом распадке меня обязательно будет дожидаться соболёк. Всё же, как-никак, четыре дня не проверял. Но... опять одни мыши. И что обидно — некоторые «амбарчики» соболя сверху вдоль и поперёк истоптали, в лаз заглядывали, но приманку так и не тронули. Как же, станут они грызть мёрзлое мясо, когда повсюду живая и тёплая добыча шныряет. Один из соболей прямо на макушке домика оставил выразительные знаки своего «презрения» к моим жалким подачкам.

В следующем «амбарчике» билась голубая сорока, обитающая в нашей стране лишь здесь, на юге Дальнего Востока. На её счастье, пружина не перебила лапку. Попалась она совсем недавно — даже снежный покров вокруг хатки не потревожен. Я разжал дужки и освободил птицу. Сорока, покачав головой в тёмной шапочке, взлетела на дерево. Расправила взъерошенные перья и, громко прокричав мне что-то, улетела.

Тогда же я впервые увидел колонка, привлечённого, видимо, криком сороки. Его рыжевато-охристая шубка на белом фоне снега смотрелась весьма эффектно. Тело длинное, гибкое, с круто изогнутой спиной. Колонок несколько мельче соболя, но кровожаден и злобен необычайно,

сила в сочетании с проворством позволяют ему побеждать зверей и птиц, которые значительно крупнее его.

Пока я снимал ружьё, рыжий разбойник юркнул в снег под кучу веток, оставшихся после паводка. Дождаться его следующего появления можно весь сезон: мышей в таких местах великое множество — до лета хватит.

От этих крохотных пакостников и в нашем жилище нет спасения. Ничего съедобного нельзя оставить — сгрызут. Продукты держим на лабазе. Но они и туда наловчились взбираться. Спаслись тем, что несколько раз облили стойки водой.

По ночам от бегающей по тугим скатам палатки мышьиной армии только топот стоит. Однажды одна, самая нахальная, даже забралась ко мне в спальник. Прогулялась до ступней ног и бодренько назад по шее прямо к уху — сообразила после разведки, что это самая удобная и доступная добыча. Я прямо оцепенел от ужаса. Не столько страха от тигра натерпиться, как от этих тварей. Из палатки выйдешь — веером рассыпаются. К стану набиты настоящие тропы — со всех окрестностей к нам на кормёжку ходят. Жирные, лоснящиеся, ужасно наглые и любопытные.

Как-то вечером сидим, ужинаем. Одна высунула острую мордочку из-под чурки-стола, огляделась и деловито взобралась на неё — решила моим сухарём полакомиться. Я руку протянул,

чтобы щелчком согнать, так она, окаянная, не испугалась. Носик вытянула и старательно обнюхивает палец — нельзя ли чем и тут пожить. Ставим на них капканы, бьём поленьями, а грызунам по-прежнему нет числа. Того и гляди за нас примутся.

Но я отвлёкся от событий дня. Так вот, там, где путик пересекает межгорную седловину, появилась волнистая борозда, сглаженная посередине широким хвостом. Выдра?! Откуда она здесь? Ведь, как известно, речные разбойницы держатся рек, ключей, а тут глухая высокогорная тайга. Что побудило этого «рыболова» предпринять сухопутное путешествие через перевал? Быть может, выдра покинула свой ключ потому, что замёрзли полыньи? Или он оскудел рыбой? А может, просто проснулась тяга к странствиям?

Потрогал след. Не смёрзшийся, стенки рассыпались от лёгкого прикосновения. У выволочка* нежные, воздушные снежинки. Сомнений не было: выдра прошла буквально передо мной. Лапы у неё короткие. По снегу бежит медленно. Возможность догнать сразу соблазнила меня.

Сначала шёл не спеша: устал за день, но, разглядев вдали мелькающее пятно, ринулся напролом, как секач, не разбирая дороги, подминая лыжами густой подлесок, не замечая ничего, кроме волнистой борозды перед собой.

Выдра, похоже, услышала погоню: длина прыжков резко увеличилась, и она свернула

влево, безошибочно определив кратчайший путь к воде. Я тоже прибавил ходу. Откуда только силы взялись! Стало жарко. Сердце, бухая, разрывало грудь. Сбросил рюкзак, потом телогрейку. Вот уже тёмная искристая спина приземистого зверя замелькала среди деревьев.

Прыгала выдра тяжело, глубоко проваливаясь в снег плотным телом. Расстояние между нами сокращалось. Притормозив, я вскинул ружьё и выстрелил в изгибающуюся волной туловище. Выдра мгновенно исчезла в снегу. Подбежав, по чёрточкам дробинок увидел, что промахнулся — сноп дрови прошёл выше.

Скинув лыжи, я принялся лихорадочно разгребать снег ногами. Нижний слой был зернистым, сыпучим и скатывался обратно. Переводя дух, огляделся и понял, что выдра обхитрила меня: метрах в двадцати появилась цепочка следов, терявшаяся в глубине леса. Пока возился с лыжами и вновь пустился в погоню, обманщица успела уйти далеко.

Чем ближе к ключу, тем круче становился склон. Вскоре, чтобы погасить скорость и не врезаться в дерево, мне пришлось хвататься за проносившиеся мимо стволы. Когда я почти настиг выдру и резко затормозил для выстрела, она вновь нырнула в снег. Не тратя времени на бесплодное перемешивание, принялся ходить на лыжах кругами, останавливаясь и подолгу прощупывая глазами окрестности. Но, сколько ни вглядывался, ни выдры, ни её следов нигде

не было. В растерянности попробовал разгрести снег под поваленными стволами и в местах, где, по моему разумению, она могла затаиться. Выдра же словно сквозь землю провалилась.

Прочесав тайгу внутри небольшого круга, расширил границу поиска, однако выходного следа так и не обнаружил. Дело близилось к вечеру. Пора было возвращаться, тем более что в одном свитере, без телогрейки, я уже основательно продрог. Прощупав глазами снежный покров в последний раз, повернул обратно, злясь на себя за промах и восхищаясь сообразительностью выдры. Дважды провела меня, да так ловко!

Подобрав телогрейку, с трудом втиснулся в неё: на морозе она застыла коробом. К палатке подъехал уже в темноте.

Лукса доедал свой ужин, а на печке монотонно сипел чайник. Выслушав мой рассказ, бывалый охотник успокоил:

— Шибко не расстраивайся. Выдра — самый умный зверь в тайге. Как говорит наш охотвед: промысел выдры — это высший пилотаж. Однако не последняя зима у тебя. Придёт время — добудешь. Однажды я тоже, как и ты, выдру на переходе гнал. Мне тогда собака помогла. Под завал загнала. В другой сезон три собаки выдру под корягой причуяли, но взять боятся. Одна сунулась. Выдра так лапой саданула, что кожу с носа содрала. Я стрельнул. Хитрюга с другой стороны выскочила — и к полынье. Собаки за ней. В клубок сплелись. Визжат, рычат

и к воде колесом катятся. Стрельнуть боюсь — собак зацеплю. Так и ушла, ёлка-моталка.

Наставник ещё долго делился своими охотничьими историями. А я, как всегда, старательно всё записывал.

— Лукса, судя по следам, ты вчера заходил на мой путик. «Амбарчики» видел? Правильно ставлю?

— Видел, видел. Молодец. Как учил, делаешь, и места подходящие.

— Почему же тогда соболь не идёт? Может, пахучие приманки попробовать?

— Ерунда это. Если соболь идёт на приманку, то идёт на любую. А если не идёт — что хочешь клади, не тронет. Надо ждать, когда соболя тропить начнут.

— Так уже больше трёх недель прошло, а я до сих пор ничего не поймал.

— Ходи больше, «амбарчики» ставь. Увидит Пудзя, что не ленишься, пошлёт удачу. Человек за всё должен платить, а за удачу особенно.

Наставник прав. Я настраиваю себя на длительный экзамен. Уверенность в успехе не покидает меня и поддерживает силы.

ЛЮБОПЫТНЫЙ «ХОЗЯИН»

Морозы с каждым днём крепче, снег глубже, а дни короче. Хор наконец встал. Всё русло в торосах. Колотые грани льда, пронзённые лучами солнца, сверкают и переливаются россы-

пью драгоценных камней. Ближе к воде лёд тускнеет, становясь почти чёрным.

При ледоставе уровень воды в реке повысился, и прибрежный лёд выперло прямо к яру. Из-за этого четыре моих капкана оказались безнадёжно погребёнными. Скоро вода спадёт, и под льдом образуются обширные пустоты. В них тепло и всегда есть свободный доступ к воде — идеальные условия для безопасной и сытой жизни норкам и выдрам. С этой поры они становятся почти недостижимыми для охотников.

Лукса ушёл в стойбище за продуктами, а заодно и «погулять маленько».

К обеду, после обхода пустых ловушек, настроение самое мерзкое. Чтобы как-то взбодриться, решил продлить путик вниз до Разбитой. Это место получило такое название оттого, что Хор там разбивается на несколько протоков, которые, упираясь в отвесные скалы, сливаются и возвращаются в основное русло глубоким длинным рукавом.

Лукса считает, что глубина в рукаве достигает девяти метров и в нём с незапамятных времён живёт громадный таймень: сети пробивает, как пуля бумагу, леску рвёт, как паутину. Все попытки поймать его завершались неудачей. Я не очень доверяю такого рода рассказам, тем не менее интересно было взглянуть на это легендарное место и попутно расставить ловушки.

Километров пять прошёл легко. Потом начался перестойный, глухой лес, да такой частый, что

приходилось в буквальном смысле протискиваться между стволов. Вымотавшись вконец, повернул обратно, так и не дойдя до цели. Иду себе, иду и вдруг рядом с моей лыжнёй вижу следы тигра. Я остолбенел. Взбитая мощными лапами глубокая траншея резко сворачивала в сторону. Очевидно, властелин северных джунглей какое-то время шёл за мной и скрылся в чаще, услышав или увидев, что я возвращаюсь.

Панический страх сдавил меня стальным обручем. По телу игольчатым наждаком пробежал мороз, руки непроизвольно стиснули ружьё. Я боялся шевельнуться: любое моё неверное движение могло спровоцировать нападение. Озираясь, стал до рези в глазах всматриваться в окружавший лес. За каждым кустом и каждым выворотнем чудился готовый к прыжку тигр. Не видя его, а лишь зная о его присутствии, хотел было взобраться на дерево, но рассудок вовремя подсказал, что без движения я быстро замёрзну.

Пересиливая сковавший страх, медленно двинулся к становищу...

Через несколько дней опять пришлось идти по этой лыжне. Страх ослаб. Он рассеялся вовсе, когда прочитал следы.

Полосатый брёл за мной около километра. Аккуратно обходя каждую снежную хатку, он заглядывал в неё, не тронув, к счастью, приманки. Трудно предсказать, как повёл бы он себя, защеми капкан ему нос или лапу. Когда я по-

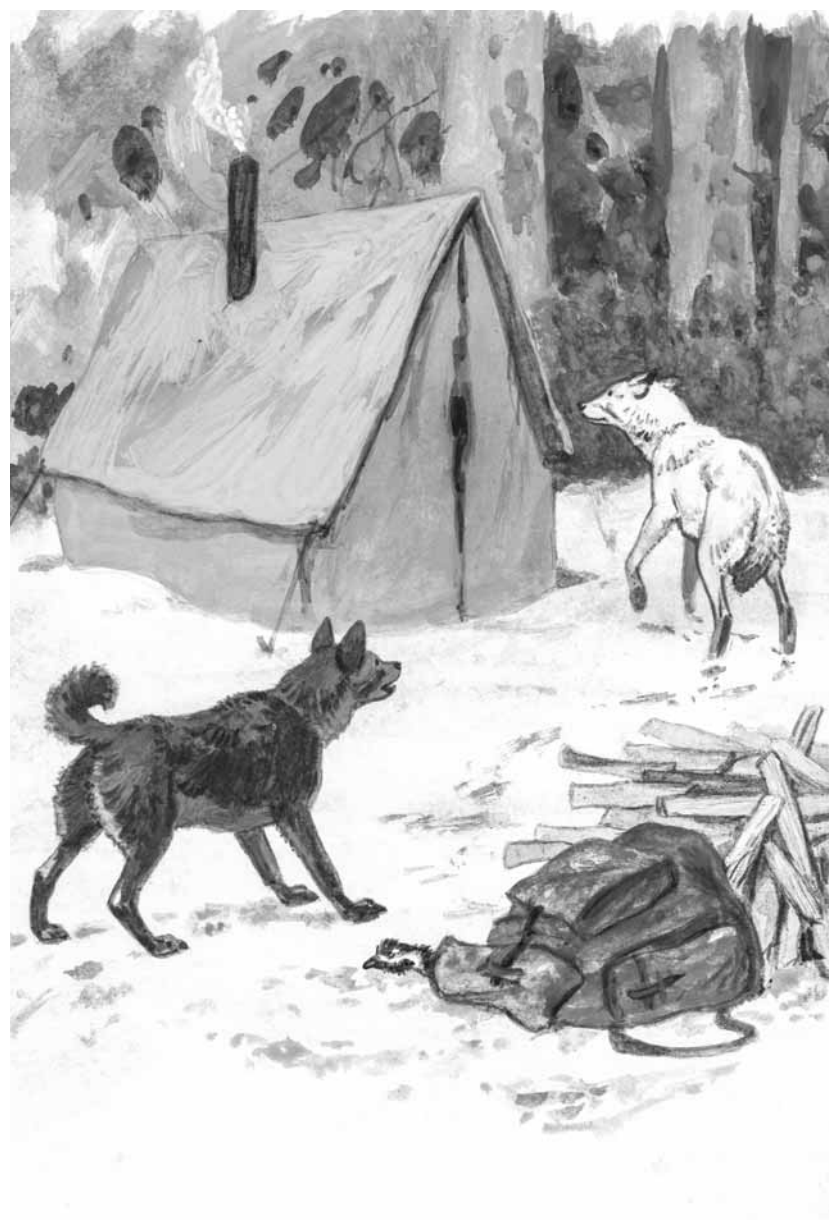
вернул обратно, громадный кот свернул и ушёл в горы. Похоже, ему было просто любопытно, чем это худосочный двуногий занимается в его владениях.

ОДИНОЧЕСТВО

Прошла неделя, а Луксы всё нет. Хорошо хоть Индус со мной. Всё же живая душа: подъезжаешь к лагерю, а навстречу, повизгивая, всем своим видом выражая бурную радость и неуёмное желание поласкаться, рвётся с привязи преданный пёс. Собака, надо сказать, оригинальная. Покорная и вялая в обычной обстановке, бестолковая на охоте, она неузнаваемо меняется, когда кто-то, по её разумению, угрожает мне или моим вещам.

Вспоминается такой случай. Вернувшись как-то с путика, я бросил рюкзак с рябчиками на кучу дров и спустился к ключу за водой. Вдруг слышу злобное рычание, визг. Взбежал на берег, и что же? Индус стоит у перевернутого рюкзака в боевой стойке. Шерсть на загривке торчком, пасть оскалена, в груди перекачивается рык, а ошеломлённый Пират сконфуженно бежит за палатку. Я прямо глаза вытаращил: Индус, всегда робеющий перед Пиратом, обратил того в позорное бегство.

Вечером, пока гладкое серое небо не сползло на землю бесцветными сумерками, то и дело

выходил на берег. Почему-то был уверен, что Лукса придёт именно сегодня. Русло Хора довольно извилистое, но от нашего становища просматривается вниз почти на километр. Однако наставник так и не появился. Зато я подсмотрел, как на противоположном берегу развлекается норка. В три прыжка взлетает на обрыв и на животе съезжает по снежному жёлобу. Отряхнётся — и опять наверх. Да так увлечённо, азартно! Со стороны — словно шаловливый ребёнок.

Продукты между тем подошли к концу. (Поскольку вертолёт подвернулся неожиданно, часть провианта так и осталась в Гвасюгах.) Крупы на два дня. Сахара — на один. Вдоволь лишь воды — целый ключ студёной и прозрачной. Последнюю щепотку чая израсходовал накануне. Поэтому сбил с берёзы, мимо которой хожу каждый день, ноздреватый чёрный нарост — гриб чагу. Чай из него, хоть и не сравнить с индийским, довольно приятен, а недостаток вкусовых качеств с лихвой компенсируется его лечебными свойствами.

В щедрой тайге знающий человек может найти лекарства от любой болезни, но нет, пожалуй, таёжного растения, пользующегося более громкой славой всеисцеляющего средства, чем женьшень — посланник древней флоры. В переводе с китайского слово «женьшень» означает «человек-корень». И действительно, он нередко напоминает фигуру человека. О том, насколько

ценился этот корень в прошлом, можно судить по тому, что в восемнадцатом веке он стоил в пятнадцать раз дороже золота!

В зависимости от возраста женьшень бывает тройкой, четвёркой, пятёркой. Эти цифры указывают на число боковых отростков. Очень редко встречаются шестёрки — старики, которым за сто лет. Если основной корень внизу раздваивается, его называют мужиком. Он ценится дороже остальных. Живёт женьшень долго. Некоторые достигают четырёхсотлетнего возраста и весят четыреста граммов!

Осенью стебель женьшеня увенчан плотным шаром ярко-красных ягод. Они хорошо видны издалека. Между ягодами и кроной бывают стрелки — одна-две. Корнёвщики верят, что они указывают на соседние растения. На поиски одного корня уходят недели, но его целебные свойства и плата за труд с лихвой компенсируют таёжнику перенесённые лишения.

С того дня, как Хор встал, я чаще стал ходить по нему — самой удобной зимней дороге в буреломной тайге. Особенно приятно идти по ровным речным плёсам, сияющим мириадами крошечных звёздочек. Кажется, будто идёшь по опрокинутому на землю небу, на котором узор созвездий меняется с каждым шагом.

Вернулся с путика пораньше, так как знал, что оставшихся дров едва хватит вскипятить чай. Снял с сучка поперечную пилу «тебе-мне»,

для которой в данном случае больше подходило название «мне-мне», и пошёл на поиски сушины.

Пилить толстые кедры одному несподручно, и я выбрал сухую, выбеленную солнцем, унизанную смолистыми сучками ель. Обтоптал вокруг неё снег и вонзил стальные зубья в звенящий ствол. Дружными струйками полились опилки. Когда оставалось допилить несколько сантиметров, стал раскачивать дерево, пытаясь повалить его в нужном направлении. Макушка ели заходила как маятник. Наконец дерево оглушительно треснуло и стало медленно валиться... на меня. Я в ужасе рванул в противоположную сторону вверх по склону, утопая в снегу, ломая кусты.

Ель в этот момент с шумом легла на пружинистые лапы кедра. Те, низко прогнувшись, срикошетили сучкастый ствол мне вдогонку. Тупой удар в спину впредсоставал меня в снег. Какое-то время лежал неподвижно, ничего не чувствуя и не сознавая. К действительности вернула нарастающая боль в позвоночнике. Неужели перелом? В моём положении это верная смерть. Так глупо! Но, пошевелив сначала руками, потом ногами, понял: не пришло ещё время «великой перекочёвки».

Ствол стеснял движения, но руки были свободны, и я принялся разгребать снег. Сначала вокруг головы, потом, с трудом протискивая руки, из-под груди и живота. Колочие кристаллы

сыпались в рукава, за воротник, таяли и растекались по телу ледяными струйками. Лезли в лицо, набивались в рот, но я только радовался этому — понимал, что именно снег мой спаситель.

Руки выгребали снежную крупу уже из-под бёдер. Тело проседало с каждой минутой всё ниже. Давление ствола ослабло, и я попытался выбраться из плена. К моему неописуемому восторгу, это удалось с первой попытки. И вот я, мокрый, но счастливый, восседаю на едва не погубившей меня лесине: упади ель чуть выше, острый сучок пробил бы спину насквозь.

Отдышавшись, отпилил несколько чурок, перетаскал их к становищу. Наколов дров, забрался в палатку. Набил топку, поджѐг щепу. Обсыхая у жаркой печки, не переставал радоваться невероятному везению и содрогался, представляя иной исход. А вот моему другу Юре Сотникову два года назад не повезло. Стечение целого ряда обстоятельств привело к трагедии...

ЛУКСА ВЕРНУЛСЯ

Целый месяц прошёл впустую, а сегодня, когда мог наконец открыть счёт трофеям, — такой удар! И от кого? От мышей! Проклинаю их последними словами: съели угодивших в капкан двух норок! Оставили лишь обглоданные скелеты да хвостик одной из них. По нему-то и определил, что это были именно норки.

Вконец расстроенный, побрёл дальше. Досада от потери обострялась мыслью о напрасной гибели красивых зверьков.

Погружённый в эти невесёлые думы, не сразу заметил изюбря, глодавшего ольху на краю протоки. Услышав скрип лыж, он повернул увенчанную огромными ветвистыми рогами голову и, словно давая понять, что я значу для него не больше, чем любое рядом стоящее дерево, скользнул по мне равнодушным взглядом. Постояв пару секунд в некотором раздумье, нехотя потрусил, перейдя вскоре на бег и изумительные прыжки, легко перемахивая через завалы и ямы.

В такие моменты сожалеешь, что в руках ружьё, а не фотоаппарат. Изюбрь, пожалуй, одно из самых совершенных творений природы. Даже убегает так, словно специально даёт возможность полюбоваться изяществом своих форм.

Его грация вызывала восхищение и будила в сердце желание сберечь эту красоту для потомков.

Подобные встречи всегда очищают. Они своего рода парная баня для души: смывая всё наносное и ненужное, делают нас добрее и чище.

Возвращаясь к стану, услышал со стороны устья Буге два выстрела. Лукса? Неужели Лукса?! Я помчался к «дому» так, будто у меня выросли крылья. Наставник сидел на корточках в куртке из солдатского сукна и деловито

разбирал содержимое рюкзака. Я глядел на него так, будто не видел целую вечность. Подбежав, стиснул в объятиях.

— Пусти, задавишь, — проворчал он, — опять один жить будешь.

Но по лицу было видно, что тоже рад встрече.

— Чего так долго не приходил?

— Мал-мало гулял, — широко улыбнулся охотник. — Потом старые нарты ремонтировал. Однако всё равно сломались — продукты только до Джанго довёз.

Сразу были забыты съеденные мышами норки, сучкастая ель. А когда на нашем столе появились сгущёнка, свежий хлеб и плиточный индийский чай, то и все прочие неприятности, случившиеся со мной за время отсутствия Луксы, и вовсе отодвинулись куда-то далеко.

Насладившись чаем, вприкуску с хрустящим ломтём хлеба, щедро залитым сгущённым молоком, я плюхнулся на спальник и блаженно вытянулся. Лукса набил трубку махоркой, закурил.

— Чего поймал? — с возможно большей небрежностью в голосе спросил наконец он.

Я, не стесняясь в выражениях, излил душу. Особенно досталось ненавистным грызунам.

Промысловик сочувственно кивал:

— Сколько живу, а столько мышей не помню. Вывод простой — чаще ловушки проверяй.

Перед сном, как обычно, вышел из палатки. Остывший воздух был упруг и жгуч. Чёрная без-

дна манила жемчужинами звёзд. Изящный ковш Большой Медведицы, опершись дном о скалу, подливал густых чернил в и без того непроглядную тьму. Из трубы, как из пасти дракона, вырывался столб пламени, обстреливающий созвездия недолговечными светлячками искр. Я готов был созерцать эту картину бесконечно, но чувствительные пощипывания мороза побудили вернуться в наше тесное брезентовое жилище. Тепло ласково обняло, согрело; приветливо закивал язычок пламени оплывшей свечи, даже поленья, словно обрадованные тем, что все в сборе, с новой силой возобновили трескучую перебранку.

ПАМЯТИ ДРУГА

Проснулся от сильного озноба. «Снежная процедура», полученная накануне, не прошла даром. Несмотря на недомогание, я всё же отправился на проверку очередного путика.

На обратном ходе чувствую, что силы с каждым шагом тают, ноги наливаются свинцом, отказываются идти. Я остановился посреди заснеженного русла реки передохнуть. И нет бы просто постоять, отдышаться, а, прельстившись солнечным теплом, уложил лыжи камусом вверх и прилёг на них. Глаза закрылись сами собой. Навалившаяся дремота быстро понесла в мир блаженства и покоя...

Не знаю, сколько прошло времени, но в какой-то момент сквозь сон, словно удар электрического

тока, пронзила мысль: замерзаю! С трудом разомкнул склеенные инеем веки. Ветер, дувший в голову, уже успел наместить в ногах приличный сугроб. По реке тянулись хвосты снежной позёмки. Как ни странно, холода не ощущал. Только мелкая дрожь во всём теле. Но ни руки, ни ноги не слушались. После нескольких попыток я сумел-таки перевалиться на живот и встать на четвереньки. Раскачиваясь взад-вперёд, размял бесчувственные конечности. С трудом выпрямился и стал приседать, размахивать руками. Немного ожив, надел рюкзак и поплёлся дальше. Как добрался до палатки, не помню...

Три дня пролежал в спальном мешке в полубытьи. Спасибо Луксе: каждый день, перед уходом, заносил в палатку несколько охапок дров и вливал в меня какие-то отвары.

За время болезни я сильно ослаб, зато на всю жизнь усвоил два правила. Первое: заболел — отлежись (организм с зарождающейся хворью быстрее справится). Второе: зимой, как бы ни устал, никогда не ложись отдыхать на снег.

Пока болел, часто вспоминал своего друга — Юру Сотникова. Мои недомогания, по сравнению с теми страданиями, что выпали на его долю, сразу представлялись пустячными.

Познакомился я с ним в 1968 году во Владивостоке, в один из тех чудесных сентябрьских дней, которыми славится Южное Приморье. Он

сразу привлёк моё внимание своей некоторой старомодностью. Коротко стриженные волосы, защитного цвета рубашка с короткими рукавами, заправленная в чёрные брюки с тщательно отутюженными стрелками. На простом русском лице серые, глубоко посаженные, но в то же время как бы распахнутые глаза. Где-то в их глубине всегда таилась лёгкая непроходящая грусть. Даже когда он смеялся, а посмеяться он любил, она не исчезала. Вздёрнутый кончик носа начисто лишал его лицо мужественности. На самом же деле он был волевым человеком с сильным характером. Меня восхищала его постоянная готовность к бескорыстной помощи.

Юра, как и я, любил ходить по тайге по сложным маршрутам. Учились мы оба в Дальневосточном политехническом институте, только на разных факультетах. Я на факультете радиоэлектроники, а он — на электротехническом, но жили в одном общежитии. Благодаря этому быстро подружились. За три года четырежды пересекли вдвоём Сихотэ-Алинь с побережья Японского моря до реки Уссури. Совершили несколько небольших, но памятных походов по горам Южного Приморья.

Весной 1972 года судьба разлучила нас (я женился и переехал в город Горький¹). Из Юриных писем знал, что он с нашим общим знакомым, русским богатырём и красавцем Сашей Тимашовым, планирует совершить сплав пятой

¹ Ныне — Нижний Новгород.

категории сложности по якутским рекам Гонáм и Учúр до Алдáна.

А в конце ноября отец Юры, Василий Иванович, сообщил, что ребята с маршрута не вернулись. Поиски, организованные Алданским авиаотрядом и геологами, пришлось прекратить из-за низкой облачности и рано выпавшего снега.

С наступлением весны по инициативе комитета комсомола Дальневосточного политехнического института, при активной помощи Приморского отделения Русского географического общества, была организована поисковая группа из шести человек под руководством одного из самых титулованных туристов Дальнего Востока Бориса Останина.

Я и дядя Юры — Илья Иванович, живший в Новосибирске, — присоединились к ним. За неделю добрались до верховьев Гонама и начали сплав. Возле устья ключа Нингáн, в шестистах километрах от последнего жилого посёлка, нашли в брошенной избушке геологов записку. Вот её полный текст:

«Тем, кто, возможно, будет разыскивать нас. Вышли на Гонам 1 августа. В ночь с 23 на 24 августа пятиметровым паводком унесло лодку и снаряжение. Сюда добрались на лёгком плоту 2 сентября в крайне истощённом состоянии, т. к. голодали. Здесь держались частично (очень мало) на грибах и ягодах. В этом состоянии разобрали склад, чтобы построить плот.

Сегодня, 15 сентября, мы отправляемся вниз по Гонаму. Надеемся встретить на Учуре людей. Ноги опухли, передвигаемся с трудом.

15.09.72 г.

Сотников. Тимашов

Р. С. Существенно обижены на геологов, улетевших отсюда в этом году с нарушением закона тайги. Немного муки и крупы очень облегчили бы наши страдания».

Позже на метеостанции Чюльбю́ (от ключа Нинган до неё 240 км) метеоролог Шатковский подтвердил, что в двадцатых числах августа 1972 года шли проливные дожди, и уровень воды в реке Учур у Чюльбю́ за сутки поднялся на восемь метров! Это соответствует подъёму воды в среднем течении Гонама на пять-шесть метров. Такой быстрый и мощный подъём характерен для районов вечной мерзлоты. Оттаявший за лето верхний слой почвы перенасыщен влагой, и во время дождей вода сразу скатывается в реки. (Мы сами после непродолжительного ненастья в верховьях Гонама были застигнуты двухметровым паводком.)

Ниже Нингана река прорезает высокие гранитные хребты. Каскады надсадно ревущих порогов следуют один за другим. Я до сих пор не могу понять, как обессиленные ребята на неповоротливом плоту из брёвен сумели пройти Солокитский каскад, протяжённость которого

46 километров! В нём даже наши шестиместные надувные плоты временами исчезали между кипящих валов воды.

За плечами Юры с Сашей остались многие сотни километров дикого, безлюдного пространства, но последний, самый мощный порог им пройти не удалось: плот разбило, остатки снаряжения унесло. Что особенно обидно — дальше река успокаивается и даже неуправляемый плот вынесло бы к людям.

В устье речки Холболоох группой челябинских туристов, шедшей за нами, на высоком берегу была найдена разрытая медведем могила глубиной 30—40 сантиметров и лежащий на земле крест с нацарапанной надписью: «Сотников Ю. В. 23.09.72 г.». Вокруг кости, обрывки одежды. Челябинцы всё это собрали и, выкопав яму поглубже, перезахоронили. На могиле поставили далеко заметный с реки массивный крест.

А на следующий год корабелы из Николаевска-на-Амуре — родины Юры Сотникова — закрепили на кресте пластину из нержавеющей стали. На ней выгравированы строки Юриного стихотворения:

Тайга, тайга, мне скоро уезжать.
И тут не нужно слов высоких.
Мне хочется в объятьях крепких сжать,
Как плечи друга, склоны хмурых сопок.

Узнав тайгу, нельзя забыть её.
Она своим простым законам учит.

Здесь у костра не хвастают, не лгут,
Не берегут добро на всякий случай.

Здесь все свои, и, верно, в этом суть.
Строга, добра, сурова, необъятна.
И где бы ни лежал мой путь,
Я знаю, что вернусь к тебе обратно.

Юра Сотников

Хабаровский край,
г. Николаевск-на-Амуре.
Трагически погиб 23.09.72 г.

Я прикрываю глаза и пытаюсь представить последний день моего друга...

Два измученных человека скрючились у чадающего костра. Сырость, холод до предела измотали их, а ночью выпал глубокий, почти по колено, снег. У Юры уже нет сил даже сидеть. Он прилёг на снежную перину. Больное сердце бьётся с перебоями. Саша же упорно поддерживает огонь — если потухнет, разжечь будет нечем. Слабое пламя хоть как-то согревает, а дым должны заметить с воздуха...

Юре чудится, что к нему по летнему лугу среди цветов идёт молодая мама. Она уже совсем близко. Юра явственно ощущает запах её волос. Тёплые ладони ласково коснулись плеч, и ему сразу стало легко и покойно. Мама загадочно улыбалась.

Только теперь он увидел, что её щёки покрыты нежным золотистым пушком. «Как же я прежде не замечал этого?» Юра протянул руку, чтобы погладить маму по щеке, но родной образ растаял...

Саше приходится прилагать невероятные усилия, чтобы заставить себя подняться и вновь идти за ветками и сучьями. Всё, что могло гореть, вблизи собрано, и поддерживать огонь становится всё труднее...

Послышался гул самолёта. Он нарастал. Глаза загорелись надеждой — их ищут! Ан-2 уже прямо над головами, но... проклятье небесам!!! В низких облаках ни единого просвета!..

Опять повалил снег. Юра с трудом разомкнул воспалённые веки. Ввалившиеся глаза утратили прежний блеск и не оживляли измождённого лица. В голове едва шевелились отрывочные мысли: «Нас ищут... Снежинки похожи на парашютики... Куда делась мама, она замёрзнет... Как красива сегодня тайга... Нас обязательно найдут...»

Снег, падая на его лицо, больше не таял.

Юра не представлял себе жизнь без тайги, и судьба распорядилась так, что он навеки остался лежать в земле мудрого Улукиткана — проводника Григория Федосеева¹, книги которого Юра любил и перечитывал.

¹ Федосеев Григорий Анисимович (1899—1968) — советский инженер-геодезист и писатель. Составлял карты нашей страны. В экспедициях по Дальнему Востоку его проводником был эвенкийский охотник и следопыт Улукиткан (Семён Григорьевич Трифонов, 1871—1963). Благодаря ему топографы смогли попасть в самые труднодоступные районы и сохранить на картах исконные названия рек, озёр, хребтов.

Где настигла смерть Сашу Тимашова, неизвестно. Умер ли он там же от холода, голода? Или нашёл силы идти дальше? Вряд ли тайга когда-нибудь ответит на эти вопросы.

Юры больше нет, но в моей памяти живут его слова: «Лучшие качества человеку даёт природа. Она делает его добрее, очищает от шелухи и оставляет главное — здоровый стержень».

Через несколько месяцев я получил из Николаевска-на-Амуре посылку — продолговатый фанерный ящик с завёрнутым в ватин винчестером и письмо, из которого узнал, что Юра взял с собой на Гонам лёгкую малокалиберную винтовку, а пятизарядный винчестер оставил дома. В конце письма была приписка: *«Ружьё — наш дар тебе от Юры. Береги. С уважением, Сотниковы».*

ДЖАНГО

На четвёртый день хворобы почувствовал себя заметно лучше. Выбравшись на свежий воздух, занялся ремонтом лыжных креплений. Занятие это не требовало особых усилий, но, оказывается, я так ослаб, что вынужден был то и дело отдыхать.

— Эх, мне бы здоровье Луксы! — вздыхал я. — Ему всё нипочём. Умывается снегом, воду пьёт прямо из полыньи, спит в дырявом, свалявшемся спальнике, но никогда не мёрзнет и не болеет. Чем не снежный человек? Правда,

временами жалуется на боли в желудке, но и то как-то мимоходом.

Завершив ремонт, принялся шататься по стану взад-вперёд как неприкаянный. Не отпускало какое-то тревожное предчувствие. Видимо, не давали покоя съеденные мышами норки. Не выдержав, решил проверить хотя бы ближние ловушки.

Первые две не заинтересовали привередливых зверьков. «Квэк-квэк-пии-и! Квэк-пии-пииуу!» — тревожно кричал дятел над следующей хаткой. Я невольно прибавил шаг и, сгорая от нетерпения, заглянул в неё. Но, увы, норки оставили без внимания даже жирные кетовые плавники.

Над головой повторилось «квэк-квэк-пии, квэк-пии-пииуу!». Подняв голову, разглядел дятла, сидящего на берёзе метрах в десяти. Его гнусавый крик никак не вязался с суровым обликом самого крупного представителя семейства дятловых — желны. Гроза вредителей леса имел и соответствующий наряд: весь чёрный, с красной шапочкой на голове. Прямо как кардинал у Дюма.

Бойко перемещаясь по стволу, он простукивал его крепким клювом, подобно врачу, то с одной, то с другой стороны, то выше, то ниже. Наконец что-то нашёл, вероятно, зимовочную камеру личинки короеда — и приступил к «операции». Во все стороны полетели щепки, следом — древесная труха. Временами желна, комично наклоняя голову то влево, то вправо, осматривал

конусовидный канал. И вот спящая личинка наколота на острые щетинки шилообразного языка и отправлена в желудок. И так целый день! Как у него сотрясение мозга не случается от такой долбёжки.

* * *

На следующее утро отправились с Луксой на Джанго за оставленными там продуктами.

Мороз приятно пощипывал уши. Снег под лучами восходящего солнца сиял девственной чистотой и свежестью. Собаки, весело рыская по сторонам, то забегали вперёд, то отставали. Вдоль берега, выстроившись в несколько рядов, застыли высоченные, в два обхвата, тополя.

— Лукса, из такого ствола, наверное, выйдет не один грузовой бат*.

— Да, тополя хорошие. На Тивяку́ один учёный-охотовед даже зимовал в дупле большого тополя. Три сезона зимовал. Дверь повесил, окошко вырубил, потолок сделал. Печку поставил. Нары. Потом кто-то сжёг, ёлка-моталка. Чего жгут? Кому мешает?

Перед Разбитой Пират неожиданно остановился. По его напряжённой стойке мы догадались: причуял зверя. Действительно, на острове, окаймлённом ржавым тальником, сквозь морозную дымку угадывался силуэт оленя. Заметив нас, изюбрь бросился наутёк. Пират напористо, с азартным лаем, ринулся следом. Индус же как

ни в чём не бывало продолжал крутиться вокруг нас.

«Убегает — значит, для хозяина не опасен» — так, должно быть, истолковал он ситуацию.

Изюбрь, казалось, не бежал, а летел, откинув голову назад, лишь изредка касаясь копытами снега. Вскоре он скрылся за излучиной реки. Характер лая Пирата изменился.

— Остановил, — прокомментировал Лукса.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Когда гонит — лает с визгом, остановит — как на человека лает и подвывает.

Торопливо обогнув излучину, сразу увидели оленя. Он стоял у длинной промоины, под обрывистым берегом. Пират, отвлекая внимание на себя, волчком вертелся на безопасном расстоянии. В такой ситуации не составляло труда приблизиться к изюбрю на верный выстрел, но стрелять мы не могли: зверь запретный, а лицензии

на него у нас нет. Отозвав озадаченного пса, двинулись дальше.

Широкий коридор реки открывал поворот за поворотом. Кое-где на стремнинах чернели полыньи. От них, словно от чаш с кипятком, поднимался пар.

За Разбитой на скалистом утёсе высилась, как на постаменте, двадцатиметровая каменная глыба. Её грубые, но точные контуры напоминали массивную голову ухмыляющегося великана. Особую прелесть этому творению природы придавали лишайники, покрывавшие её пёстрым ковром. Ярко-красные, почти кровавого цвета, участки чередовались с нежно-зелёными, сиреневыми. Глядя на эту красоту, понимаешь, насколько природа щедра и разнообразна, её никак не упрекнёшь в недостатке фантазии. С помощью растений, ветровой эрозии, воды и солнца она творит неповторимые шедевры.

На подходе к Джанго я услышал глухой рокот. Сначала мне показалось, что летит вертолёт, но вскоре увидел, что это рокочет укрытый белой шапкой тумана мощный порог. В этом месте каменный мыс, вклиниваясь в русло, прижимает Хор к отвесной стене. Само русло завалено обломками базальтовых плит, и вода с рёвом пробивается между ними.

Мороз уже усмирил буйство боковых сливов ледяной бронёй, но на самом стрежне* оставался незамёрзший участок. Зеленоватые буруны бесновались в ледяном кольце, пытаясь разрушить

крепкие оковы. Но мириады брызг, намерзая капля за каплей на закраинах, постепенно сжимали это кольцо. Пройдёт ещё несколько дней — и порог заплывёт льдом и затихнет до весны.

Чуть ниже по течению темнел бугор, слегка припорошенный снегом. Подойдя ближе, поняли — лосиха. Надо льдом возвышались передние ноги, голова и половина туловища. Вокруг — следы волков. В боку животного зияла дыра, через которую серые уже вытащили почти всё мясо.

— Волки часто так делают: гонят лося на слабый лёд, а как провалится, окружают и ждут, когда вмёрзнет, — пояснил Лукса. — Не доели. Значит, придут ещё.

Ну вот наконец и Джанго. Можно отдышаться. После болезни я был ещё слаб, и отдых затянулся. Поев мяса и выпив душистого чая с поджаренным на костре хлебом, я долго лежал у огня в дремотной тишине. Лукса терпеливо ждал. День угасал. Пора было возвращаться.

Взвалив на плечи набитые продуктами рюкзаки, тронулись в путь. Сумерки быстро сгущались. Когда подошли к порогу, было совсем темно. Ревун, при свете дня сказочно красивый, в крошечной тьме показался угрюмым и зловещим.

Дальше шли на ощупь, определяя край колеи плоскостью лыж. Когда выходили на припорошенные снегом наледы, чтобы не сбиться со сво-

его следа, поджигали смоляк. Обратная дорога меня окончательно измотала — к становищу подходил чуть живой. В прореху туч запоздало выглянул ярко-жёлтый диск луны, напоминающий лицо радостно улыбающегося колобка, сумевшего вырваться на волю. Тайга осветилась мягким серебристым светом. Но сердитая хозяйка-ночь прогнала непослушного малыша за высокий конус сопки, а над нами раскинула чёрное, с крапинками звёзд, покрывало.

— Луна о сопку ударилась и на звёзды рассыпалась, — пошутил Лукса.

Плотно поужинав, сразу забрались в мешки, и я впервые, несмотря на крепкий мороз, проспал до утра, ни разу не проснувшись.

БОЛЬШИЕ РАДОСТИ

Ещё одна неделя впустую. В последнее время чувствую себя волком, безрезультатно рыщущим в поисках добычи. Несмотря на неудачи, вновь и вновь невесть откуда черпаю силы и всё с бóльшим ожесточением и упорством ищу тропки и расставляю капканы. Надежду на успех не теряю и духом не падаю. Иного пути у меня и нет: в Уфе из «Башнефти» уволился, а чтобы добраться сюда, закупить снаряжение, необходимое для промысла пушнины, пришлось занять крупную (равную полугодовой зарплате инженера) сумму. Дома же осталась Танюша с нашим первенцем — двухлетним Маратом.

Когда становится совсем невмоготу, напоминаю сам себе весьма поучительную историю:

«Попали как-то в горшок со сметаной две квакуши. Бока у горшка крутые да высокие — никак не выбраться. Одна лягушка смирилась — всё равно помирать, — перестала барахтаться и утонула. Вторая барахталась, барахталась в надежде выбраться и лапками из сметаны ком масла сбила. Опёрлась на него и выпрыгнула из горшка».

Сегодня, когда настораживал капкан, заметил какое-то движение на краю промоины. Пригляделся — норка! Пробежав немного, она змеей соскользнула в воду и поплыла. Только голова замелькала.

Обедать вернулся в «дом». Тут же прилетел и сел на лабаз в ожидании хлебных крошек Луксин рябчик. Я обухом топора раздробил на чурке половинку сухаря и высыпал крошки на брезент. Рябчик долго разглядывал угощение и слетел к нему лишь тогда, когда я забрался в палатку.

Выпив чаю, отправился в сторону Разбитой. На ключе обратил внимание на рябь, пробежавшую по глади небольшой промоины. Она меня озадачила: ветра-то нет, откуда рябь? В этот момент из воды показалась голова норки.

«Надо же, то за неделю ни одной, то весь день перед глазами мельтешат!» — подивился я.

Держа в зубах рыбку, она ловко забралась на противоположный берег. Я застыл в позе ме-

тателя диска. Зверёк оценивающе оглядел новую «корягу» и, сочтя, что угрозы нет, встал, как бобрёнок, на задние лапки. Завершив трапезу, принялся чистить, вылизывать коричневую шубку.

Я осторожно прицеливаюсь, но стрелять не решаюсь: ветки мешают. Жду — вдруг опять на лёд спустится. Прошло несколько томительных минут. Мышцы дрожат от напряжения, сердце колотится так, словно хочет выпрыгнуть из грудной клетки. Наконец норка закончила прихорашиваться и... побежала в лес.

Разочарованный и в то же время довольный тем, что имел возможность понаблюдать за симпатичным зверьком, пошёл дальше. И тут на встречу выкатился Лукса. По весёлым лучикам, разбежавшимся от глаз, было видно, что он с богатым трофеем. Точно — поймал соболя! Наконец-то лёд тронулся!!!

— Камиль, не пойму, ты норку ловишь или медведя?

— А что? — оторопел я.

— Смотрел твои капканы на ключе. Зачем такой большой потаск делаешь?

— Как же? Кругом полыньи. С маленьким норка до воды доберётся — и ищи её тогда.

— Неправильно думаешь. Норка с капканом в воду не идёт — на берег идёт. А если потаск тяжёлый, лапу грызёт и уходит. Однако пора мне, путик длинный, а день короткий, — попрощался Лукса и размахисто заскользил дальше.

Подходя к последнему капкану, я боковым зрением уловил какое-то движение под берегом. Затеплилась надежда: вдруг тоже удача? Но, увы, попалась сойка. У самого обрыва остановился, соображая, где лучше спуститься к ней. Как вдруг перед птицей, словно по волшебству, возник громадный филин. Окончания его маховых перьев необыкновенно мягкие и нежные. Поэтому он летает совершенно бесшумно, словно призрак. Его размеры поразили меня: высота не менее шестидесяти сантиметров, а голова как у трёхлетнего ребёнка.

Увидев над собой пернатого гиганта, сойка в ужасе заверещала, вскинула было крылья, но разбойник занёс лапу и вонзил в жертву когти. Резкий крик взметнулся в небо и тут же оборвался. Я свистнул. Филин поднял голову и уставился на меня не мигая. Исчез он так же бесшумно и незаметно, как появился. Вот бестия!

Спустившись вниз, вынул ещё тёплую сойку из ловушки и переложил в пещерку вместо приманки.

Солнце, весь день игравшее со мной в прятки, перед заходом наконец избавилось от назойливых туч. Ветер стих. Высокие перистые облака, бронзовые снизу, предвещали смену погоды.

Гип-гип-ура!!! Я добыл первую в своей жизни пушнину!

Утром, как обычно, пошёл по путику проверять ловушки. Валил густой снег. Ветер гонял

по реке спирали снежных смерчей, мастерски заделывая неровности в торосах. В общем, погода «весёлая». Даже осторожные косули не ожидали появления охотника в такое ненастье — подпустили почти вплотную. Испуганно вскочив с лёжек, умчались прочь гигантскими прыжками, взмывая так высоко, что казалось: ещё немного — и полетят.

Подходя к капкану, установленному у завала, где часто бегал колонок, увидел, что снежный домик пробит насквозь, приманка валяется в стороне, а в пещерке горит рыжий факел с хищной мордочкой в чёрной «маске». Колонок!

Я ликовал. Сгоряча протянул руку, чтобы ухватить его за шею, но зверёк, пронзительно заверещав, сделал молниеносный выпад и вцепился в рукавицу. Быстро перебирая острыми зубами, он захватывал её всё дальше и дальше. В нос ударил острый неприятный запах, выделяемый колонками в минуту опасности. Маленькие глазки сверкали такой лютой ненавистью, что я невольно отдёрнул руку, оставив рукавицу у колонка в зубах. Умертвив зверька, положил добычу в рюкзак.

Читателя наверняка покоробят эти строки, и он вправе думать: «Убийца!» Однако не стоит рубить сплеча. Мне тоже было жаль колонка, но для штатного охотника добыча пушнины — это работа. Без смерти здесь не обойтись. Всем нравится красиво одеваться, но звери не по своей воле превращаются в меховые шапки

и воротники. Единственный способ остановить добычу пушнины — перейти на искусственные меха. К сожалению, пока не все готовы к этому.

Когда я, мерно поскрипывая лыжами, подъехал к палатке, из неё выглянул Лукса. По моему сияющему лицу он сразу догадался, что Пудзя сегодня вознаградил меня за упорство, и радовался моей удаче больше, чем своей. У него же самого сегодня редкостные трофеи: на перекладине висели две непальские куницы — харзы́. Их головы были обёрнуты тряпочкой — «чтобы другие звери не узнали, что пропавшие куницы в наших руках». Делает это Лукса каждый раз, на всякий случай, ибо так поступали его отец, дед, прадед.

Харза внешне похожа на обычную куницу, только вдвое крупнее.

Она одинаково хорошо чувствует себя как на земле, так и на деревьях. Хвост у неё длинный, поэтому харза, снующая по ветвям, напоминает мартышку.

Окраска у харзы своеобразная и довольно привлекательная, по богатству цветов может соперничать с обитателями тропиков. Бока и живот ярко-жёлтые, горло и грудь оранжевые, голова чёрная, затылок золотистый.

— Как это ты умудрился за один день пару взять? Мне даже их следы ни разу не встречались!

Лукса прищурился, пряча снисходительную улыбку:

— Эх ты, охотник! Харза одна не промышляет. Ей всегда напарник нужен. Бывает, собираются три, четыре. Кабаргу они шибко любят, а вместе легче добыть. Одна вперёд гонит, другие сбоку к реке прижимают. На лёд выгонят и грызут. Весной по насту харзы даже изюбря загрызть могут.

После ужина я сел обдирать свою первую добычу. Ох и муторное, оказывается, это дело. Пока очищал добела мездру, кожа на кончиках пальцев вздулась и горела огнём. Снятую шкурку надел на специальную деревянную правилку и повесил сушиться.

С утра занимались строительством шалаша над палаткой. Дело в том, что во время снегопада с потолка каждый раз начинается весенняя капель. Усилили десятком жердей каркас и накрыли его лапником. От этого в палатке стало теплее, но сумрачнее.

Время близилось к обеду. Идти в тайгу уже не имело смысла, и мы посвятили оставшееся световое время заготовке дров. Выбрали сухой, без коры кедр. Он был так высок, что при падении перекинулся через Буге удобным мостиком.

Огромные, как колёса древних повозок, чурки, взвалив на спину, носили к палатке, раскачиваясь из стороны в сторону, подобно маятникам. Пот заливал глаза, одежда липла к спине,

ноги от напряжения гудели. Каждому пришлось прогуляться так раз по десять. Зато и дров заготавливали надолго.

Последний день осени ознаменовал перелом в охоте. После снегопадов Пудзя сжалился — дал долгожданную «команду», и соболя начали тропить. Как любит приговаривать мой учитель, Пудзя всё видит, Пудзя не обидит трудолюбивого охотника.

Утром Лукса повёл меня к Разбитой — там появилось много тропок, — чтобы на месте показать, как ставить капканы на подрезку*. Шли долго. Я всё время отставал.

— Хорошо иди. Такой большой, а ходишь медленно, — ворчал Лукса.

Он был не в духе и в такие дни становился ехидным, а если я возражал, то распалялся ещё пуще.

— Ну-ка, охотничек, скажи, что это? — не замедлил он с вопросом, указав посохом на наклонный снежный тоннель.

— А то не знаешь!

— Не крути хвостом, как росوماха. Отвечай, если чему научился.

— Осмелюсь сообщить, что здесь белка выкапывала кедровую шишку.

— А по-моему, это работа кедровки, — пытался сбить меня с толку Лукса.

— Никак нет, дорогой учитель. Кедровка разбрасывает снег на обе стороны, мотая головой,

а белка снег отбрасывает лапками назад. Так что это раскопка белки. Она чует запах кедрового ореха даже сквозь метровый слой снега.

— Молодец, ёлка-моталка! — повеселел охотник, одобрительно похлопав меня по рукаву, так как до моего плеча дотянуться ему было сложновато.

Лукса, как и всякий настоящий учитель, всегда радовался моим успехам и гордился ими.

Под Разбитой появились сначала одиночные следы соболя, а потом и тропки. Бывалый промысловик с одного взгляда оценивал: «Это двойка, это тройка». А я никак в толк не возьму, как он определяет, сколько раз тут пробежал соболя. Вроде ничем тропки и не отличаются друг от друга. Да и тропки ли это?

Заметив мою растерянность, Лукса начал объяснять:

— Смотри сюда. Одиночный след — широкий, глубокий, нечёткий, а на тропке — мелкий, ясный. Чем чётче след, тем больше раз пробежал здесь соболя.

И сразу стал показывать, как устанавливать капкан на подрезку.

Понаблюдав с полчаса, я полез на сопку закреплять урок на практике. Продираясь сквозь белоразукрашенные пойменные крепи, перевитые тонкими, но прочными лианами аргуты*, коломикты*, вконец умаялся. Взгляд, жадно шаривший в поисках парных следочков, натёкался

только на многочисленные наброды излюбрей и кабанов. Зато на скосе длинного отрога меня ожидали прекрасные собольи тропки.

Солнце в своём вечном движении неумолимо клонилось к гребням тёмно-синих гор. В низине уже было сумрачно, и я успел поставить всего два капкана. Первый — на горбатом увале, в том месте, где соболь поймал и съел сразу двух мышей, а второй — в начале крутой ложбины. Выезжая из неё, врезался в самую гущу аралий и сильно поцарапал лицо об их острые шипы.

Я всегда старался держаться подальше от этих безжалостных густорастущих деревьев. Высотой они метра три-четыре. Ствол голый, без ветвей и сплошь утыкан длинными, прочными, как сталь, шипами, напоминающими собольи клыки. Если пройти сквозь заросли аралии сотню шагов, то от одежды останутся одни лохмотья.

Завтра выйду на охоту пораньше. Тропки, тропки искать надо. Охота! Настоящая охота начинается!

Ловля на приманку всё же скучное занятие. Изю дня в день ходишь по проторённым, надоевшим до оскомины путикам. Всё привычно. Ничто не задерживает взгляда. То ли дело подрезка! Чтобы найти хорошую тропку, нужно ходить по новым местам, а это всегда свежие впечатления и неожиданные встречи.

...Вчера было ясно и морозно. Углы палатки впервые обметало инеем. Сегодня же потеплело. По радио обещают снег, что совсем некстати: капканы на подрезку засыплет, а их у меня уже девять штук стоит. Вся работа пойдёт насмарку. Правда, хорские «синоптики» — вороны — каркают на мороз. Надеюсь, что чуткие птицы точнее радио.

Первое время я относился к вороньим прогнозам без особого доверия. Но точность предсказаний этих смыслённых пернатых быстро развеяла мой скептицизм. Например, если вороны каркают дружно — быть холоду, устроили в небе хоровод — поднимется ветер.

Весь день расставлял новые ловушки и, хотя сильно устал, всё же полез в сопки. Ничего с собой не могу поделать. Так и тянет заглянуть за горизонт. Вскоре стали попадаться уже не тропки, а настоящие торные тропы, и принадлежали они не соболю, а владыке лесных дебрей — тигру. Его огромные следы перемежались с кабаньими. На вершине сопки все тигровые тропы сходились и тянулись вдоль гребня. (Судя по округлой форме отпечатка, тут ходил самец. У самок след более продолговатый.)

Пройдя метров двести, на каменистом утёсе под многовершинным кедром обнаружил его лёжку. Похоже, что правитель таёжного царства частенько отдыхает здесь, оглядывая свои владения, изрезанные сетью глубоких рас-

падков. Обзор отсюда и в самом деле великолепный.

В награду за смелость (признаюсь, было страшновато) я впервые имел возможность рассмотреть мощный горный узел на востоке, откуда берёт начало самая труднодоступная в этих местах река Чукён.

Заснеженные скалистые вершины, испещрённые безлесными шрамами осыпей, возвышались плотной группой. От них веером расходились более низкие отроги. Если в наше время ещё остались места, про которые можно сказать «тут не ступала нога человека», то в здешних краях это выражение более всего применимо к Чукуену. Его покой охраняет частокол крутобоких гор, размыкающих свою цепь лишь в устье реки. Течение Чукуена настолько стремительно, что даже удэгейцы, привыкшие ходить на шестах, и те не могут подняться вверх более чем на десять километров. Для моторок он и вовсе непроходим из-за многометровых заломов, порогов и затяжных перекатов. Берегом идти невозможно: отлогие участки чередуются с отвесными неприступными прижимами.

Даже мороз не может усмирить Чукуен — ледяной покров усеян частыми и обширными промоинами. Удэгейцы объясняют это тем, что река берёт начало от тёплого источника, бьющего из под горы с кратким названием Ко. И тот лёд, что местами всё же покрывает реку, очень кова-

рен. Сегодня он прочен, как гранит, а назавтра расползается, словно гнилое сукно.

Эх, на вертолёте бы туда! Построить на горном ключе, кишачем рыбой и зверьём, зимовье и наслаждаться красотой нетронутого таёжного уголка¹.

Так я стоял, любовался и мечтал минут десять. Из-за островерхих гор крадучись выползли молочные клубы туч и стали обволакивать одну вершину за другой. И тут на противоположной стороне распадка отрывисто пролаял изюбрь. Струхнув от мысли, что тигр где-то неподалёку, я съехал на пойменную террасу.

Перед моим взором предстала живописная картина: сплошь утрамбованный снежный круг, раскиданные вокруг гайна ветки и кусты, срезы на высоте колена.

Чуть выше под кедром — остатки чушки: челюсти и копыта. Всё остальное было перемолото крепкими, как жернова, зубами тигра и нашло приют в его желудке. После обильной трапезы царственный хищник, похоже, нежился, барахтаясь в снегу, чистил когти — кора дерева в свежих царапинах.

По всей видимости, тигр напал на спящий табун. Позже Лукса подтвердил, что по ночам, когда усиливающийся мороз не располагает ко сну, тигры охотятся, а днём, выбрав удобное место, чутко дремлют на солнцепёке.

¹ Сейчас бассейн реки Чукен имеет статус особо охраняемой территории. (Примеч. авт.)

Тигр, или, как его здесь называют, «куты́-ма́фа», по традиционным представлениям удэгейцев, — их великий сородич, священный дух удэ. Относятся они к нему почтительно и убеждены, что человека, убившего тигра, обязательно постигнет несчастье, а того, кто хоть чем-то помог ему, — ждёт удача.

День пролетел так незаметно, что, когда между туч показался оранжевый шар солнца, уже задевший нижним краем сопку, я глазам не поверил и поспешно заскользил по накатанной лыжне к стану.

* * *

Тяжело, медленно встаёт рассвет над промёрзшими мышцами хребтов. Когда на востоке чуть затлела, разгораясь, полоска неба, я уже шагал в сторону Ма́ристой пади*, где расставлены капканы на приманку.

Как и прежде, во всех пусто, хотя к большинству хаток соболь подходил.

«Любопытный, — раздражённо думал я. — Интересно, видите ли... А нет чтоб в хатку зайти». Поскольку все следы были трёх-четырёхдневной давности, я сделал вывод, что это наследил не местный, а проходной соболь. Поэтому, сняв капканы, новые настраивать не стал.

На выходе из пади кто-то метнулся через лыжню в чащу. Кабарга! Такая крошка, а прыгает словно кенгуру.

...Лукса принёс двух соболюшек. Одна тёмно-коричневая, другая почти бежевая. Оба зверька добыты на одном участке, а по цвету так резко отличаются. Что интересно, за тёмного он получит вдвое больше, чем за светлого, хотя тех и других ловить одинаково тяжело. Выходит, что охотник за один и тот же труд получает разную плату. Чем больше поймаешь тёмных соболей, тем больше заработаешь. Такая ценовая политика способствует осветлению вида. Особенно в тех местах, где соболей промышляют с лайкой: промысловик костями ляжет, а возьмёт «казака» — чёрного соболя.

* * *

Вот это день! Вот это удача! Пудзя с несказанной щедростью одарил меня за упорство и долготерпение. Как говорится, «не было ни гроша, да вдруг алтын». Степень моей радости легко представить, если вспомнить, что за прошедшие сорок пять дней колонок — мой единственный трофей. Зато сегодня... Но всё по порядку.

Утро выдалось на редкость солнечным и тихим. Быстро собравшись, я зашагал проверять свои первые капканы на подрезку. Сгорая от нетерпения, поднялся на увал и приблизился к первому из них. И что же вижу? Посреди вытоптанного круга чернеет потаск, а капкана нет. Сердце ёкнуло: опять невезуха! Расстроенный, стал разбираться. Вижу, одиночный след пересёк

лыжню и потерялся среди опрятных ёлочек. Пригляделся. Да вот же он! Свернулся клубочком, положил головку на вытянутые задние лапы, да так и застыл. На фоне белого снега шелковистая шубка казалась почти чёрной и переливалась морозной искоркой седых волос. Округлая большелобая голова с аккуратными, широко посаженными ушами треугольной формы покрыта более короткой светлой шерсткой. Добродушная мордочка напоминает миниатюрного медвежонка. Хвост чёрный, средней длины. Лапы густо опушены упругими, жёсткими волосами, которые значительно увеличивают площадь опоры и облегчают бег по рыхлому снегу. След поразил меня несоразмерностью с величиной зверька. Он, пожалуй, крупнее следа лисицы.

Некоторое время я благоговейно созерцал предмет своих мечтаний и привыкал к мысли, что поймал соболя. Потом, так и не сумев до конца поверить в свою удачу, вынул зверька из капкана, погладил нежный мех и, счастливый, помчался дальше.

Три следующие ловушки были пусты. Пятая опять заставила поволноваться. Снег вытоптан, тут же валяется перегрызенный пополам потаск. Ни ловушки, ни соболя. С трудом нашёл его в соседнем распадке. Зверёк так глубоко втиснулся между обнажённых корней кедра, что я еле вытащил его оттуда. И вовремя: мышиный помёт посыпался прямо из шубки. К счастью, мех

попортить грызуны не успели. В седьмом капкане опять соболь. Эту ловушку я привязал прямо к кусту, без потаска. Бегая вокруг него, зверёк перекрутил цепочку восьмёрками и оказался притянутым к стволу, как Карабас-Барабас бородой к сосне.

Оставались ещё две непроверенные ловушки, но невероятная удача опьянила меня, и я отдался неуёмным мечтам, не замечая уже ни свежих следов, ни новых тропок. Ликование переполняло сердце. Тёплые волны счастья несли, качали, дурманя всё больше и больше. Я окончательно утратил чувство реальности и наверняка был бы разгневан, окажись восьмой капкан пустым. Однако перед моим взором вновь предстала отрадная для промысловика картина: на том месте, где стоял капкан, вытоптана круглая арена, и на её краю, уткнувшись мордочкой в снег, словно споткнувшись, лежал соболь-самец красивого кофейного цвета.

На обратном ходе проверил шесть капканов на приманку. Пусто. Пустяки! Рюкзак и без того

полон! Если охотовед все четыре шкурки примет первым сортом, то денег хватит, чтобы рассчитаться со всеми долгами. Фантастика!

Всё, возвращаюсь с Фартового (так я назвал этот путик) и готовлю к приходу Луксы достойный такого удачного дня ужин.

Сварил мяса. Поджарил на сливочном масле четырёх рябчиков с луком.

Наставник, увидев богато накрытый стол, сразу всё понял.

— С чем поздравить?

Я молча показал четыре пальца.

Лукса от удивления аж присвистнул:

— Вот это да себе! Доставай, Камиль, фляжку! Теперь ты настоящий промысловик!

Когда подняли кружки, наставник с чувством произнёс:

— Пусть удача приходит чаще, ноги носят до старости, глаз не знает промаха!

Попробовав поджаренных мною рябчиков, похвалил:

— В жизни не ел ничего вкуснее!

* * *

Какая-то странная погода стоит последние дни. Ночь звёздная, мороз 30—35 °С, а утром небо начинает заволакивать дымкой и время от времени сыплет пороша. К обеду становится так пасмурно, что кажется, вот-вот повалит настоящий снег, но к вечеру всё постепенно рас-

сеивается, и ночью опять высыпают звёзды. Раньше при таком морозе я вряд ли снял бы рукавицы. А тут пообвык: капканы-то голыми руками приходится настораживать. Натрёшь руки хвоей пихты, чтобы отбить посторонние запахи, и работаешь. К вечеру пальцы от холода опухают и краснеют. В палатку возвращаешься насквозь промёрзший. Пока печь непослушными руками растопишь — не одну спичку сломаешь. При этом невольно вспоминаешь рассказ Джека Лондона «Костёр».

Но по мере того как разгораются дрова, палатка оживает, наполняется теплом, и ты, только что всё и вся проклинавший, добреешь, становишься благодушной. Сидишь усталый, расслабленный и неторопливо выдёргиваешь из спутавшейся бороды и усов ледяные сосульки, намёрзшие за день. А уж когда выпьешь кружку горячего, душистого чая, то готов любому доказывать, что лучше этой палатки и этого горного ключа нет места на земле.

Потом принимаешься за повседневные дела. Колешь дрова, приносишь с ключа воду, достаёшь с лабаза продукты, моешь посуду, варишь по очереди с Луксой ужин, завтрак и обед одновременно. Обдираешь тушки. Чуть ли не ежедневно при свете свечи латаешь изодранную одежду, ремонтируешь снаряжение, заряжаешь патроны, делаешь записи в дневнике. После ужина поговоришь немного с Луксой и ныряешь в спальник до утра.

Спать при таких морозах в ватном мешке, конечно, не то что в тёплом доме на мягкой перине. Но тут главное — правильно настроить себя, принять неизбежность определённых неудобств. Тогда недостаток комфорта и тепла переносится значительно легче. Я, ещё два месяца назад не представлявший, как люди могут зимой жить в матерчатой палатке, теперь считаю это вполне нормальным, а те трудности таёжного быта, которые рисует воображение в городе, на самом деле преодолимы.

Имея жестяную печь, палатку, спальник, свечи и необходимые продукты, в тайге можно счастливо и безбедно жить не один месяц. А нужно так мало потому, что есть главное: древнее мужское занятие — промысловая охота — и природа, с которой тут невольно сливаешься и становишься её частицей.

Только живя в тайге, я понял, каким обилием излишеств окружила нас цивилизация. На самом деле по-настоящему необходимых для жизни человека предметов не так уж много. Но, к сожалению, человек слаб. То, что ещё вчера было пределом мечтаний, сегодня норма, а завтра и этого становится недостаточно. Часто в погоне за материальным благосостоянием всё остальное отходит на задний план.

ШАТУН

Ни свет ни заря начал обход Фартового, подарившего мне сразу четырёх соболей.

Поднимаясь по ключу, заметил под козырьком снежного надува хорошо натопанную тропку норки. Недолго думая поставил ловушку. На том участке, где я снял трёх соболей, свежих следов нет — отработанная зона. Зато на приманку попалась белка. То, что белка иногда идёт на мясо, я знал, но меня поразило, что эта милая симпатяга соблазнилась тушкой своей же соплеменницы.

Пообедать устроился на валежине на краю небольшой мари. По небу плыли редкие облака, ярко светило солнце. Недалеко от меня на суку старой берёзы неподвижно сидела сова. Расстегнув футляр фотоаппарата, стал тихонечко подкрадываться. Сова подпустила метров на двадцать и перелетела через марь на макушку ясени. Когда я вновь приблизился к ней, она спланировала на тот же сук, с которого я спугнул её до этого. Думаю, что общепринятое мнение о дневной слепоте «мудрой» птицы ошибочно. Возможно, днём она видит просто хуже, чем ночью.

Продлив Фартовый на четыре километра и насторожив там шесть капканов, спустился к ключу. Проходя на обратном пути мимо снежного надува, увидел норку, уже беснующуюся в ловушке. При моём появлении она устрашающе

ощерилась, зашипела, впилась злым взглядом прямо в глаза. Её мускулистое тело находилось в беспрестанном движении, отчего густая тёмно-коричневая шубка отливала серебром.

Когда я попытался прижать её к снегу, норка с такой яростью набросилась на меня, что почувдилось — нет в тайге зверя страшнее. Признаюсь, я даже растерялся перед её безумной храбростью и неистовой решимостью драться с несоизмеримо более сильным противником.

По дороге к палатке стрелял по вылетающим из-под снега стайкам рябцов. Две замешкавшиеся птицы морозятся теперь на лабазе. Могло быть и больше, если б не очки: как вскинешь ружьё, так стёкла тут же от влажного дыхания покрываются налётом изморози. Порой хочется разбить их о первый попавшийся ствол.

За ужином рассказал Луксе о беличьем каннибализме.

— Так бывает, когда зверь ум теряет, — подтвердил он. — Соболь соболя в капкане никогда не трогает. Но, помню, как-то один к изюбрю прикормился. Я сразу капкан поставил. Пришёл проверять — в дужках одна лапа. Вроде ушёл соболя, а по следам вижу: нет, не ушёл — другой съел. Снова капкан поставил. Другой опять съел. Я рассердился — не шутка, ёлка-моталка, два соболя потерял. Наставил много капканов. На другой день прихожу — никого нет. На второй — два рядом лежат. У одного лопатка выедена. И этого дурной начал есть, да не успел,

сам попался. Рядом гора мяса, а он своих ест, ёлка-моталка. Совсем дурной!

Громкое карканье известило о наступлении утра. Чёрные дармоеды слетелись на лабаз поживиться за наш счёт. Пират и Индус, обычно разгонявшие их заливистым лаем, прятались от трескучего мороза в пихтовых гнёздах, занесённых снегом. Но как только из трубы потянулась голубая струйка дыма, вороны разлетелись.

Мороз нынче потрудился на славу, обметав ветви толстой искристой бахромой, сверкающей в лучах восходящего солнца. Над нашей полынью зябко ворочался густой и непроницаемый, как вата, туман.

Я весь день бил новый кольцевой путик по крутым бокам сопок, обрамляющим Буге. Так и назвал этот путик — Крутой.

Его дальний конец достигал зубчатого гребня водораздела Буге — Джанго. Оттуда хорошо было видно, как во всю ширь горизонта беспокойными волнами дыбятся горы, подпирающие белыми вершинами густо-синий небосвод. Воздух настолько чист и прозрачен, что, кажется, протяни руку — и достанешь до одной из них.

Мимо проплывали облака, лёгкие и зыбкие, как парусники. Следом по земле неотступно, как шакалы за добычей, крались их серые тени. Вдали синели мощные отроги главного хребта. Они

властно притягивали взгляд, завораживали. Впоследствии, уже в городе, всякий раз, когда этот первобытный контур всплывал из глубин памяти, пробуждалась лавина воспоминаний и щемящее желание вновь оказаться в этих местах.

Ничто не пленяет меня так, как горы, — самое потрясающее произведение природы. Как только я оказываюсь в мире этих бесстрастных великанов, так меня охватывает необыкновенное волнение. Мысли очищаются, взлетают над обыденностью, и кажется, что вся твоя предыдущая жизнь осталась где-то далеко, нет никаких проблем и ты переходишь в иное измерение. Что ещё немного — и постигнешь смысл быстротечной жизни, всеобщий закон мироздания. Верно подметил Владимир Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал...»

Однако пронизывающий ветер поторапливал к спуску. Новый путик порадовал обилием тропок. Настоящее соболиное царство. Пожалуй, стоит снять бóльшую часть капканов на приманку и переставить их сюда на подрезку.

Вернувшись к становищу, хотел посоветоваться с Луксой на этот счёт, но он ошарашил меня сообщением, что в четырёх километрах от палатки появился шатун — зверь-смертник. Косолапый настолько худ, что, пройдя по лыжне метров сто, провалил снег всего два раза. На следах — пятна крови.

Решили с утра идти за ним по следу с собаками, иначе спокойной охоты не будет. Он может

разорить лабаз, залезть в палатку. Шатун ничего не боится. Встреча с ним грозит трагедией, поскольку терять ему нечего. Так и так финал у него один — смерть.

К охоте готовились обстоятельно. Перед сном Лукса вышел из палатки. Неожиданно раздался его громкий крик:

— Хо-хо!

Я настороженно прислушался: что происходит?

«Хо-о...» — глухо отозвались сопки.

— Лукса, что случилось? Зачем кричал? — обеспокоенно спросил я, когда он вернулся.

— Ничего не случилось, — невозмутимо ответил охотник. — Прогноз радио проверял. Слышал, эхо голос потеряло? Снег будет. Обязательно медведя возьмём, — заключил он уверенно.

Легли поздно. Я никак не мог заснуть. Беспокойно ворочался. Сон был тревожный. Преследовал кошмар про исполинских мышей, загонявших разъярённого тигра к нам в палатку. Несколько раз вставал. Топил печь. Под утро наконец забылся.

Было ещё темно, когда Лукса тронул меня за плечо. Жидкий рассвет едва наметился. За ночь действительно выпал хоть и небольшой, но пушистый снег.

Я натягивал меховые носки, когда совсем рядом, за тонким брезентом палатки, раздался душераздирающий собачий визг. Тут же слышался злобный лай. Необутые, едва успев

схватить ружья, мы выскочили наружу. Лукса первый, я за ним. Дальше всё произошло гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать.

Не успел я оглядеться, как громыхнул выстрел. Бросившись за палатку, увидел метрах в двадцати бурого медведя, отбивающегося от наседавшего с отчаянной смелостью Пирата. Собака ловко уворачивалась от когтистых лап. Рядом с медведем лежал окровавленный Индус.

Второй выстрел Луксы грянул одновременно с моим. По глухим шлепкам поняли, что пули достигли цели. Шатун взревел и, сделав несколько шагов, повалился на бок.

Пират подскочил к нему и злобно рванул шкуру на загривке, но, увидев, что зверь не реагирует, успокоился. Вялые уши косолапого говорили о том, что он мёртв, но Лукса на всякий случай выстрелил ещё раз.

— Не сердись, Пудзя, совсем состарился медведь. Пошёл отдыхать в верхнее царство, — произнёс традиционное удэгеец.

Тут меня запоздало затрясла мелкая дрожь. В горячке мы выбежали в одних носках и раздетые. Мороз быстро напомнил об этом и погнал в палатку.

Одевшись, вышли осматривать добычу. Это был здоровенный, но чрезвычайно костлявый самец, истощённый до такой степени, что кожа свисала складками. Тёмно-бурая шерсть местами слиплась от смолы. Голые, не приспособленные к морозу ступни потрескались и кровоточили.

По следам восстановили картину происшедшего. Шатун по лыжне вышел к палатке. Нележавшийся, пухлый снег скрадывал звуки его шагов. Осторожно прокравшись к ничего не подозревавшим собакам, медведь ударом лапы разрушил пихтовую конуру и, размозжив череп Индуса, бросился с ним в лес. Но уйти ему мешал ринувшийся вдогонку Пират.

— Молодчина! Не спасовал, — ласково потрепал Лукса собаку.

Он острым ножом «расстегнул» шубу медведя от подбородка до паха, и мы принялись свежевать тушу. Но вскоре бросили эту работу, так как мясо было сплошь поражено длинными узкими глистами. Так вот почему медведь не сумел нагулять жир.

— Чего такой куче мяса пропадать, давай используем на приманку, — предложил я.

— Соболь плохо на медвежье мясо идёт. Засыпай снегом, — не согласился бывалый промысловик.

Он вырезал у медведя только желчный пузырь. Удэгейцы используют его при кашле, расстройстве желудка. Пьют желчь свежей. Или, высушив в сухом тепле, растирают в порошок и употребляют по щепотке. Я же взял себе на память коготь длиной почти восемь сантиметров.

Успешное и быстрое избавление от шатуна омрачилось гибелью Индуса. После всех треволнений на охоту решили не ходить. Похоронив собаку, перекололи остатки кедровых и ясеневых чурок. Получилась огромная гора дров. Иные поленья были испещрены узкими каналами, впадающими в просторные «комнаты», в которых чёрными комками лежали муравьи. Трудно поверить, что весной в них проснётся жизнь и шустрые работяги снова заснут по лесу.

Я положил одно полено возле печки и весь вечер наблюдал, что произойдёт с муравьями. Увы, резкое тепло не вывело их из оцепенения.

После ужина обдирали соболей. Дело это для меня пока трудоёмкое и утомительное. Ещё отремонтировал несколько капканов. На одном не было язычка. Пришлось отковать его из раскалённого гвоздя на обухе топора.

Пока занимались всем этим, свечка успела прогореть. Я заметил, что в морозную погоду она горит медленнее и одной хватает на три дня. И это понятно: парафин на морозе плавится только в лунке у фитилька, и «сосулек» из расплавившегося, не успевшего сгореть парафина

не образуется. Поэтому свечку лучше устанавливать подальше от печки, на небольшой высоте, но и не слишком низко, чтобы не ухудшать освещённость.

За ужином Лукса принялся хвалиться, что в молодости он с Митченой за осень по семь-восемь медведей с собаками брал. Некоторые достигали веса десяти косуль. Нетрудно подсчитать, что это порядка трёхсот килограммов. Особенно много косолапых тогда водилось в верховьях Хора и Чуи. (Могу подтвердить: мы с Юрой во время перехода Самарга — Чуи прямо на водораздельном хребте видели медвежьи тропы с глубокими, выбитыми до самых каменных плит вмятинами.)

— Может, расскажешь про какой-нибудь интересный случай.

— Рассказать, бата, есть что...

Тут удэеец замолчал и, искоса поглядывая в мою сторону, принялся подкладывать в печь кедровые поленья. Он явно ждал, когда я полез в карман куртки за карандашом и блокнотом. Я заметил, что ему нравится, что я записываю его истории. Увидев блокнот на моём колене, удовлетворённо хмыкнул и, глядя в огненный зев печурки, начал вспоминать:

— Гнал как-то соболя. Долго он меня мотал. Наконец выдохся — под корни старого тополя залез. Я сгоряча палкой туда. Пока тыкал во все стороны, соболь вылез и по косогору ушёл. Ругнул себя — и за ним. Тут сзади кто-то как

рявкнет, и по ногам — трах! Я упал лицом в снег. Слышу, вокруг топчется, пыхтит, обнюхивает. Лежу, не шевелюсь: сообразил, что медведь. Толстозадый походил-походил и назад, под тополь. Берлога у него там была, ёлка-моталка, а я его разбудил.

При этом Лукса так потешно изобразил, как он дырявил Топтыгина, что я, сотрясаясь в беззвучном смехе, едва вымолвил:

— Ох и сочиняешь!

— Зачем сочиняю? Правду говорю. Всё так было, — обиделся охотник и, насупившись, принялся точить и без того острый нож.

— Не обижайся, Лукса, — примирительно сказал я. — Но уж больно история неправдоподобная.

— Ого! Не то ещё бывает. Сам иногда удивляюсь: думаешь одно, выходит другое. Зверь-то разный. Не всегда угадаешь, что у него в голове. Ты Джанси знаешь?

— Это тот, у которого указательный палец на правой руке не сгибается? Торчит, как дуло пистолета.

— Он, он! Его Пистолетом и зовут. С ним ещё хлеще случай был. Нашли они с Удзали берлогу бурого за Коломинкой. Джанси длинным шестом медведя будит. Тот выскочил — и на него. Удзали стрельнул, но промахнулся и удрал со страху. Я всегда говорил: Удзали — трусливый человек! Джанси карабин схватил и успел нажать крючок. Раненый медведь на него повалился. Джан-

си память потерял. Очнулся — медведь рядом лежит, стонет. Карабин в сугробе. Джанси потянулся за ним. Зверь заметил и лапой по башке огрел. Тот снова память потерял. Пришёл в себя и опять за карабином, а медведь не даёт — по башке всё бьёт. Но уже не так сильно — слабеет. Дотянулся Джанси до карабина и добил медведя. Вот так бывает, а ты говоришь, привираю. Однако шибко повезло Пистолету. С бурым шутки плохи. Лучше с гималайским дело иметь. Он спокойнее, и мясо вкуснее. Шатуном никогда не бывает. Всегда жир нагуляет. А бурый шибко злющий, когда разбудишь. Даже тигр ему не командир.

К сожалению, детям через сказки и книги даётся неправильное представление о многих животных: медведь — увалень неуклюжий, заяц — трус, а волк — кровожадный разбойник. На самом деле это не совсем так. Медведь ловок и силен необыкновенно, чему мы сегодня были свидетелями, а волк человека больше любого другого зверя боится. Даже лыжню другой раз обходит. Репутацию лютого и кровожадного зверя, крайне опасного для человека, прочно завоевал, даже в части специальной литературы, тигр. Но если обратиться к фактам, то оказывается, за последние десятилетия не было ни одного случая неспровоцированного нападения амурского тигра на человека. Что же касается кровожадности, то Лукса утверждает, что куты-

мафа, когда сыт, не трогает зверей, даже если они проходят на расстоянии прыжка.

Позади половина сезона. Я подошёл к этому рубежу с весьма скромными результатами, но успехи последних дней обнадеживают. Вчера на Фартовом снял ещё одного соболька. Настоящий «казак»: чёрный, седина серебром отликает. Он так глубоко забился в узкую щель под валежиной, что пришлось тесаком расширять её. А сегодня утром перед выходом на путик загадал: «Если сниму ещё одного, то и сезон завершу удачно». Снял же трёх! Правда, третьего мыши успели подпортить — на спине мех выстригли.

Мог бы записать на свой счёт и четвёртого, да подвёл вертлюг. Цепочка соскочила, и соболь ушёл вместе с капканом. Битый час пытался найти его, но безуспешно. Жаль зверька. Ведь капкан ему всё равно что пудовые кандалы для человека.

Видел следы кабана. Вдоль них пропитанные кровью комочки снега. Сейчас у них гон. В это время секачи очень агрессивны и безжалостны друг к другу. Видимо, этот как раз и пострадал в одном из турнирных боёв.

* * *

Резко похолодало. Выйдя утром из палатки, я чуть не задохнулся от мороза. Придавив тол-

стым поленом вход, пошёл осматривать путик. Мимо с быстротой молнии пронёсся какой-то зверь. От неожиданности я вздрогнул, а разглядев, улыбнулся: из-за кедра, жизнерадостно виляя хвостом, победоносно взирал Пират. Отвязался-таки шельмец! Что же делать? Собака на капканном промысле только вредит — следы и тропки затаптывает.

Попытался подзвать — не идёт. Знает, что опять привяжу. Пришлось возвращаться и топить печь. Минут через пятнадцать Пират наконец поверил, что я никуда не собираюсь, и подошёл к палатке. Я подманил его мясом и, крепко привязав, побежал навёрстывать упущенное время. Жалобный вой собаки ещё долго оглашал тайгу, действуя на нервы и распугивая зверей в округе.

В этот день ходил по Крутому, но Пудзя не пожелал делиться своими пушными богатствами. Зато подарил свежие тропки, а это надежда на успех в будущем. Выставил восемь капканов. Пока настораживаешь и маскируешь ловушку, коченеешь: мороз студит кровь, подбирается к сердцу. Невольно думаешь: «Пропади всё пропадом! Не вернуться ли лучше в палатку, к тёплой печурке?» Но встанешь на лыжи, разомнёшься, разогреешься и при виде заманчивой сбежки* опять принимаешься за работу.

Взобрался на гребень кряжа, покрытый кедром. Иные старцы такие громадные, что втроем ствол не объять. Неожиданно справа кто-то

закопошился. Я затаился: прямо из снега вылетали прелые листья, золотистые чешуйки, а вот и сама копуша-белка с кедровой шишкой в лапках показалась. Съела два орешка, подбежала к дереву, но, видимо, учуяла меня и замерла возле комля, распушив хвост. Я прицелился чуть выше головы. Выстрел оказался удачным. Положил добычу в рюкзак и пошёл дальше. Тотчас на другом кедре зацокала подруга. Вскоре и она легла рядом с первой.

Мне, можно сказать, подфартило: в этих местах белка малочисленна. Даже с хорошей собакой больше пяти-шести за день не добудешь.

Ближе к вечеру из небольшой ложбины донёсся истошный крик, похожий на верещание колонка. Во весь дух помчался туда, но ничего не обнаружил. Только филин бесшумно скользнул над головой. Будь потемней, я его и не заметил бы. Привидение, а не птица!

До стана оставалось более километра, а в морозном воздухе уже чувствовался запах дыма. Я не в первый раз замечаю, что стал чують его на значительных расстояниях. Вначале был склонен думать, что это самообман, подобный слуховым или зрительным галлюцинациям, но каждый раз, приходя в палатку, обнаруживал, что Лукса действительно топит печь. Видимо, при длительном пребывании в тайге, на чистом воздухе обоняние обостряется.

После ужина, как всегда, сели обдирать добычу. Я — соболей, Лукса — пойманных сегодня

норок. Одна из них уже побывала в капкане, но, поступившись лапкой, ушла. Насколько сильной должна быть тяга к свободе, чтобы пойти на такую жертву. С того дня прошло не более двух недель, култышка едва заросла, но зверёк уже успел потерять осторожность и повторно угодил в ловушку.

ОДО АКИ

Декабрь трудится изо всех сил. Третью неделю стоит небывалая стужа. Воздух лежит неподвижным тяжёлым пластом. Слабые лучи зимнего солнца не в силах согреть остекленевшую тайгу. Но, несмотря ни на что, к полудню всё-таки просыпаются, оживают её обитатели. Они хорошо приспособлены к жизни в студёную пору.

Особенно холодно сегодня. В лесу гремит настоящая канонада — это лопаются от мороза стволы деревьев.

Весь день ходил по целине. Бил ещё один путь к истокам Буге: надеялся найти более богатые уголья. Соболь там действительно есть, но всё же в среднем течении его куда больше.

Чем выше по Буге, тем чаще наледи. Наледь — явление, характерное для горных ключей. Зимой, во время сильных морозов, большинство из них промерзает до дна, и грунтовая вода дымящимися родничками просачивается на поверхность льда. Растекаясь вокруг, она

намерзает слой за слоем. Так со временем образуются обширные ледяные поля, заливающие порой всю долину на высоту до полутора метров. По краям образуются красивые ступенчатые ледопады. Иные наледи, не успевая растаять весной, белеют среди зелени чуть ли не до июля.

В верховьях уклон долины заметно круче. Сопки едва расступаются, пропуская ключ, сбегаящий по каменным ступенькам обледенелых водопадов.

Обходя сошедшие со склонов снежные лавины, я вынужден был петлять в теснине от одной скальной «щеки» к другой.

Вокруг ни одного кедра. Только сумрачные ели и пихты. Тайга здесь сохранила девственный облик, но животный мир беден. Снежный покров не оживляли ни наброды изюбрей, ни кабанов, ни косуль. Одна лишь кабарга чувствует себя полновластной хозяйкой. Даже ветер тут редкий гость. Поэтому и снег как лёг с осени на деревья, так и лежит — толстый, слоистый, словно кабанье сало. Этот путик я нарёк Глухим.

Если верить термометру, сегодня утром было минус сорок три градуса. Недаром про здешние места говорят: «Широта крымская, долгота колымская». В морозные дни больше всего ногам достаётся. Пока ставишь капкан, они застывают до бесчувственности, и потом идёшь будто на деревьяшках, пока кровь вновь не достигнет пальцев и не оживит их.

Иду себе, иду — и вдруг сверху вниз скользнула чья-то тень. В общем-то явление привычное: комки снега часто срываются с ветвей даже в безветренную погоду, но меня привлекла странная траектория — тень двигалась наискосок. Обернувшись, увидел планирующую летягу.

Зимой этого необычного зверька я видел впервые, но его помёт у комлей деревьев попадался часто. Это и понятно: летяга ведёт ночной образ жизни. Вспомнились летние походы с Юрой, когда, сидя у костра, наблюдали, как летяга, прижавшись к стволу дерева, замирает и подолгу неотрывно смотрит на пламя. Внешностью и повадками она похожа на белку, но отличается тем, что по бокам тела, между передними и задними лапками, имеются складки кожи, покрытые шёрсткой. На округлой головке этого тёмно-серого, с серебристой остью зверька выделяются крупные, выпуклые глаза.

Летяга не прыгает по деревьям, как её родственница, а, забравшись по стволу на вершину, бросается вниз. При этом кожаные складки расправляются наподобие крыльев. В полёте летяга может совершать крутые виражи, а снижаясь по прямой, пролетать до ста метров.

Из литературы мне было известно, что и собо́ль ведёт ночной образ жизни. Но как тогда объяснить сегодняшнее? Утром в нижнем течении ключа свежих следов не было, а к вечеру, когда я возвращался, появились зигзагообразные строчки мышковавшего соболя. В том, что он

ходил после меня, не было сомнений: отпечатки были даже на лыжне. Видимо, звери более пластичны. Их активность зависит от погоды, наличия пищи и, возможно, ещё каких-то причин. Лукса, например, считает, что светлые соболя охотятся днём, а тёмные — ночью. В этом суждении тоже есть резон. Солнечные лучи действительно разрушают тёмный пигмент.

К утру выпала «печатная» пороша. Одна из тех, когда оттиски следов, оставляемые на мелкой пылице, так чётки, что, кажется, приглядишься — и увидишь тень прошедшего животного.

Моя меховая копилка пополнилась половинкой самца шоколадного цвета — вторая, как нетрудно догадаться, досталась мышам. Одна беда от этих пакостниц! Но что делать, приходится мириться, без них тайга сильно оскудеет, ведь они основная пища большинства её обитателей.

Впереди меня ожидал приятный и волнующий сюрприз. Было сравнительно тепло, и снег почти не скрипел. Моё внимание привлекло чёрное возвышение, резко выделявшееся на белом фоне. Кабан?.. Вертявый хвостик развеял сомнения. Точно — кабан! Поодаль, посреди низкой террасы, виднелось ещё несколько тёмных спин. Табун пасся на хвое.

Горка зашевелилась, показалась длиннорылая морда с высоко торчащими ушами. Втянув воздух, кабан замер; вскоре голова опять исчезла. До моего слуха донеслось невнятное чавканье.

Тихонько снял ружьё, тщательно прицелился и, когда кабан вновь поднял голову, выстрелил. Табун переполошился и в неопикуемой панике, оглашая тайгу пронзительным визгом, рассыпался в разные стороны. А раненый зверь, волчком завертевшись на месте, поднял такой столб снежной пыли, что на некоторое время скрылся из виду.

Осторожно подойдя ближе, я выпустил ещё две пули. Жизнь не хотела покидать сильное тело. Клацающая клыками, секач попытался приподняться, но упал и затих, когда я выстрелил в упор.

Поняв, что кабан убит, я издал дикий вопль и запрыгал от радости. Немного успокоившись, стал осматривать добычу. Это был довольно крупный, матерый секач. Грозно поблёскивали две пары желтоватых клыков. Нижние трёхгранники, изогнутые, как турецкие сабли, торчали из челюсти на все двадцать сантиметров. Более короткие, верхние, загибались настолько круто, что, соприкасаясь с нижними, заточились до остроты ножа. Большое клинообразное тело покрывала жёсткая чёрно-бурая щетина, с густой подпушью, особенно длинная на загривке.

Пока кабан не остыл, начал свежевать. Поскольку к началу гона у самцов под кожей на загривке образуется хрящ, или, как говорят охотники, «броня», дело это оказалось непростым. Отмучившись, с трудом засунул в рюкзак голову секача и увесистый шмат ляжки. Всё

остальное засыпал снегом. Охотничья удача сняла усталость — шлось легко.

Лукса, узнав, что я принёс свеженины, закричал от удовольствия. По-быстрому нажарили мясо и, поставив вариться бульон, сели пировать. Сквозь поджаристую корочку, подогревая и без того волчий аппетит, соблазнительно сочились янтарные капли жира. Сковородка быстро пустела. Последний кусок Лукса бросил собаке:

— Держи, Пиратка. Может, твоего обидчика едим. — И, обращаясь ко мне, пояснил: — Прошлый год один секач ему брюхо распорол. Думал, пропал пёс, ёлка-моталка. Хотел пристрелить. Ружьё поднял, а он смотрит так преданно... Верит, что не обижу. В котомке в зимовье принёс. Снял с лабаза полосу сухожилий. Надедал ниток. Пасть стянул верёвкой, чтоб не кусался, и заштопал брюхо. Ничего, заросло!

— Лукса, я вот всё думаю, сухожилия ведь толстые, как из них тонкие нитки получаются?

— Что непонятного? Высохшие жилы видел? Если их помять, они на тонкие стрелки делятся. Бери их и скручивай нитку. Самые крепкие нитки с ног получаются. С хребта тоже неплохие, но слабже.

Было уже около десяти вечера, когда мы услышали приближающийся ритмичный скрип шагов. Возле палатки они замерли.

— Кто там? — спросил я.

— Своя, своя люди, — негромко и спокойно ответил голос.

Было слышно, как подошедший отряхивается от снега.

— Нибида́ эмэктэ?¹ — повторил на удэгейском вопрос Лукса.

Вместо ответа полог палатки распахнулся, и в чёрном проёме показался охотник. Я сразу узнал его, хотя шапка-накидка, редкие усы и борода были покрыты густым инеем, белизна которого резко контрастировала со смуглой кожей и карими глазами. Это был о́до Аки́ — дедушка Аки. Его губы, склеенные морозом, разошлись в приветливой улыбке.

— Багдыфи!² Би³ мал-мало гуляй. Отдыхай ноги надо, — на смешанном языке тихо проговорил он.

— Багдыфи, багдыфи! — ответил Лукса.

Я, освобождая место гостю, пересел к выходу и подбросил дров в печку. Аки пробрался на освободившееся место и, украдкой поглядывая на меня, стал выдёргивать из бородёнки ледышки.

— Ноги туда-сюда мало ходи, — посетовал он.

Я про себя подумал: «Вот это „мало ходи“! В семьдесят восемь лет прошёл двадцать пять километров от своей зимушки до нас по труднопроходимым торосам Хора!»

¹ Кто пришёл? (Удэг.)

² Здравствуйте! (Удэг.)

³ Я (удэг.).

Переведя дух, Аки разделся. Улы и верхнюю одежду закинул на перекладину сушиться. Лукса налил ему наваристого бульона, достал из кастрюли мяса и подал кружку с разведённым спиртом.

Узенькие глазки деда сразу оживились.

— Айя! Асасá!¹ Однако не зря ходи к вам.

Приняв «разговорные капли», он совсем повеселел. Простодушный, доверчивый, никогда не унывающий старик с по-детски ясной и чистой, как ключевая вода, душой был одним из тех аборигенов Уссурийского края, которых описывали ещё первооткрыватели этих мест. В его суждениях, как в зеркале, отражалась история и мировоззрение маленького лесного народа. (Лукса был на двадцать два года моложе, и его поколение уже во многом утратило самобытность удэгейского племени.)

Познакомился я с одо Аки в Гвасюгах ещё до начала охотничьего сезона, когда пополнял свою этнографическую коллекцию. К тому времени у меня уже были интересные приобретения: копья разных размеров, деревянный лук, стрелы с коваными наконечниками, женские стеклянные и медные украшения; охотничья шапка-накидка и ножны, расшитые разноцветными узорами. Прежде удэгейцы на своей одежде всегда вышивали орнаменты с тонким, изящным рисунком. Глядя на них, не перестаёшь восхищаться мастерством и высоким художественным вкусом выши-

¹ Хорошо! Спасибо! (Удэг.)

вальщиц. Колоритнейшие вещи! К сожалению, в Гвасюгах оставалось всего несколько старушек, владеющих этим искусством, но и те из-за слабого зрения вышиванием почти не занимаются. Находок было немало, но я лелеял надежду обогатить коллекцию настоящим шаманским бубном. Такой бубен в стойбище был только у Аки.

Идти к местному старейшине одному было неловко, и я уговорил Луксу поддержать меня. Постучались. Дверь открыла дочь. Одо Аки сидел на низкой скамейке и укладывал сухую мягкую траву хайкту́ в улы. Маленький, с невесомым телом старичок смотрел прямо и открыто. На мою просьбу ответил категорическим отказом и даже убрал с полки сэвохи — деревянные изображения удэгейских духов. И только после долгих переговоров с Луксой согласился лишь показать бубен.

Достав берестяной чехол из-за шкафа, Аки осторожно вынул из него родовую реликвию. Любовно погладил тугую, с заплатами шкуру и несколько раз с расстановкой ударил по ней подушечками пальцев, жадно вслушиваясь в вибрирующие звуки. Мы притихли.

Держа бубен на весу с помощью двух скрецающихся ремешков, сплетённых из сухожилий, старик погрел его над плитой. Взял в руку геу — кривую колотушку, обтянутую шкурой с хвоста выдры, и, прикрыв глаза, начал священнодействовать — камланить*. От низких, мощных звуков мной овладело смятение и странная

готовность повиноваться. Идти туда, куда позовёт этот потусторонний гул. Казалось, будто слышу зов предков, давным-давно ушедших в иные миры.

Поблагодарив старика, мы попрощались. На улице Лукса рассказал, что в Гвасюгах не раз бывали всевозможные экспедиции, но этот бубен Аки никому так и не отдал и продолжает потихоньку камлать.

Забегая вперёд, скажу, что весной в дом Луксы, у которого я жил после выхода из тайги, пришла дочь одо Аки и сказала, что отец зовёт меня.

Когда я вошёл, он сидел с бубном в руках:

— Камиль, я старый, сына нет. Бубну нужен молодой хозяин, которого любит Пудзя. Я знаю и Лукса говорил — Пудзя тебя любит. Возьми.

Так последний бубен последнего удэгейского потомственного шамана оказался у меня. Через две недели одо Аки перекочевал к «верхний люди»: вышел колоть дрова, взмахнул топором и упал — сердце остановилось. Может быть, и бубен отдал, предчувствуя скорую «перекочёвку».

Теперь он висит у меня в комнате под черепом медведя. Иногда я снимаю реликвию и, слушая глухие призывные звуки, вспоминаю Буге, Луксу, одо Аки...

Но всё это произойдёт весной, а сейчас мы сидим в тесной палатке вокруг печки.

Я заварил свежий чай и разлил в кружки. Подал сахар. Аки от него наотрез отказался.

— Чай вкус теряй, — заявил он.

Пили долго, не торопясь. Я расспрашивал гостя о его жизни. Великолепная память старика хранила много любопытного.

Он в мельчайших подробностях описывал события полувековой давности, помнил названия речушек и перевалов, по которым ходил ещё в начале века.

Когда разговор коснулся тигров, пожаловался:

— Куты-мафа моя собака война объявил. Прошлый охота два ел. Теперь последний чуть не давил. Моя увидел — ушёл. Страх любит собаку. Собака ест — пьяный ходи.

— Аки, тигр собак давит, домашний скот давит, а людей не трогает. Почему?

— Моя так думай: люди закон прими, не убивай куты-мафа. Куты-мафа умный — тоже свой закон прими: люди не убивай.

От такой наивности я улыбнулся. Аки пристально посмотрел на меня.

— Пошто смеёшься? Твоя не знай, как куты-мафа давно люди убивай. Много убивай. Теперь не трогай. Почему? Ты своя башка думай!.. Куты-мафа шибко умный, всё понимай...

Действительно, почему тигр изменил свои повадки? Ведь в прошлом веке амурский тигр (между прочим, самый крупный среди своих собратьев) нередко был «волен» по отношению к человеку и, хотя избегал его, не считал неприкосновенным. Иные хищники буквально терро-

ризировали обширные районы, поражая дерзостью и хитростью. Спасаясь от них, переселенцы из Украины и центральных районов России бросали свои хозяйства, уезжали подальше от владений людоеда. Отчаянная смелость некоторых зверей доходила до того, что они врывались ночью в избы и нападали на спящих.

В результате активной охоты на тигров их осталось на всей огромной территории Дальнего Востока не более трёх десятков. Тогда, в конце сороковых годов двадцатого века, и был принят закон о полном запрете охоты на владык уссурийской тайги. С тех пор могучий хищник как будто переродился. Исчезли людоеды, реже стал страдать и домашний скот.

В чём причина изменения отношения тигра к человеку? Можно предположить, что те немногие, оставшиеся в живых, потому и уцелели, что именно они из сотен своих сородичей чётко усвоили: человек опасен и, если хочешь жить, избегай встреч с ним. Эта черта поведения постепенно закреплялась и на генетическом уровне передавалась потомству, став теперь отличительной особенностью всего амурского подвида. Похоже, рассуждения старого удэгейца не так уж и наивны.

После чая старик вкрадчиво спросил:

— Ай бё?¹

Это выражение мне было знакомо и перевода не требовало.

¹ Водка есть? (Удэг.)

— Анчи́, анчи. Элэ!¹ — твёрдо ответил я, зная, что если не остановить, то старики будут бражничать до утра, а днём стонать от головной боли.

Покурив, охотники опять принялись за мясо. Аки ел, облизываясь, сочно причмокивая, облизывая пальцы. Ест, а сам бурчит:

— Не мог чушка убивай. Секач деревом пахни.

Мне не хотелось спорить. Я радовался замечательному трофею, тем более что клыки у него были как настоящие бивни!

Но бывалых охотников терзали совсем иные чувства. Лукса, уже изучивший мой характер, начал издавека:

— Слыхал, на севере якуты огненный гриб жуют. Они его с собой носят в кожаном мешочке.

— Какой такой гриб? — изумился Аки.

— Мухомор сушёный. Не всякий. Серый, кажется, годится. Захотел веселиться — пожевал. Говорят, лучше водки: голова утром не болит.

— О, шибко хорош гриб!

— Вот ты, Аки, — продолжал Лукса, — кабана ругаешь, а зря. Хороший кабан. Таких больших клыков я ещё не видел. Ты, Аки, наверно, тоже не видел?

— Чего так говори? — запальчиво возразил старик.

¹ Нет, нет. Хватит! (Удэг.)

Но Лукса перебил его:

— Очень большой кабан. Давай, Камиль, выпьем за самого большого хорского кабана, — и с чувством поднял пустую кружку.

Аки, так и не поняв хитрость сотоварища, насупился:

— Чего большой? Много больше гляди.

— Ох и хитрый шеф у меня! — засмеялся я.

— Хитрецы в стойбище спят, а дураки в лесу сидят, — довольно хмыкнул Лукса.

Аки, оценив наконец ситуацию, преобразился: нетерпеливо заёрзал и стал искать глазами свою кружку.

— Твоя молодец, Камиль! Асаса! — примиряюще сказал он, выпив свою долю. — Беда как хорошо. Дай, однако, табачку, моя кончался.

Воспользовавшись переменой настроения старого промысловика, я, протягивая ему коробку «Золотого руна», спросил:

— Одо, вот вы все ищете женьшень. А чем он так ценен?

Подобревший старик не замедлил с ответом:

— О-о-о!! Женьшень — корень учёный. Долго живи — много знай. Своя сила хороший люди дари. Плохой люди не дари.

Раскуривая трубку, Аки ненадолго примолк.

— Одна ночь, — продолжал он, — цветок гори яркий огонь. Эта ночь корень копай — любой болезнь лечи. Кто умер — живой делай. Однако эта ночь корень трудно копай. Дракон корень береги. Только смелый дракон победи.

— А вы верите в загробный мир?

— Чего такой? — заморгал старик.

Лукса, жестикулируя больше обычного, стал объяснять ему по-удэгейски.

Вскоре одо понимающе закивал:

— Я так знай: умри — на небо ходи. Там все живи. Река, тайга, звери, верхний люди. Только обратно живи. Старика молодой делай. Моя тоже скоро туда ходи. Котомка готовил.

— А как вы попадёте туда?

— Вход найду — лыжня знай.

— Какую лыжню? — не понял я.

— На небе лыжню замечал? Это лыжня к верхним людям. Там, где она в горы упирается, есть вход, — объяснил Лукса.

— Я читал, что у вас умерших на деревья кладут.

— Зачем деревья? Земля ложи. Деревья только детка ложи. Земля детка ложи — мамка больше детка нет. Мамка роди, маленький юрта ходи, — продолжал разговарившийся Аки, — одна промышляй. Шибко трудно роди. Моя одна мамка умри, детка умри.

— Так у вас что, две жены было?

Аки внимательно посмотрел на меня сбоку:

— Мужика всегда два мамка бери. Самый худой мужика одна бери... Зачем так говори? Одна!

Поняв, что обидел старика, я сменил тему разговора:

— Аки, а вы к какому роду принадлежите?

— Киманко́ я. Лукса — Кялундзюга́. На Хоре два рода. Больше нет. Раньше люди много живи. После худой болезнь умри. Кто один тайга живи — живой ходи.

— И зверя, наверно, прежде больше было?

— О! Беда как много было! — возбуждённо закивал старый охотник. — Кабан, олень, кутымафа, медведь шибко много было. Только соболь мало. Ружьё не купи — дорогой, собака! Сангми¹ делай. На большой зверь — большой сангми — «пау» делай. Зверя много, ружья нет — кушай мало.

— А сколько вы в те времена соболей добывали?

— Говорю — мало соболь. Два-три лови. Больше не лови. Соболь перевал живи. Шибко трудный охота. Один год пять лови. Второй мамка бери. Думал, новый котёл, топор купи. Хуза всё брал. Что делай без ружья?!

Проговорив так допоздна, легли спать. А я ещё долго ворочался, переживая заново события памятного дня.

¹ Самострел (удэг.).

Часть вторая

Узнав тайгу, нельзя забыть её.

Юра Сотников

ХУДАЯ ВЕСТЬ

Старики ушли в стойбище встречать Новый год¹. Пират увязался за ними — проведать гвасюгинских дружков. Мне же не до праздников. План горит. Но соболя почему-то перестали тропить. За два дня нашёл всего четыре новые тропки.

Предновогодний день посвятил Крутому. Там, на хороших сбежках, стояли две ловушки. По ним соболя прошли, но в одной пружина от мороза лопнула, а другая, хотя соболь и наступил на тарелочку, не сработала. Тут я сам сплеховал — положил под капкан влажные палочки. На морозе дужки к ним примёрзли и не сомкнулись.

¹ На Новый год промысловики возвращаются в Гвасюги, чтобы сдать добытую пушнину, закупить продуктов, а главное, гульнуть. (Примеч. авт.)

Вечером превратил палатку в баню: загрузил в топку смолистые поленья, поставил на печурку полную кастрюлю воды. Когда она нагрелась, помылся прямо у выхода. После такой, казалось бы, игрушечной помывки почувствовал себя заново рождённым. Кто бы мог подумать, что несколько литров горячей воды могут так освежить.

Примерно через два часа Новый год. Почему примерно? Да потому что время определяю по будильнику, который не проверялся более двух недель: транзисторный приёмник не работает — батарейки сели. Ну и ладно. Новый год на носу! Пора накрывать праздничную чурку...

Первое января. Где-то на западе нашей необъятной страны ещё только садятся за столы нарядные женщины и мужчины, а за тысячи километров от них в недрах глухой тайги просыпается одинокий охотник. Он продирает глаза, пялит бессмысленный взор на снующих кругом мышей, стряхивает иней, затапливает печь и снова ныряет в спальник, чтобы встать, когда прогреется палатка.

Как я встретил Новый год?

Нажарил полную сковородку рябцов, приготовил строганины. Ровно в двенадцать часов (опять же по моему будильнику) поздравил себя и всех, кто ждёт меня дома, с новым, 1975 годом. Выпив спирту, стал вслух беседовать сам с собой. Жизнь в одиночестве уже начала выра-

батывать привычку смотреть на себя со стороны. И мне представился весьма странным косматый оборванец, сидящий, скрестив по-мусульмански ноги, на засаленном спальнике среди висящих на правилках ободранных шкурок и с блаженной улыбкой чокающийся с печной трубой, невнятно что-то бормочущий про удачу, Пудзю... А вокруг, по всему Хору, ни души. Со стороны, ей-богу, сумасшедший!

После третьего тоста на глаза попались ножницы, и я недолго думая обкромсал надоевшие из-за каждодневных «наледей» усы. Бороду пожалел — не тронул.

Разморённый жаркой печкой и «огненной водой», я приподнял полог, чтобы проветрить палатку. Прилёг на спальник и незаметно уснул. Очнулся от пробравшего до костей холода. Дрова прогорели. В серой золе лишь красные глазки дотлевавших углей. И таким неприветливым, мрачным показался мне народившийся год. С трудом настрогал смолистой щепы и растопил печурку заново. Согревшись, залез в спальник досыпать. Когда окончательно проснулся, выпил несколько кружек крепкого чая и отправился на обход Фартового.

Дед Мороз не забыл-таки заброшенного в сихотэ-алинскую глушь промысловика и преподнёс ему новогодний подарок. На Фартовом стояло всего-то два капкана на подрезку. У первого, распластавшись во всю длину, лежал

чёрный красавец. У второго снег тоже истоптан. Пружина из-под валежины выглядывает. Ну, думаю, Дед даёт, совсем расщедрился: на два капкана — два соболя! Потянул за цепочку, а он пустой. Ушёл!!!

Капельки крови пунктиром обозначали след беглеца. Метров через сто он скрылся под полуистлевшим стволом кедра. Там соболь отлежался и сегодня уже выходил мышковать. Довольно крупный самец. Троп у него в этом районе много, и расположены они достаточно кучно.

Только собрался попить чай на солнцепёке, как услышал треск сучьев, стук клыков, грубый визг. Кабаны! Причуяв меня, драчуны коротко хрюкнули и бросились врассыпную.

* * *

Дни у промысловика похожи друг на друга, как близнецы. Встаёшь, растапливаешь печь, завтракаешь, идёшь на путик, проверяешь ловушки, ставишь новые, возвращаешься, опять затапливаешь печь, колешь дрова, ужинаешь, снимаешь шкурки (если вернулся с добычей), ремонтируешь одежду, заполняешь дневник и ложишься спать. На завтра всё то же самое.

Сегодня обошёл Крутой. Пока пусто, хотя в душе уж на одного-то рассчитывал. Следов опять маловато. Что-то никак не уловлю в поведении соболей хоть какую-нибудь закономер-

ность. Одну и ту же сопку то истопчут вдоль и поперёк, то за целую неделю ни разу не освежат ни единым следом; то бегают как угорелые и в мороз, и в снег, то сутками в тёплых норах отлёживаются.

В лагерь вернулся засветло. Луксин петушок сидел на берёзе и склёвывал почки. Увидев меня, не улетел. Привык уже и ко мне. Я поколол дров, промазал улы кабаньим жиром. Перед сном вышел из палатки. Над головой бесстрастно мерцали россыпи мелкого жемчуга. Созвездия не приходилось искать: они сами бросались в глаза. Небо в этот вечер выглядело громадным куполом, вершина которого высоко-высоко, а стенки сразу за деревьями. Вокруг насквозь промёрзшая тайга, на бескрайних пространствах которой лишь кое-где разбросаны комочки жизни: звери и птицы. Чувство потерянности и заброшенности охватило меня. В лицо вонзались обжигающие морозные иголки.

Чтобы избавиться от нахлынувшей тоски и оповестить мир о том, что я жив и силен, достал ружьё и шарахнул в звёзды. Выстрел громом пронёсся по тайге и долине реки, отдаваясь многократным эхом. В ответ донёсся волчий вой, полный презрения ко всему окружающему. Выл серый не «у-у-у», как пишут в книгах, а «ыууу-ыу», хотя вряд ли можно передать все тончайшие оттенки волчьей песни.

Жутковато становится в такие минуты. Правда, чаще сам на себя страх нагоняешь. Как только

начнёшь прислушиваться к каждому звуку — услышишь и скрип шагов, и хруст ветки, и хриплое дыхание зверя. Но стоит отвлечься, заняться делом — как все эти пугающие звуки исчезают. Я думаю, что и в темноте человек испытывает страх из-за недостатка информации, — не видит, что происходит вокруг, вот и мерещится всякое.

Без радио вечерами в палатке тишина космическая. Только печка поухивает, да изредка то дерево в лесу, то лёд на реке стрельнёт.

Самая неприятная процедура ожидает меня по утрам, и никуда от неё не деться. В палатке в это время настоящий морозильник. Если под открытым небом, например, минус 36°, то в ней минус 34°C. Спальник от дыхания за ночь покрывается ломкой ледяной корочкой. Утром разогнёшь хрустящие края брезентового чехла, высунешься по пояс и, скрючившись над печуркой, как можно быстрее набиваешь её чрево дровами. Подожжёшь смоляк и немедленно ныряешь с головой обратно в спальник. Лежишь в нём до тех пор, пока живительное тепло не наполнит палатку. Случается, дрова с первой попытки не разгораются, и тогда истязание повторяется. Чтобы уменьшить продолжительность морозотерапии, смоляк и мелкие щепки готовлю с вечера.

Прежде растопкой занимался Лукса, и только когда он ушёл в стойбище, я оценил его природную тактичность. Он ни разу не упрекнул меня за то, что встаю последним, когда в палатке уже тепло.

Возвращаюсь по-прежнему без добычи. Что-то стали обходить соболя мои капканы. Не пойму, в чём дело. Может, неумело маскирую? Или зверьки запах рук чуют? Много бы я отдал, чтобы понять причину.

Верховья Буге совсем оскудели, даже следы кабарожки исчезли. Она теперь согревает удалого соболя: он таки сумел загрызть столь крупную для себя добычу.

По следам восстановил, как это произошло. Соболя, вжимаясь в снег, подкрался к пасущейся в ельнике кабарге и попытался в три прыжка настичь её. Шустрый оленёнок успел отпрыгнуть в сторону и помчался вниз по ущелью. Отважный хищник бросился вдогонку. Так они бежали, петляя по лесу, метров четыреста. На выходе из ущелья их следы скрестились в последний раз. Дальше на снегу был виден лишь след кабарги. Утопая в глубоком снегу, она отчаянно металась со страшным всадником на спине. Пытаясь сбросить его, прыгала из стороны в сторону, падала на спину — но освободиться всё никак не удавалось. Цепкий наездник, опьянённый кровью, тем временем всё глубже и глубже вгрызался в шею. Прыжки кабарожки стали короче. Изнемогая, она перешла на нетвёрдый шаг. На снегу появилась кровь, кое-где валялись ключья шерсти. Дважды она падала, но поднималась. Наконец завалилась на бок... Долина в этом месте

узкая, и шоколадное, со светлыми пятнами тело кабарочки было видно издалека.

Зимой тайга не может скрыть свои тайны. Росписи на снегу выдают их в мельчайших подробностях.

Соболь уже дважды приходил кормиться. Съел часть ляжки, язык. По отпечаткам лап — матёрый. Пожалуй, самый крупный среди тех, что обитают на Буге.

Я осторожно вырезал на брюхе кабарги мешочек с мускусной железой — «струю» размером с куриное яйцо. Охотники считают настойку из выделений этой железы тонизирующим средством.

Уходя, замаскировал на подходах две ловушки. Соболь обязательно придёт к своему трофею ещё не один раз.

* * *

Привычную для меня в последнее время вечернюю тишину нарушило мерное поскрипывание лыж. Неужто Лукса?! Как был раздетый, выскочил наружу. Тёмный силуэт с небольшими, почти детскими, нартами выплыл из-за деревьев. Это был одо Аки. Возвращаясь на свой участок, он завернул ко мне переночевать. Радость от встречи с одо была омрачена худой вестью: Луксу положили в больницу с обострившейся язвой желудка. Обидно. Неужели до конца сезона проболит?

Перекусив, старик достал из берестяного коробка листок бумаги. Макнул его несколько раз в кружку и, помешав чай ложкой, маленькими глотками выпил приготовленный напиток. Я с любопытством наблюдал за этими странными манипуляциями.

Перехватив мой взгляд, старик похвалился:

— Шибко хорош медикамент доктор давал, однако пора новый пиши. Много букв пропади.

— Какой медикамент? — ошарашенно пробормотал я.

Старик осторожно протянул мокрый листок:

— Вот.

Это был обычный рецептурный бланк, на котором едва проступали размытые буквы и синеватая печать.

— Для чего вам этот медикамент? — пряча улыбку, поинтересовался я.

— Сон дари. Медикамент пей — сон иди. Доктор хорошо лечи.

Я деликатно промолчал. Прихлёбывая чай, Аки рассказывал деревенские новости.

Тихая речь старика, потрескивание дров ласкали слух, убаюкивали, настраивали на лирический лад. Я, как всегда, размышлял и унёсся мыслями к тому дню, когда с пухлыми связками шкурок появлюсь в конторе и завалю ими стол охотоведа...

«Ыууу-ыу, ыууу-ыу!..» — донеслось из-за Хора.

Жуткий волчий вой-стон медленно нарастал и неожиданно угас на длинной плачущей ноте. Дикая тоска по крови слышалась в нём.

— Мясо проси, — прокомментировал одо Аки, невозмутимо допивая свой «медикамент».

Вдруг он встрепенулся, словно вспомнил что-то важное, и даже шлёпнул себя по беленькой головке.

— Совсем худой башка стал. Лукса говори: скоро не приди, ты его капкан сними. Однако шибко не сними. Лукса живот обмани — тайга ходи. Я его знай.

— Хорошо, если через две недели не придёт, часть капканов сниму.

Тут я не утерпел и задал вопрос, давно вертевшийся на языке:

— Аки, если не секрет, сколько вы нынче соболей взяли?

Старик нахмурился:

— Пошто соболь пугай? Моя говори — соболь новый место ходи, — и быстро перевёл разговор в другое русло: — Пошто твоя стрелка? — спросил он, указывая на висящий над чуркой компас.

— Чтобы не заблудиться, когда солнце скрыто тучами.

— Знай, знай. Пошто стрелка ходи? Пошто сам дорога не смотри? — уточнил старик.

Ему было непонятно, как в тайге можно заблудиться.

Пока разговаривали, я разулся и повесил сушить улы на перекладину. Глянув на подошву,

ахнул: она в нескольких местах треснула поперёк. И поделом мне. Сушу прямо над печкой. Сколько раз Лукса говорил, что кожа от жара становится ломкой. И почему человек никогда не слушает других? Обязательно надо на своей шкуре убедиться.

Охотника, как и волка, ноги кормят. Они предмет особой заботы, особенно зимой. А улы — самая подходящая для промысловика обувь: лёгкая, тёплая и удобная. Шьют их из шкур, снятых с шеи или спины лося, изюбря. Годится и со спины кабана. Лучше всего шкуры, добытые зимой, так как кожа в это время года плотнее и толще.

Выделка кожи для ул — процесс несложный, но длительный. Обувь из правильно выделанной кожи получается мягкой и прочной. Внутри улы выкладывают травой хайкта, специально для этого заготавливаемой. Она хорошо сохраняет тепло и в то же время служит своеобразными портянками, предохраняющими ноги от мозолей. Помимо этого, в сильный мороз на ноги ещё надевают меховые чулки.

* * *

Что-то стал быстро уставать в последние дни. Всё делаю через силу. Видимо, выдохся или, как говорят спортсмены, произошло «накопление остаточной усталости». Постараюсь завтра уменьшить нагрузку, хотя это и непросто.

Когда за очередной волной сопки открываются новые голубеющие дали, чем дальше обращаешь взор, тем заманчивей и богаче представляется тамошняя тайга. Так и влечёт туда, а что именно — трудно понять. Неизвестность? Пожалуй. Она во все времена манила и манит людей за горизонт.

Несмотря на усталость, аппетит прорезался такой, что хоть из палатки не выходи. Уже через пару часов начинает со страшной силой сосать под ложечкой. И это понятно. Ведь раньше ходил в основном по накатанной лыжне, а теперь, в поисках мест, богатых соболем, всё больше по целине.

Прошло ровно двадцать дней, как Аки ушёл на свой участок, но за это время ни одна западня не порадовала меня вытоптанной «ареной». Что делать? Время летит. Неужели охотовед окажется прав и я не вытяну план?

Сегодня на соседнем ключе Ул'антиково нашёл наконец прекрасные тропки. Выставив по склонам восемь ловушек, повеселел. Надежда оживила охотничье сердце.

Однако злой рок продолжает преследовать меня. Только я спустился к ключу, как монотонное серое небо словно разверзлось: густо повалили белые хлопья. Все мои ловушки на подрезку засыплет, а на приманку соболь по-прежнему не идёт.

...Прошло два пустых дня. Сегодня вечером, словно услышав мои молитвы, унылый облачный покров наконец распался на рваные куски, оголив синеву небесной сферы. Красный холодный шар озарил края серых туч, отчего те потемнели изнутри ещё сильнее. Вскоре солнце скрылось за сопкой, но тучи ещё долго продолжали полыхать прощальным огнём. Стало грустно. Закат для меня — это всегда печаль, ощущение некой потери.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Мороз нынче как по заказу. Заставляет резво ходить и в то же время не настолько силён, чтобы замёрзнуть при установке ловушек.

Поднимаясь по ключу, я заметил на пологом склоне сопки с десятков ворон, вьющихся над разлапистыми кедрами.

«Неспроста летающие волки собрались», — подумал я и направил лыжи в их сторону.

Шагов через двести появились сначала следы спокойно кормившихся, а затем в панике разбежавшихся кабанов. Пытаюсь по следам восстановить, что здесь произошло, как вдруг с вершины утёса, у подножия которого я стоял, донёсся грозный, леденящий сердце рык. Поднял голову и обомлел — тигр! Из оскаленной пасти торчали, словно финки, острые клыки. Нижняя губа нервно вздрагивала. Кончик хвоста подёргивался.

Страх пронзил моё сердце, ноги противно за-
ныли и как будто отнялись, по всему телу вол-
нами забегали колючие мурашки. Подобную
встречу я давно ожидал и даже, признаюсь, по-
мальчишески мечтал о ней, рассчитывая сфото-
графировать тигра. Поэтому психологически был
готов и в явную панику не впал, хотя от напря-
жения вибрировал каждый мускул. О своём же-
лании сфотографировать даже не вспомнил.

Стал медленно пятиться. Всё время, пока
тигр был в поле зрения, он так и стоял в цар-
ственной позе, не сводя с меня глаз. Его тугой
хвост напряжённо замер в воздухе. Как только
тигр скрылся из вида, я развернулся и, то и
дело оглядываясь, заскользил в долину. Разо-
чарованные вороны криками осуждали моё
бегство.

Весь день не покидало чувство, что могучая
кошка продолжает следить за мной. Перед глаза-
ми стояла огромная рыже-чёрная голова с оска-
ленной пастью, закрывшей, как мне показалось
в тот момент, полнеба (верно говорят — у страха
глаза велики). Проходя очередной кедрач, услы-
шал шелест. Замер. Шелест повторился. Боязли-
во оглянулся — никого нет, а шелест всё бли-
же. Ну, думаю, конец — от судьбы не уйдёшь!
В этот момент вижу, как по стволу спускается
вниз головой, громко шурша, небольшая пичуга
с коротким хвостиком и длинным острым клю-
вом — неутомимый поползень. Непонятно, как
такая крохотная птица умудряется производить

столько шума. Невольно подумалось: пуганая ворона и куста боится.

Умом я, конечно, понимал, что великий сородич удэ не собирался нападать, но тигр есть тигр. Даже размер следа пугает. Тем не менее я был благодарен судьбе, давшей возможность увидеть так близко красу и гордость уссурийской тайги.

Могучий, царственный зверь на фоне вековых кедров остался в памяти самым волнующим и ярким воспоминанием. Меня поразило его благородное поведение. Тигр всем своим видом как бы говорил: «Иди своей дорогой, и я тебя не трону».

К обеду следующего дня, добравшись до устья ущелья, завернул в ельник проверить ловушки возле кабарги. Но там уже ничего не было. Две непальские куницы затащили остатки оленёнка под лесину и доели его. Надо признать, что эту операцию они провели виртуозно — обошли обе ловушки стороной.

Хожу по тайге, люблюсь ею, радуюсь тому, что у нас есть снег, морозы. Становится даже обидно за тех, кто живёт в жарких странах. Ведь они лишены нашей белоснежной, сказочной зимы. Никакого разнообразия: круглый год одно и то же — бесконечное лето.

Осмелюсь не согласиться с утверждением, что зимой в тайге скучно и жизнь в ней замирает. Бесспорно, летом она многообразнее, но зато недоступна взору. Это только на первый взгляд

зимняя тайга сурова, безжизненна и ничего в ней не меняется. Наблюдательный человек заметит немало перемен даже в течение одного дня. В это время вся жизнь тайги как на ладони, ничего не утаить — следы на снегу поведают о каждом шаге. Да и мы тоже сколько наследовали в окрестностях Буге. Если посмотреть сверху, так вся тайга, словно пирог, изрезана на мелкие ломтики колеями от наших лыж. Следы эти сейчас зримы, вещественны, но пригреет солнышко — и они исчезнут.

Порой так же происходит и в жизни. Доживёт человек до глубокой старости, а умрёт — никто и не заметит. Исчезнет — словно снег растает. Другой же и проживёт недолго, а люди с благодарностью вспоминают о нём долгие годы. Наверное, это и есть счастье, когда знаешь, что после тебя остаётся не снежный, а прочный, добрый след в памяти людей.

* * *

Необычно тёплый для января день. На корнях буреломного отвала наливаются солнечным светом и, созрев, падают первые капли. Потепление особых восторгов у меня не вызывает. Ночью подморозит, снег зачерствеет коркой, и соболя вообще перестанут тропить.

На путиках опять одни разочарования. Порой охватывает отчаяние, но я уговариваю себя, что время ещё есть и можно наверстать упущенное.

Правда, с каждым днём эти уговоры всё больше похожи на самообман.

Единственная отрада для меня в последнее время — обед в ясный тихий день. Выберешь между деревьями солнечный пятачок. Положишь камусом вверх лыжи, на них меховые рукавицы. Под ногами умнёшь ямку. Достанешь из рюкзака сухарь, термос с чаем. Удобно усядешься и млеешь под горячим потоком полуденных лучей¹ в окружении могучих кедров.

В сладкой дрёме стоят сопки. Редкое постукивание снующего по стволу дятла и невнятное бормотание ручья под снегом лишь подчёркивают сонную тишину. Солнышко ластится, пригревает. Кожа впитывает каждый его лучик, каждый зайчик. На душе становится легко и приятно. Забываешь о неудачах. Открываешь термос и наслаждаешься душистым сладким чаем, устремив мечтательный взор на горные дали, лёгкие облака, плывущие в прозрачной лазури...

Три дня провалялся с жестокой простудой — угодил в полынью на Разбитой. От избытка свободного времени так наточил ножи и топор, что руки теперь все изрезаны.

На четвёртый день рискнул поколоть дрова и сломал топорище. Пришлось тесать новое. Через час удобная ясеновая ручка была готова.

¹ Выражение «горячий поток полуденных лучей» не преувеличение. В конце января в этих широтах солнце в полдень так же высоко, как в Крыму. (*Примеч. авт.*)

Расколов несколько чурок, выдохся и стал прогуливаться по стану.

Над головой тонко зазвенели серебряные колокольчики. Это стайка клестов облепила соседнюю ель и, перезваниваясь, принялась шелушить еловые шишки, ловко вытаскивая сытные семена. Сейчас клесты едят больше обычного: вывелись птенцы, и родители едва успевают кормить прожорливых деток кашицей из еловых семян. Трудный экзамен придумала для них природа. Январь, мягко говоря, не самое лучшее время для вскармливания потомства.

Удивительно хорошо в тайге. И дышится легко, и думается свободно. Прав был Новиков-Прибой¹, говоря, что «охота — лучший санаторий».

Вечером, затопив печь, вышел за водой. Оглянувшись, обратил внимание, как робко проклёвывается дым из трубы. Остановился и стал наблюдать. Первые секунды дым выползал вяло, как бы нехотя. Постепенно жиденькая струйка оживала, набирала силу, и через пару минут из трубы уже вылетал упругий белый столб. Донеслось энергичное поухиванье печурки. Дым тем временем светлел. Вот показался язычок пламени — красный, трепещущий. И вскоре не язычок, а огнедышащий шпиль рвался ввысь,

¹ Н о в и к о в - П р и б о й Алексѣй Си́лыч (1877—1944) — русский писатель. Во время Русско-японской войны участвовал в Цусимском сражении, о котором написал свою главную книгу — «Цусима».

освещая наше жилище. Печь же запела ровно, и чем сильнее становился жар в её чреве, тем чище и выше звучала её песня.

* * *

Ну как снова не вспомнить поговорку: «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Проверял Фартовый (опять он!). У первого же капкана кто-то метнулся за дерево. Соболь? Точно — он, голубчик! Зверёк изо всех сил рвался прочь, но железные «челюсти» держали крепко. Соболь яростно набрасывался на них, грыз, кроша зубы. Однако тщетно: капкан не отпускал.

Я первый раз видел соболя живым. До чего грациозный, ловкий и невероятно красивый зверёк!

Прижав рогулькой к снегу, взял его в руки, чтобы получше разглядеть. Оказывается, глаза соболя при солнечном свете горят, как изумруды. Взгляд бесстрашный, мордочка добродушная, даже не верится, что перед тобой отъявленный хищник.

Чтобы усыпить зверька, я использовал известный у промысловиков приём — «заглушку». В выразительных глазах соболя, потемневших от боли, появилось недоумение, как у человека, смертельно раненного другом. Не было в них ни злости, ни страха. Только удивление и укор. Сердце, устав биться, сокращалось всё медленней. Тело обмякло, головка поникла, лапы вы-

тянулись. Глаза потемнели, стали тусклыми, невыразительными.

Превращение красивого, полного жизни зверька в заурядный меховой трофей так потрясло меня, что я разжал пальцы. Через некоторое время соболь зашевелился и медленно поднял голову. Смотрел он по-прежнему убийственно спокойно. В такие минуты, наверно, и проявляется истинный характер. Его поведение резко отличалось от поведения норки и колонка в такой же ситуации. Те до последней секунды злобно шипели бы, пытаясь вцепиться в любое доступное место зубами и когтями. Соболев же понимал, что противник намного сильнее и борьба никчёмна и унижительна.

Я почувствовал, что потеряю всякое уважение к себе, если убью его. Положил соболя на снег и разжал пальцы. Зверёк не заставил себя долго ждать: встрепенулся, замер на секунду и размеренными прыжками, не оглядываясь, побежал вглубь тайги. А мои руки ещё долго хранили тепло его шелковистой шубки.

Кто-то из великих знатоков человеческих душ писал: «Бойтесь первого порыва, ибо он бывает самым благородным»¹. Это так: повинуясь первому движению души и отпустив великолепную добычу, я уже через несколько минут

¹ Слова французского дипломата, мастера политической интриги Шáрля Мориса Талейра́на (1754—1838). Смысл выражения: при общении полагайтесь на разум, а не на эмоции.

испытывал сожаление: за шкурку такого зверька получил бы немалые деньги. Но, вернувшись домой и много позже вспоминая этот случай, я понял, что был прав, что всё это было не зря! Что стоило поймать такого редкого красавца, а потом отпустить только для того, чтобы ощутить внезапное очищающее просветление.

Летом, в городе, когда тоска по тайге особенно сильна, я закрываю глаза, запрокидываю голову к солнцу, и перед моим мысленным взором оживает одна и та же картина: тёмно-коричневый соболёк, спокойно, с сознанием собственного достоинства убегающий от меня по искрящейся белой целине. На душе становится легко и радостно.

Спустившись с кручи на пойму, я буквально отпрянул от неожиданности. На слегка припущённой лыжне отчётливо виднелись внушительные отпечатки. Тигр! Крупная сердцевидная пятка, по форме напоминающая треугольник с прогнутым внутрь основанием и закруглёнными вершинами, окаймлена веером овальных вмятин от четырёх пальцев. Опять «священный дух удэ» напомнил о себе. Отметин от когтей не видно: они у тигра втяжные и оставляют следы, лишь когда зверь встревожен или готовится к нападению. Вскоре он сошёл с лыжни и побрёл по целине, вспахивая лапами снег. Тигриная борозда похожа на кабанью, но гораздо глубже, шире, с более крупными «стаканами» от лап. Сразу понятно, что прошёл хозяин тайги.

От тигриных траншей меня отвлекла пихта с ободранной на высоте двух метров корой. Сохатый? Нет, не станет он глодать кору старого дерева, да и содрано мало, всего сантиметров тридцать. Ниже задира разглядел пять глубоких борозд от когтей. Так это ж медвежья метка! С другой стороны дерева ещё один задир, метром выше. Интересно, почему они на разной высоте? Ведь обычно медведь старается ставить их как можно выше, чтобы другие, видя, какой здоровяк хозяйничает здесь, остерегались нарушать границу его участка. Скорее всего, это метки медведицы и её двухлетнего пестуна*.

Я направился в боковую ложину, к засыпанной снегом ловушке, чтобы освежить её. Гляжу, около неё четыре рябчика прохаживаются. Пошёл за одним, так он, чудак, вместо того чтобы взлететь, долго бежал вперевалку впереди меня. Встал на крыло, лишь когда я, развеселившись, с гиканьем хлопнул в ладоши.

День завершился неожиданным подарком. Я даже присвистнул, увидев, что в два рядом стоящих капкана, поставленных просто так, на всякий случай, попались две норки.

* * *

И опять девственный лес трещит в объятиях жгучего мороза. Опять стынут, звонко лопаются деревья. Заиндевелые кусты в хрустальном сиянии. Кедровая хвоя поблёскивает, как соболя

ость. Плотный воздух вливается в лёгкие густым жгучим настоем.

Скрипучая лыжня увела меня в верховья Буге дальше обычного. На межгорном плато сразу бросилось в глаза чёрно-бурое пятно на снегу. Кабан? Лось? Почему не двигается? Может, спит? Осторожно, держа ружьё на изготовку, приблизился и увидел, что это правда кабан, но мёртвый. Настигшая его смерть была мгновенной. Сильным порывом ветра от сухостоины сорвало массивный отцеп, и он, падая с высоты, пронзил вепря насквозь, как копьё. Оказывается, и в тайге происходят несчастные случаи. Только виновника не накажешь — ищи ветра в поле.

Ходить, в сравнении с началом сезона, стало заметно легче. Толща снега надёжно укрыла все поваленные деревья, кустарники, камни, и они теперь не мешают. На обратном ходе, чтобы сократить дорогу, сошёл с лыжни и покатился с горы к речке напрямки, но на скорости угодил в засыпанную пушистым снегом яму. Лыжи изогнулись, предательски затрепали и... переломились пополам. Закинув обломки на плечо, попытался идти без них, но не тут-то было. Как только опираешься на ногу, она проваливается в снег по самый пах. С трудом вытащишь её, но при следующем шаге всё повторяется.

Проковыляв так с десятков метров, взопрел. Горячий солёный пот заливал глаза. Ноги гудели от напряжения и отказывались идти дальше. Пораскинув мозгами, срубил ольху. Вытесал

из неё две плоские полуметровые плашки и прибил их прямо на камус (коробочка с гвоздями, верёвочками, проволочками у меня всегда с собой). Получилось неплохо. С этими «заплатами» я так и проходил до конца сезона.

Довольный и гордый тем, что сумел устранить поломку, завернул на памятную протоку, где с месяц назад завалил секача. К оставленной мной части туши стекались собольи тропки: крупные следы самцов и миниатюрные самочек. Снег, которым я засыпал вепря, разрыт с трёх сторон.

Соболя по каким-то неуловимым для меня признакам отличают следы зверька, побывавшего у богатой добычи, и по ним выходят на место его кормёжки. Замаскировал на подходах к мясу все четыре капкана, что лежали в котомке.

На Разбитой по берегу залива на днях опять бродил тигр. Событие уже привычное, но эти следы интересны тем, что проходили сквозь заросли колючего кустарника. Похоже, могучая кошка таким образом расчёсывала свою шкуру.

После ужина допоздна ремонтировал снаряжение и одежду. Всё уже изрядно обтрёпано, изношено, но надо как-то дотянуть до пятнадцатого февраля — конца сезона. От того, что скоро домой, — и радостно, и грустно. Очень хочется к родным и друзьям, но в городе, попав в сумасшедший водоворот дел и встреч, быстро отдаляешься от природы. Привыкаешь к заасфальтированным, дышащим выхлопными газами

улицам, каменным домам-клеткам, к мысли, что живёшь нормально — как все. Но однажды вдруг попадётся на глаза одинокая старая ель, сохранившая в городском парке дикий, угрюмый вид, и сердце острой болью пронзит тоска по тайге, по звериным тропам, чуткой тишине зимнего леса. Однако пройдёт время, тоска опять утихнет, и городская суeta затянет в свой неумолимый круговорот. Один раз заглушишь эту тоску, второй раз, третий, но в конце концов плюнешь на всё, соберёшь рюкзак — и в лес...

Все мои родственники и друзья в один голос твердят: «Как можно в тайге одному? Столько опасностей! Случись беда — даже помочь некому». (Лишь моя жена Танюша с пониманием относится к моей страсти к тайге и горам.) Раньше, не имея достаточного представления о таёжной жизни, я, скорее всего, говорил бы то же, что и все, но теперь смею утверждать: в тайге опасностей не больше, чем в городе. Сами звери на обострение отношений не идут. Те же ЧП, что случились со мной, справедливей будет отнести на счёт моей неопытности. В тайге всё естественно. Жизнь проще, здоровей и спокойней.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

На высоких парусах разлетелись и скрылись за зубцами гор облака. Когда я добрался до самой дальней точки Крутого, в небе царило слепящее солнце. Над бесконечными гребнями серо-

зелёного моря, рассечённого белой извилистой лентой реки, изредка скрипуче гнусавил ворон.

Крутой наконец расщедрился и подарил крупного соболя приятного шоколадного цвета. Поднял добычу, чтобы освободить от капкана, а у него и на задней лапе капкан, только без цепочки. Тут я смекнул, что это тот самый самец, что ушёл в декабре. Здоров чертяка! Мне, ещё когда ставил капкан, показалось странным: отпечатки лап крупные, а прыжки короткие. Судя по его бравому виду, не похоже, чтобы он недоедал. А я-то расстраивался — думал, что погибнет.

В лагерь возвращался, напевая нескладные, сочинённые мной ещё в Якутии куплеты:

Не ищите меня у людей,
Среди них я случайный гость.
Я живу там, где воздух чист,
А на тропах зверей помёт.

Не ищите меня в городах,
Хоть любитель я кабаков,
А живу я в горах,
На берегах говорливых вод.

Здесь друзья мои — добрые звери
И хранитель зверей — дикий лес.
И мы вместе уходим на север,
Где ещё не бывал человек.

Год от года теснят нас всё дальше,
И остался один лишь Таймыр.
И на плечи совсем не давит
Груз дорог и бурных стремнин.

Ничто не предвещало того испытания, которое предстояло мне выдержать этой ночью...

Я уже готовился ко сну, как резкий порыв ветра наполнил палатку таким густым и едким дымом, что пришлось откинуть полог. Тут совсем рядом раздался жуткий волчий вой. Душераздирающее «ыууу-ыу!» понеслось по долине, будоража тайгу. По спине пробежал озноб, руки сами нащупали и вынули из щели между спальником и брезентовой стенкой палатки ружьё и привычно вогнали патрон с картечью. Остальные патроны и нож легли рядом.

Вой доносился от подножия сопки, вплотную подступавшей к ключу. Чтобы отпугнуть зверей — волки зимой поодиночке не ходят, — высунул наружу ствол ружья и полоснул ночь резким, как удар бича, выстрелом. Вой прекратился, но ненадолго. Вскоре раздался ещё ближе.

Страх сковал меня. Я понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, однако оцепенело сидел, боясь пошевелиться. Воображение рисовало ужасную картину: волки окружили палатку и готовы ворваться, чтобы растерзать меня.

Время, будто заключив союз с волчьей стаей, тянулось невыносимо медленно. Мороз крепчал. Дров в палатке оставалось совсем немного: я не рассчитывал топить всю ночь. Приходилось экономить каждое полено. И всё же к трём часам положил в топку последнее. Когда оно прогоре-

ло, палатка стала быстро остывать. Холод проникал сквозь одежду всё глубже и глубже.

Чтобы окончательно не замёрзнуть, нужно было залезть в спальник, но сделать это мешал страх: в мешке я буду скован в движениях и не смогу обороняться.

Мысленно перебрал все вещи, находящиеся в палатке: чем ещё подкормить огонь? Но ничего не находил, а гора дров совсем рядом! Рядом — и в то же время невероятно далеко: выйти из палатки и пройти пять метров до груды поленьев меня не могла заставить никакая сила. Брезентовое убежище представлялось неприступным бастионом, покинув который я стану беззащитным.

В печке дотлевали последние угольки. В конце концов мороз победил страх, и я, с трудом распрямив затёкшие ноги, придавил вход в палатку спальником Луксы. После этого, обутый, с ножом в руках, забрался в мешок, где и провёл остаток ночи в тревожном забытии. Сквозь дрему вздрагивал от каждого пороха. По мере того как ночная мгла сменялась робким рассветом, во мне нарастала злоба на волчье племя. Восходящее солнце с каждой минутой вливало в моё сердце смелость, изгоняя вместе с темнотой страх.

Вой не прекращался. Я проверил ружьё, воткнул в чехол нож и, готовый к схватке, откинул край брезента. Солнце уже показалось в проёме между сопок. Земля чуть припудрена порошей. Держа ружьё на изготовку, крадучись

пошёл мимо груды дров к месту, откуда волк был в последний раз. Я должен был непременно убить его, и даже мысль о том, что волк не один, что там, быть может, целая стая, уже не могла остановить меня.

Приблизившись к сопке, огляделся, пытаюсь понять, куда они могли так быстро и незаметно разбежаться. Как ни странно, вокруг ни единого следа. И тут прямо над моим ухом раздалось противное и тягостное завывание. Я вскинул ружьё, но... стрелять было не в кого! Вой издавала старая ель, раскачиваемая ветром. Я захохотал как сумасшедший. Какой позор! Надо же так опростоволоситься! А ещё пою: «Здесь друзья мои — добрые звери и хранитель зверей — дикий лес». Умора!!!

Страх отнял у меня способность трезво мыслить, иначе бы я сообразил, что волк не станет всю ночь сидеть на одном месте возле палатки и выть, не испугавшись даже выстрела.

Когда я вечером возвратился с очередного обхода, «вой» прекратился, и больше я его никогда не слышал.

ТАЙГА ЛЕЧИТ

На Фартовом ни один из двадцати капканов не сомкнул челюсти. Ну ничего, цыплят по осени считают, — хорохорился я.

Есть на этом путике одно приветливое место, которое не хочется покидать. Это обширная за-

снежная поляна в изумрудной раме патлатых кедров. На Буге всюду, куда ни пойдёшь, — непролазная чащоба. И вдруг — чистое пространство, по которому слабый ветерок перекачивает жёлтые волны вейника*. Этот контраст будоражит воображение. Сразу представляются дымящиеся юрты, охотники, возвращающиеся с добычей. А совсем близко, в тёмном распадке, затаились воины враждебного племени...

Позже Лукса подтвердит, что на этой поляне действительно когда-то было становище его предков, кочевавших по всему Сихотэ-Алиню. Непонятно только, почему они облюбовали место, на восемь километров отстоящее от Хора? Ведь река — главная дорога и кормилица для таёжных жителей.

На этой поляне я всегда задерживаюсь на отдых и почти всегда вспоминаю брошенный посёлок золотоискателей в Якутии, у подножия перевала к реке Гонам. Там мы оказались во время поисков Юры и Саши. Картина, надо сказать, довольно удручающая: стоят крепкие, добротные дома. В каждом дворе баня, летняя кухня, сарай. В центре посёлка двухэтажный дом. Рядом с ним постройка со ржавым листом, на котором угадываются буквы «МА». Улицы, дворы, огороды уже сплошь заросли молодыми деревьями.

Мы обследовали посёлок в надежде найти следы пребывания ребят. В одном из домов на некрашеном полу я увидел куклу в выцветшем платице. Горло невольно сдавило. Лет пят-

надцать назад здесь было шумно, многолюдно. В каждом доме бурлила жизнь, а теперь тихо, как на погосте. Интересно, где сейчас хозяйка этой куклы?..

И сегодня я, как обычно, остановился на краю любимой поляны. В этом оазисе, защищённом от ветров, всё млело и купалось в тёплых, ласковых объятьях февральского солнца. Расстегнул телогрейку, снял шапку. Ветерок приятно холодил разгорячённое ходьбой лицо.

Наблюдаю, как на кончике ветки повисает капля с бегущей искоркой солнца. Когда она налилась в полную меру, искорка испуганно забилась, словно не желая падать. Но, так и не сумев вырваться из тонкой оболочки, вместе с каплей исчезла в снегу.

В этот момент мне на голову уселась маленькая пичуга. Её остренькие коготки впились в кожу. Весело присвистнув, она дёрнула клювом волосок. От неожиданности я вздрогнул. А отважная шалунья, перепорхнув на дерево, что-то возмущённо пропищала.

Спускаясь с сопки, чуть не наехал на отдыхающих косуль. Они пружинисто вскочили и в ужасе рассыпались в разные стороны. Бег у косуль своеобразный: несколько прыжков небольших и частых, затем один огромный, летящий, и опять череда коротких, как бы разгонных.

Буро-коричневая окраска делает их практически невидимыми среди деревьев, и только белые пятна на заду (охотники их называют «зерка-

лом») некоторое время мелькали между деревьями. Они копытили тут листья и траву. Рядом в снегу глубокие овальные ямки — лёжки. Эти олешки зимой деятельны только в утренние часы. После полудня они обычно отдыхают, пережёвывая жвачку.

Поднятые мной косули, судя по толстой шее и рогам, в два раза превышающим длину ушей, — четырёх-пятiletки. (У молодых шея тонкая и рожки вровень с ушами.)

* * *

Под Разбитой прошла стая волков. На сей раз не мифическая, а самая что ни на есть настоящая. Вожак — матёрый волчище. Отпечатки лап — десять на шесть с половиной сантиметров. У остальных заметно мельче. По форме их след похож на собачий, но отличается расположением пальцев.

Шли гуськом, след в след. Только на крутом повороте у поваленного кедра появились разброды. Судя по ним, в стае кроме матёрого — волчица, два прибылых* и три переерка*. Эти лыжни не боятся. Даже немного прошли по ней.

Одинокiй скиталец-тигр, делая очередной обход своих владений, вышел на след этой стаи и двинулся по нему. Теперь, надо полагать, серые не скоро появятся в этих местах. Тигр задаст им перца, поскольку с волками и собаками эти могучие кошки враждуют испокон веку.

По моим наблюдениям, в бассейне Буге живёт два тигра. У одного из них под ясенем, возле Разбитой, что-то вроде уборной. Уже не первый раз вижу там кое-как присыпанные снегом экскременты — верёвки, сплетённые из остевых волос кабаньей шерсти. Что удивительно, они совершенно не имеют запаха. Похоже, у тигра КПД желудка почти сто процентов.

На обратном ходе вышел на Хор посмотреть, не появились ли там норки. И не зря. По берегу петляли два свежих следа: самки и её кавалера. Они пересекли реку и скрылись в тальниках. Я пошёл было следом, но не успел сделать и пяти шагов, как почувствовал, что снег уходит из-под ног. Инстинкт самосохранения сработал мгновенно: я откинулся назад. На том месте, где я только что стоял, свинцовая вода жадно пожирала снежный пласт и, угрожающе бурля, требовала новой порции. Лёжа на краю полыньи, упираясь в снег руками, отполз на безопасное расстояние. После чего встал и вернулся на берег. Только тогда облегчённо вздохнул.

По кромке провала было видно, что лёд, укрытый толстой снежной шубой, «съело» быстрым течением, и, стоило ступить на него, он рухнул. Если бы я не успел оттолкнуться назад, то меня с лыжами на ногах сразу затянуло бы под лёд.

Этот урок лучше многократных наставлений Луксы приучил выходить на реку только с посохом и перед каждым шагом проверять им прочность ледяного панциря.

...Ура-а! Ура-а! Лукса вернулся! Изрядно исхудавший, побледневший, но весёлый и всё такой же неугомонный. По стану, прыгая от восторга, носился поджарый Пират. Тоже отошал на скудных гвасюгинских харчах. Я сбросил ему с лабаза кетину. Благодарно лобызнув меня, пёс набросился на любимое лакомство.

— Немного подшаманили — и ладно. Хотели ещё неделю держать. Уговорил. Задышаться стал в каменном мешке. Каждую ночь Буге снился. Никак нельзя нашему брату без тайги. Панты вот принёс. — Лукса достал из кармана бутылочку с тёмно-коричневой жидкостью. — Панты и Буге быстро вылечат.

Истосковавшись по живому общению, я, не закрывая рта, рассказывал про свои охотничьи новости и происшествия. При этом невольно прислушивался к своему голосу. Поначалу мне даже казалось, что говорю не я, а кто-то другой, — настолько отвык от собственной речи.

Лукса, попыхивая трубкой, внимательно слушал. Узнав, что днём я чуть было не отправился кормить рыб, помрачнел:

— Чего так делал? Река — обманщица. — Помолчав, добавил: — Однако, бата, со мной в молодости ещё хуже было. Думал, совсем конец.

Лукса раскопчегарил потухшую трубку и продолжил:

— После Нового года все уже разошлись по участкам, а я, как всегда, загулял. Возвращался на Буге один. У второго прижима нартовый

след шёл вдоль полыньи. Дело обычное. Вдруг слышу: трх, трх — лёд ломается. Не успел опомниться, как закачался на отколовшейся льдине, будто в оморочке. Хотел по нартам перепрыгнуть на торос, но льдина маленькая, накренилась, и я в воду свалился. Одна лыжа слетела, а вторая, как парус, по течению тащит. Ладно, успел в край полыньи вцепиться и ногой вертнуть так, что лыжа съехала. Лёд гладкий, руки скользят, не знаю, как выбрался. Спасибо Пудзе — пожалел. Долго потом болел, ёлка-моталка. С рекой, паря, не шути. Не ленись, всегда лёд проверяй... Говорим, говорим, однако живот есть просит. Копчёной рыбки принёс. Устал в больнице от каш. Давай пировать маленько будем.

Лукса извлёк из котомки завернутую в какую-то грязную бумагу рыбу. Вид обёртки совершенно не возбуждал аппетита. Мне даже показалось, что она покрыта плесенью. Но приятно пахнущая дымком и сочащаяся жиром кетина оказалась великолепна. Съели всю за один присест.

Лукса взял промасленную бумагу и покачал головой:

— Совсем грязная.

«Не то слово!» — мысленно поддержал я его и нисколько не удивился тому, что он бросил обёртку в печку. Но когда охотник, допив чай, извлёк её обратно и положил на наш стол, я потерял дар речи: бумага была не только целая, а стала чище и белее. Впрочем, зелёные пятна, которые я принял за плесень, сохранились.

Видя моё изумление, Лукса, кивнув на бумагу, произнёс:

— Горная шкурка. На горе Ко её много. Удобная: в огонь бросил — опять чистая. Охотовед говорил — это минерал. Трудное название, не помню.

Я наконец сообразил, что это даннеморит — гибкий минерал, встречающийся в нашей стране только на отрогах Сихотэ-Алиня.

НЕ СЕРДИСЬ, ПУДЗЯ

Ночью снилось, будто кто-то тянет меня за ноги в чёрную бездну. Я отчаянно цепляюсь за всё подряд, но погружаюсь в неё всё глубже и глубже. Проснулся весь в поту и долго не мог успокоиться.

В палатке тепло. Лукса уже позавтракал и ушёл откапывать капканы. Через полчаса я тоже был на лыжах и брёл по Глухому. Он оправдал своё название. На нём действительно всё глухо. Ни одного свежего следа.

Вернувшись к становищу, принялся готовить ужин. Вскоре подъехал шатающийся от усталости наставник — ослаб за время болезни. Я обратил внимание, что он сильно возбуждён.

— Что-то случилось?

— Отгадай загадку, — предложил он вместо ответа. — В липе сидит, скребётся, пыхтит, тронешь — рычит.

— Медведь?

— Верно. Потеплело, вот и проснулся. Со стенок труху соскребают. Постель помягче делает. Пойдёшь со мной?

— Ты ещё сомневался?! — обиделся я.

Весь вечер тщательно готовились. Отливая в колупе* пули, Лукса всё сокрушался, что тигр много ходил по одному из его путиков.

— Пока не буду туда ходить. Увидит, что следы топчу, — всякое думать начнёт, сердиться будет.

— Лукса, ты же говорил, что тигр очень умный зверь. Всё понимает.

— Да, куты-мафа, что думаешь, даже знает. Подумаешь: «Не буду стрелять», — он понимает и тоже думает: «Не буду его трогать». Но когда куты-мафа далеко, он не знает, что я думаю. Не понимает, зачем по его следам хожу, и сердится.

Я не раз слышал, что некоторые промысловики до сих пор настолько боятся тигра, что, стоит ему появиться на участке, бросают охоту и покидают это место, порой навсегда.

Лукса сегодня снял четырёх соболей, и, хотя прошло больше месяца, ни один из них не попорчен мышами. Закончив приготовления к охоте, он раскурил трубку и задумался, глядя по обыкновению сквозь щёлку в дверце, на переливы огня в печурке.

— О чём думаешь? — потревожил я его.

— Так, вспоминаю... Раньше ведь как было? Перед большой охотой к Аки с белым петухом шли. Он надевал шапку с рогами, маску —

хамбáбу. На пояс вешал кости медведя, рыси, железные погремушки. Под бой бубна в тайгу вёл. Там большой костёр жгли. Котёл с водой ставили. Шаман вокруг ходил, камланил, волшебные слова говорил, пахучим багульником дымил — злых духов отгонял. Как вода закипала, петуха в котёл бросал — Пудзе подарок делал. Только тогда на охоту шли. Сейчас так не делаем, а хороший охотник всё равно без добычи не остаётся...

Встали одновременно, как по команде. Не спеша собрались. Продули стволы ружей. Заткнули их комочками мха. Лукса набил печь сырым ясе-нем, закрыл поддувало: «Пока огонь в печке — удача с нами». И, взяв Пирата на поводок, скомандовал: «Га!»¹

Долго шли по долине ключа. Свернув в один из боковых распадков, стали карабкаться на сопку. Чем дальше, тем круче склон. Чтобы не скатиться вниз, всё чаще хвататаемся за кусты и подлесок.

В закрытой со всех сторон ложбине Лукса встал.

— Передохнём? — спросил я.

Вместо ответа он показал на дерево метрах в десяти от нас. Я понял: пришли!

Липа была старая, с раздвоенным стволом и тёмным зевом у развилки.

Пират, почуяв запах зверя, вздыбил шерсть и взволнованно завертелся вокруг дерева, шумно

¹ Пошли! (Удэг.)

вынюхивая, откуда сочится медвежий дух. Найдя это место, принялся грызть ствол, повизгивая от возбуждения.

Лукса снял лыжи и, подойдя к липе, прижался к ней ухом — внутри тихо.

Я тем временем метрах в семи утрамбовывал небольшую площадку, обламывал закрывающие обзор ветки. Тот, кто бывал на медвежьей охоте, представляет, с какой тщательностью всё это выполняется.

Лукса поручил мне держать под прицелом лаз, а сам обухом топора принялся бить по стволу — будить лежебоку. Стукнув раз десять, замер. Стая снежинок закружилась в воздухе. В томительной тишине, казалось, был слышен шелест их падения. Лукса ударил ещё раза четыре, но косолапый либо крепко спал, либо затаился.

У меня стали мёрзнуть руки. Указательный палец уже не чуял спускового крючка. Нервный озноб усиливал ощущение холода. Видя моё состояние, наставник подошёл, чтобы дать мне возможность отогреть руки в меховых рукавицах и обмозговать, как выманить засоню.

— Будем стрелять по стволу. Заденем — вылезет, — решил он.

Поочерёдно всадили четыре пули, стреляя каждый раз всё ниже и ниже. Из дупла ни звука.

Теперь Лукса взял лаз под прицел, а я принялся рубить отверстие в месте, подсказанном

собакой. Дерево поддавалось с трудом, и, когда я выдохся, Лукса сменил меня. Прорубив наконец небольшое отверстие, он припал к нему одним глазом. Через некоторое время обернулся и приложил обе руки к щеке — спит. Я подошёл и тоже заглянул в дупло. Густо пахнуло прелой древесиной. Когда глаз привык к темноте, разглядел внизу чёрный ком. Длинная шерсть чуть колыхалась. Мне даже почудилось сладкое пощипывание.

Чтобы не портить медвежью квартиру, решили поднять мишу и стрелять на выходе.

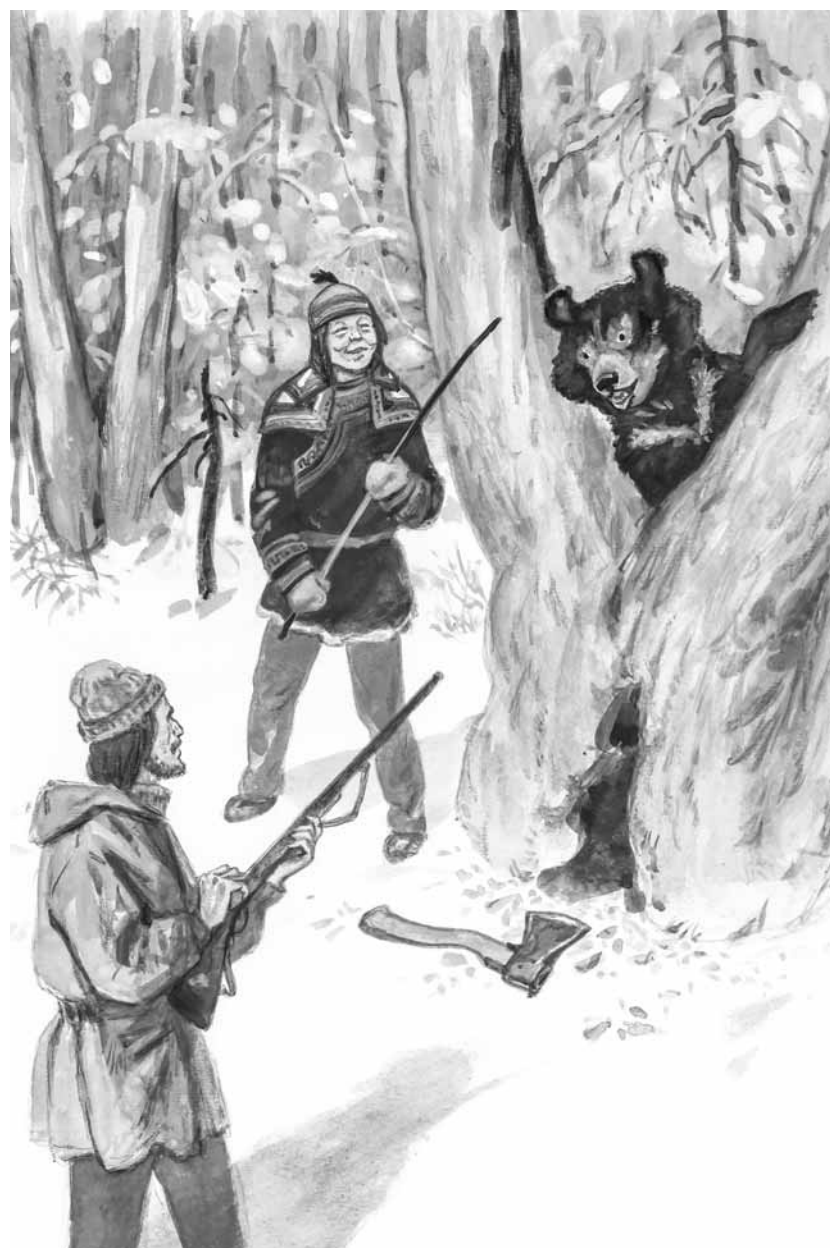
Лукса отломил длинную ветку и заострённым концом принялся тыкать в зверя. Медведь завозился, рывкнул и, видимо, схватил ветку лапой, так как она мгновенно исчезла в дупле. Потом гулко заворочался и стал карабкаться по пористым стенкам древесной трубы вверх. Вот из лаза показались широкие лапы, оскаленная пасть.

Я выстрелил. Медведь взревел и, к нашему ужасу, медленно скрылся в утробе липы. Глухой удар подтвердил преждевременность выстрела.

Наставник наградил меня свирепым взглядом и, срезав ветку потолще, опять потыкал медведя. Тот не реагировал.

Лукса произнёс традиционное:

— Не сердись, Пудзя. Состарился совсем медведь. Не ругай за испорченную берлогу: медведь сам виноват. Мы долго просили выйти. Не послушался.

Расширив топором дыру, вдвоём кое-как вытянули косолапого. Когда рассматривали его в «глазок», Лукса определил: пестун. Мне же показалось, что перед нами чуть ли не медвежонок. Ошиблись оба. «Медвежонок» оказался довольно крупным самцом килограммов на сто двадцать — сто тридцать (гималайские мельче бурых). В дупле, у самого дна, в мягкой трухе имелось глубокое комфортабельное ложе, оно-то и скрадывало истинные размеры хозяина.

Не теряя времени, начали свежевать добычу. Иссиня-чёрную, с серебристым глянцем «шубу» с белоснежной чайкой на груди (из-за неё гималайского медведя ещё величают белогрудым) снимали аккуратно — Лукса обещал после выделки подарить её мне.

Глядя на длинные, слегка загнутые клыки, я невольно поёжился. Один из них, верхний, был сломан, и, похоже, давно, — место слома уже отполировалось.

Медведь оказался довольно упитанным. По бокам и на ляжках слой сала в пол-ладони, на спине и лапах — с палец, а внутренности так буквально залиты жиром.

— Запасливый лежебока, — радовался наставник.

Закончив свежевать, разрубили тушу на части и забросали снегом. Сердце, печень и часть мяса сложили в рюкзаки. Лукса ещё вырезал, предварительно перетянув шейку верёвочкой, целебный желчный пузырь. Поколебавшись,

вынул глаза медведя и, подойдя к дереву, положил их на толстый сук, навстречу первым лучам солнца.

— Пусть Пудзя видит, что мы соблюдаем закон, — сказал охотник.

Пока разделявали добычу, двигались мало и основательно продрогли. Споро наломав сушняк, запалили костёр. Повалил густой дым. Оранжевые язычки пламени пробились сквозь него и с весёлым потрескиванием разбежались по веткам во все стороны. Слившись в горячее, трепещущее полотнище, взметнулись в холодную высь.

Бывалый таёжник достал из своей котомки мешочки с сахаром, чаем и прокопчённый котелок. Я набил в него снег и повесил на косо воткнутую палку.

Лукса подложил ещё сучьев и, щуря глаза, пододвинулся к костру:

— Люблю огонь. Он живой. Рождается крохотным язычком, а покормишь дровами — вырастает до жаркого солнца. Согреет и умирает.

Действительно, пламя костра завораживает, глядя на него, как будто попадаешь под гипноз невидимых сил. Не случайно наши предки боготворили и берегли огонь.

— Костёр обещает ясную погоду, — неожиданно изрёк удэгеец.

Я с недоумением глянул на него.

— Чего глаза вывернул? Не на меня смотри, на костёр смотри, — довольный произведённым

эффектом, произнёс Лукса. — Видишь, по краю угли быстро покрываются пеплом — быть солнцу. Если тлеют долго — быть снегу.

Попив чаю и отогревшись, зашагали к «дому».

Добрались засветло и пировали до ночи. Лукса, забыв про язву, отправлял в рот самые жирные куски. Когда я пил наваристый бульон вприкуску с сухарём, у меня во рту что-то хрустнуло. От неожиданности я охнул. Неужто зуб? Схватил зеркало — точно: передний клык обломился.

— Отомстил миша, — прошептал суеверный удэгеец.

— Лукса, да медведь тут совсем ни при чём. Зуб был мёртвый, просто время пришло, — возразил я, хотя сам тоже невольно вспомнил сломанный клык.

ТАЛА

Выхожу всё раньше и раньше, а возвращаюсь всё позже и позже. И это при том, что день заметно удлинился. Если в начале сезона я ходил по пять-шесть часов и путики были не более пятнадцати километров, то сейчас путики вдвое длиннее, и снег месишь, зачастую по целине, десять-одиннадцать часов кряду. Однако светового дня всё равно не хватает: так хочется найти более уловистое место и расставить как можно больше ловушек.

Этой ночью приснилось, как будто поймал двух соболей, причём второго — в последнем капкане в конце путика. Наяву всё так и произошло. Первого снял в теснине между сопок. Правда, если бы прошёл хоть небольшой снежок, я уже не разыскал бы его: от постоянных ветров снег в этом месте спрессовался, и соболь, протаскивая капкан с потаском более ста метров, оставил на нём лишь едва заметные царапины. По ним-то и обнаружил зверька, застрывшего в переплетении лоз дикого винограда. Второй действительно оказался в последнем капкане под скалистой кручей.

Вечером, выслушав мой рассказ, Лукса сказал:

— Хороший охотник видит зверя сквозь сон, — и, привычно глядя в огненный зев печурки, добавил: — Настоящим охотником стал. Человека шибко трудно разглядеть — время надо, но на медвежьей охоте сразу видно. Я всё думал, что за парень? Городской, а в тайгу пошёл. Боялся, опасность будет — оробеешь, подведёшь. Теперь так не думаю. Возле медвежьей квартиры не всякий может стоять. Давай, бата, следующий сезон опять вместе соболя промыслять. Зимовье поставим. Тепло, просторно будет.

От таких слов у меня приятно защемило сердце. Упругий, судорожный ком сдавил горло. Не в силах вымолвить ни слова, я молча пожал сухую, крепкую руку наставника. Нахлынувшее

чувство признательности искало выход. Хотелось сделать что-нибудь приятное для этого скупого на похвалу человека, ставшего мне близким, почти родным за время охоты. Я снял с себя серый, толстой вязки шерстяной свитер и смущённо протянул ему.

Лукса обрадовался подарку, как ребёнок:

— Спасибо, бата. Надевать буду, тебя вспоминать буду.

Надо сказать, мне здóрово повезло с наставником. Впервые я по-настоящему осознал, как мне не хватает его, в тот день, когда он не вернулся из стойбища после Нового года. С ним было легко и надёжно. Общение с ним учило меня понимать тайгу, повадки зверей, птиц; я стал чувствовать себя частицей этого великолепного и богатого края.

Через неделю завершится промысловый сезон. Охотники покинут свои участки, и на всём протяжении Хора, от истоков до Гвасюгов, река опустеет. А кажется, только вчера я вынимал из капкана своего первого соболя. Вот уж действительно — время на охоте течёт медленно, только когда готовишь ужин.

На обрывистых южных берегах снег начал подтаивать. Кое-где даже выросли настоящие сосульки. В воздухе завитал свежий хвойный аромат. Тонконогий паук, обманутый теплом, вылез из своего убежища и разгуливал по отмякшему снегу.

В бассейне Буге есть ещё один уголок, посещение которого всегда волнует меня. Находится он в конце Глухого. В этом месте растёт диковинное дерево — искорёженный временем тис, или «негной-дерево». Внешне нечто среднее между елью и кедром. На нём, из-за обилия веток с густо растущими плоскими хвоинками, к концу зимы скапливается гора снега. Видимо, по этой причине верхушка обломана, а ствол расщеплён почти до основания, отчего он напоминает старый гриб с треснутой красноватой ножкой и массивной шляпкой — белой сверху, зелёной снизу.

«Негной-дерево» доживает до сказочного возраста в три-четыре тысячи лет. Растёт оно очень медленно и достигает метра в обхвате к исходу второго тысячелетия. Мой тис, судя по толщине ствола, был старцем ещё до возникновения Киевской Руси.

Тис — древнее, но, к сожалению, вымирающее дерево. Относится оно к хвойным, но хвоя ядовита и почти не содержит смолы. Вредители избегают его. За странные для хвойной породы плоды, похожие на ягоды рябины, тис ещё называют елью с красными ягодами. На моих путях всего два таких дерева: здесь и на Крутом. Оба не первой молодости, а принять эстафету, длящуюся миллионы лет, некому — вокруг ни единой поросли.

С обхода пришёл раньше обычного. Решил порыбачить под скалами напротив становища.

Наскоро хлебнув чайку, спустился на лёд. Разгрёб улами снег, и из-под лезвия топора полетели гранёные, с хрустальным переливом осколки. Через десять минут лунка была готова. Опустил в непроницаемую тьму «краба» и, слегка подёргивая леску, склонился в ожидании.

За полчаса ни одной поклёвки. «Может, перейти к границе между спокойной водой залива и стремительным течением основного русла?» — заколебался я, как вдруг — резкий рывок. Подсёк и, перехватывая, тяну леску на себя. Она больно режет пальцы. Сильная рыба сопротивляется отчаянно, но всё-таки это не тот пудовый таймень, с которым мне довелось тягаться на реке Арму́ лет шесть назад. Вскоре крупный, упругий ленок, отливая пятнистой коричневой чешуёй, забился на снегу. За ним с интервалом в несколько минут вытащил ещё двух. После этого как обрезало, клёв прекратился. Закинул ленков на лабаз. Вечером Лукса приготовил из них отменную талу*. Тот, кто ел, подтвердит — нет ничего вкуснее.

Приготовить её может каждый. Для этого необходимо лишь поймать ленка, а ещё лучше — тайменя. Слегка подморозить, после чего отсечь голову и хвост. Надрезать шкуру вдоль спины и брюха. Сняв её, отделить мякоть и нашинковать тонкую янтарно-жемчужную лапшу. Посыпать солью, сбрызнуть уксусом, перемешать и снова подморозить. Всё! Блюдо готово. Да какое! В тайге много деликатесов, но вкуснее этого я

не едал. Кладёшь щепотку на язык, и во рту тает что-то божественное.

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Ночью прошёл самый обильный за эту зиму снегопад. Тайга стала густой, как летом, только не зелёной, а белой. Ветви, придавленные тяжёлой кухтой, безвольно согнулись до земли.

Не напрасно я держал весь сезон несколько капканов на приманку. Сколько раз приходилось подправлять просевшие хатки, докладывать мяса. И вот наконец пробил их час. Не хватает уже соболю мышей. Многочисленные в начале зимы, теперь они редко попадают ему на обед. Опытный Лукса ещё в ноябре говорил, что к концу зимы соболь всё равно пойдёт на приманку.

На Фартовом до сих пор стояло три хатки. В первой соболь, доставая мясо, как-то изловчился и переступил тарелочку. В другой, ещё до прихода соболя, в капкан попалась сойка. Тот, не будь дураком, съел и её, и приманку. В надежде, что он вновь посетит это место, положил свежий кусок кабанятины и перенасторожил ловушку.

Дойдя до вершины путика, завернул на обратный ход и увидел на «мёртвой» пороше свежайший след соболя, терявшийся в широком зеве распадка. «Попробую догнать!» — загорелся я. След попетлял по склонам и привёл... к хатке, оставленной мною три часа назад.

За небольшой промежуток времени здесь произошли перемены. В капкан опять угодила сойка, и два соболя, привлечённые её криком, уже полакомились ею и отдыхали в снежных норах неподалёку. Я насторожил ещё три ловушки с таким расчётом, что если в одну из них снова попадёт сойка, то оставшиеся не дадут соболям безнаказанно уйти. А приманку затолкал поглубже и закрепил палочками.

На подходе к стану меня догнал довольный Лукса — снял трёх соболей, и всех на приманку. Быстро он навёрстывает упущенное за время болезни!

* * *

Сегодня планировал вернуться с охоты пораньше, чтобы просушить, вытряхнуть спальники и наколоть дров. Но соболю, неторопливо бежавший поперёк ключа, спутал все мои карты.

Глядя на свободный бег зверька, я невольно залюбовался им. Сколько ловкости, изящества в его движениях!

Заметив меня, соболёк, почти не меняя темпа, пересёк пойму и стал взбираться по обрывистому склону. Я с лихорадочной поспешностью рванул за ним, но увы... Подъём, который соболю взял легко и быстро, я месил, увязая в сыпучей снежной крупе, минут пятнадцать. Когда мучительное восхождение закончилось, передо

мною открылась ещё более безрадостная картина: за пологим бугром вздымался не менее крутой склон.

Карабкаясь на него под гулкие удары сердца, невольно вспомнились слова Луксы: «Соболь от охотника никогда вниз не идёт. Всегда вверх».

Одолев подъём, побежал вдоль следа. Широкая терраса привела меня в соседнюю падь. Соболь успел там так напетлять, что моего охотничьего опыта было недостаточно, чтобы расшифровать эти письмена.

В сердцах плюнул и побрёл к стану собольей стёжкой, не обращая на неё поначалу внимания, но метров через двести она неожиданно оборвалась у берёзы. Меня это озадачило. Обошёл вокруг — дальше никаких следов. Зато между корнями обнаружил лаз. По обледенелой горловине понял, что соболь пользуется им довольно часто.

Сгущающаяся темнота торопила: обтоптав снег у ствола, насторожил перед лазом две ловушки.

Насилу дождавшись утра, чуть свет побежал к берёзе, хотя мало верил в удачу.

Напрасно! Соболь угодил в капкан сразу, как только вышел из убежища. Метнувшись в сторону, попал во второй. Этому трофею я радовался вдвойне, поскольку достиг заветного рубежа — выполнил план по соболю и тем самым утёр-таки нос охотоведу, не одобрявшему решение директора госпромхоза о приёме на работу худющего городского очкарика.

В «амбарчике», где соболя съели вместе с приманкой двух соек, попалась... сойка. И всё повторилось по отработанному сценарию, в последнем акте которого я опять остаюсь с носом.

Деловые соболя уже понарыли вокруг жилых нор, а в сторонке, в небольшом углублении, устроили уборную. Нагуливая жир на дармовом питании, они наверняка посмеивались над незадачливым охотником. Зло взяло. Сколько ж они будут издеваться надо мной?!

Расставил все имевшиеся капканы у лазов, на тропках, вокруг приманки и тщательно замаскировал свои следы. Послезавтра на этом путике всё снимаю — неужели никого из них не успею поймать?

* * *

Сегодняшнее утро подарило восход, напоминающий извержение вулкана. Прямо над тёмным конусом горы разгоралось бордовое зарево, обрамлённое клубами тяжёлых, почти чёрных туч. Имитация извержения была настолько правдоподобной, что я невольно прислушался — не слышно ли гула?

Вчера разоружал Глухой, нынче очередь Крутого. Один из тех хитрых обжор, что столько дней безнаказанно пировал на дармовых харчах, всё же попался. Второй оказался хитрей и покинул место, где каждый день лязгают железные челюсти.

Сходил к берлоге, забрал остатки мяса. Лукса бóльшую часть за эти дни уже перенёс на лабаз. Прорубленное в липе отверстие промысловик хозяйски заделал двумя слоями коры, плотно прибив её к стволу деревянными клинышками: бережёт берлоги на своём участке.

Почерк бега соболей изменился. Заметно, что они возбуждены, проявляют повышенную активность. Бегают в основном парами и всё больше прямо, ни на что не отвлекаясь. Лукса говорит, это ложный гон начался. Настоящий будет в июле. А поскольку беременность у соболюшек длится около двухсот восьмидесяти дней, потомство появится, как положено, — весной.

ПРОЩАНИЕ

Четыре месяца пролетели как быстрая птица. Завтра выходим. Я уже предвкушаю жаркую баню с душистым берёзовым веником, просторную светлую избу, чистые постели. Что ни говори, а некоторые неудобства палаточной жизни со временем начинают утомлять. В зимовье они не так заметны. По крайней мере, в нём можно выпрямиться во весь рост, да и постоянно топить печь не требуется.

Впервые собрался на охоту раньше Луксы. Над промёрзшими вершинами хребта едва затлел рассвет, а я уже стоял на лыжах. Путик решил пройти в обратном направлении: сначала по пойме, а потом по горам. Дело в том, что

к середине февраля солнце к полудню поднимается уже высоко, и снег на пойме, подтаивая, липнет к камусу тяжёлым бугристым слоем.

У ближней протоки открылась радующая взор любого промысловика картина. Снежный покров истоптан мелкими следочками норки, а на краю промоины торчит пружина. Ну, думаю, подфартило напоследок. Осторожно потянул на себя цепочку. Капкан пошёл неожиданно легко, и... (о ужас!) между дужек лишь коготки. Ушла!

Я совершил ошибку, прикрутив два капкана к общему потаску. Это рационализаторство вышло боком: когда норка сдёрнула первый, второй капкан сработал вхолостую. Проклиная свою «изобретательность», рванул напрямик на перевал. Там на свежих тропках стояло три ловушки, и я надеялся, что напоследок фортуна всё же улыбнётся мне. Но увы...

Эти утренние неудачи поначалу расстроили меня. Но с каждым шагом в душе пробуждалось и нарастало ощущение той богатырской силы, от которой, как во сне, всё легко и просто. От того, что так весело и щедро смеётся солнце, искрится снег, от того, что план выполнен и будет хороший заработок, от того, что скоро домой, — настроение стремительно улучшалось.

Сердце наполнило ликование, рвавшееся мощной лавиной из груди. Чтобы дать выход этому восторгу, я во всё горло завопил марш

«Прощание славянки». Теперь можно не бояться, что обитатели Буге, не выдержав моего кошмарного пения (слух у меня отсутствует напрочь), в панике разбегутся. Зато эта необычайно красивая и жизнеутверждающая мелодия очень точно отражала моё состояние: редкое, незабываемое ощущение счастья, любви ко всему на свете. Казалось, что и тайга отвечает взаимностью, восторгаясь и ликуя вместе со мной.

Вечер посвятили упаковке снаряжения и добычи. Палатку, печку, капканы оставляем здесь: Лукса решил рубить зимовье сразу после ледохода, когда сюда можно будет подняться на моторной лодке.

Почаёвничав, разлеглись на шкурах и долго обсуждали итоги сезона, строили планы на будущее. От мысли, что завтра покидать этот исхоженный вдоль и поперёк ключ, милые сопки, защемило сердце. Долгих восемь месяцев не будет у нас чаепитий у жаркой печурки, неторопливых, задумчивых бесед, чувства приятной усталости от настоящей мужской работы...

Утром позавтракали последний раз в палатке, ставшей для нас практически родным домом. Загрузили нарты, впрягли в них Пирата. Окинули прощальным взглядом гостеприимный Буге и, отсалютовав из ружей, тронулись в путь, толкая нарты шестом-правилом.

В памяти невольно всплыли строки из Юриного стихотворения:

Тайга, тайга, мне скоро уезжать...
И где бы ни лежал мой путь,
Я знаю, что вернусь к тебе обратно.

Проходя мимо «святой семейки» — деревянных идолов, Лукса остановился:

— Спасибо, Хозяин. Мы плохие охотники, но ты много соболей дал.

И, почтительно приложив руку к сердцу, пошёл дальше. Я на всякий случай проделал то же самое. За время охоты у меня выработалась привычка соблюдать местные языческие ритуалы.

Конечно, успех охоты в основном определяется знанием и упорством промысловика, но бывает, что и умудрённый опытом таёжник терпит неудачу. И тогда он готов поверить в разного рода приметы, предзнаменования. Хотя зачастую всё дело в слепом случае, который может повлиять на исход сезона как новичка, так и бывалого промысловика.

Невзлюбившая нас погода усердно пакостила и в этот день. Едва успели пройти Разбитую, как повалил сырой снег. Тёплый ветер склеивал снежинки в тяжёлую влажную массу, прилипавшую к лыжам и нартам. Правда, когда лыжи промокли насквозь, снег липнуть перестал, но от «выпитой» лыжами и камусом влаги они превратились в пудовые кандалы. Сами мы стали похожи на мокрых куриц.

Тем не менее до Джанго добрались сравнительно быстро, но дальше русло на протяжении

километра покрывала льдистая каша свежей наледи, отнявшая у нас много сил. Идти с прежней скоростью уже не могли.

Лукса, привычный к таким переходам, подбадривал, но я совершенно выдохся. Горячий солёный пот заливал глаза. Шёл на автомате, словно в полусне, не представляя ни сколько сейчас времени, ни где мы находимся. Не заметил, как посерел и умер, уступив место ночи, день. В голове крутились бессвязные обрывки мыслей, среди которых назойливо повторялась только одна: «Идти... идти...»

Казалось, этому кошмару не будет конца. Тёплый южный ветер как-то незаметно сменился на западный — холодный. Начало подмораживать.

Из мокрых куриц мы медленно превращались в рыцарей, одетых в ледяные латы. Теперь каждое движение требовало дополнительных усилий. Непонятно как, но я потерял рукавицы. В довершение ко всему на правой лыжине порвалось крепление. Надо было заменить ремешок, но от усталости мной овладело полное безразличие, и я притулился к торосу.

О-о-о!!! Какое это блаженство — сидеть и не шевелиться. Мысли смешались, закружились быстрее и быстрее...

Луксе понадобилось немало времени, чтобы привести меня в чувство. Крепление уже было отремонтировано. Я встал и, пошатываясь, побрёл за наставником. Как добрались до стой-

бища — не помню. К действительности вернул дружный лай гвасюгинских собак. К дому Луксы подошли в пятом часу утра.

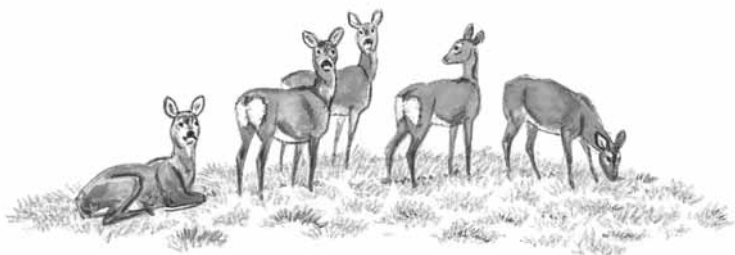
Мне едва хватило сил раздеться и упасть в приготовленную постель...

Когда открыл глаза, долго не мог понять, где нахожусь. Поразили непривычное тепло, тихая музыка, простенький коврик на бревенчатой стене. Наконец сообразил — я в Гвасюгах, у Луксы.

Ура!!! Не надо больше заботиться о дровах, ставить на морозе капканы, ходить по целине, карабкаться по крутым склонам.

Сладко потянувшись, уткнулся в подушку и вновь забылся глубоким, безмятежным сном.

СЛОВАРЬ НЕЗНАКОМЫХ СЛОВ

С. 19. *Бортъ* — улей в естественном или выдолбленном дупле дерева.

С. 22. *Валёжина* — сухой ствол, упавший на землю.

С. 24. *Ува́л* — вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами.

С. 27. *Тальни́к* — кустарниковая ива.

С. 28. *Крепъ* — здесь: глухолесье, глухой лес.

С. 29. *Леси́на* — одно, обычно большое, дерево; ствол.

Сопка — на Дальнем Востоке и в Сибири: небольшая гора.

Прижи́м — место на излучине реки, в которое бьёт речной поток.

С. 32. *Марáл* — крупный олень с большими ветвистыми рогами у самцов.

Лáнка — самка оленя.

С. 34. *Ста́рица* — старое русло реки.

С. 36. *Кухта́* — снег, падающий с веток.

Ость — длинный жёсткий волос в шерсти животного.

С. 42. *Верхóнка* — просторная рабочая рукавица, надеваемая поверх варежки.

С. 43. *Нодья́* — особый охотничий костёр для зимней ночёвки. Делается из двух-трёх сухих хвойных стволов, уложенных один на другой.

С. 44. *Урóчище* — участок, отличающийся от окружающей местности. Здесь: отдельный глухой или старый, спелый лес.

С. 45. *Отро́г* — ответвление основной горной цепи.

С. 47. *Боровáя дичь* — лесная птица (рябчики, куропатки, тетерева, глухари), являющаяся объектом охоты, спящая зимой под снегом.

Стéльная — беременная самка копытных.

С. 59. *Хлыст* — здесь: ствол дерева, очищенный от веток.

С. 63. *Кряж* — цепь невысоких гор.

Корьё — кора, снятая с дерева.

С. 74. *Кóмель* — здесь: нижняя, утолщённая, при-
мыкающая к корню часть дерева.

Отбóйное место — место на реке, где течение направлено от берега к центру. Расположено обычно на крутом повороте реки.

С. 80. *Вязкие... лайки* — собаки, которые плотно садятся на след, преследуют зверя.

С. 81. *Пихта́чи* — заросли пихты, пихтовый лес.

С. 83. *По́йма* — низкая часть речной долины, заливаемая в половодье.

С. 83. *Распа́док* — мелкая ложбина или небольшая боковая долина; длинный овраг.

Куру́мник — россыпь крупных камней.

С. 86. *Вы́воротень* — дерево с вывороченным, зачастую с землёй, корнем.

По́таск — след от добычи, когда её волокут по земле или снегу для привлечения зверя к капкану, или тяжёлый предмет, прикрепляемый к капкану, чтобы затруднить ход зверя.

С. 91. *Кабаро́жка* — имеется в виду *кабарга́*, самый маленький олень России; обитает в тайге. У кабарги нет рогов, вместо них у самцов острые клыки и задние ноги длиннее передних. Ещё одна отличительная особенность — мускусный мешочек (железа́) у самцов внутри живота.

С. 104. *Шта́тный* охотник — зверобой-профессионал, сдающий добытый мех и мясо в госпромхоз.

С. 130. *Куржа́к* — изморозь, иней.

С. 139. *Шиве́ра* — в Сибири и на Урале каменный пережат на реке с быстрым течением.

С. 141. *Марь* — заболоченное пространство в тайге и тундре, поросшее кустарником или отдельными деревьями.

С. 142. *Остане́ц* — отдельно стоящий массив горной породы.

С. 150. *Зимо́вье* — здесь: охотничья избушка.

С. 151. *Лабáз* — сооружение для хранения добычи и съестных припасов, поднятое на столбы, чтобы животные не могли его разорить.

С. 154. *Пу́тик* — охотничья тропа, вдоль которой устанавливаются капканы и ловушки.

С. 157. *Торóсистый* — состоящий из нагромождений обломков льда.

С. 161. *Зыбу́н* — трясина, болото, покрытые слоем растительности, образующиеся при зарастании рек, озёр и т. п.

С. 173. *Ю́кола* — на Севере и Дальнем Востоке России: вяленые пласты рыбы.

У́лы — кожаная обувь с суконным голенищем.

Оморóчка — маленькая долблёная лодка, используемая коренными народами Дальнего Востока.

Хунху́зы — китайские разбойники, грабители.

С. 174. *Прото́ка* — рукав реки; ручей или речка, соединяющая два водоёма.

С. 175. *Па́нты* — ещё не окостеневшие, мягкие рога пятнистого оленя, марала или изюбря. Народная медицина считает, что панты возвращают молодость, изгоняют хворь.

С. 178. *Гон* — состояние и поведение зверей в брачный период.

Скра́дывание — здесь: выслеживание добычи.

С. 179. *Изю́брь* — крупный восточноазиатский олень.

С. 181. *Ильм* — большое лиственное дерево с ценной, прочной древесиной.

С. 182. *Ленóк* — рыба семейства лососёвых.

С. 184. *Пу́дзя* — главное божество у удэгейцев.

С. 186. *Гайно́* — здесь: зимнее кабанье гнездо, на котором звери спят, прижавшись друг к другу. Представляет собой слой срезанных клыками веток.

Тропи́ть — выслеживать зверя по следу.

Секáч — здесь: взрослый самец кабана.

С. 187. *Стла́ник* — низкорослый, стелющийся по земле кустарник, образующий густые, труднопроходимые заросли.

С. 193. *Мездра́* — слой подкожной клетчатки на невыделанной шкуре.

С. 194. *Тори́ть* — прокладывать тропу.

С. 196. *Отсто́й* — здесь: отвесная скала, на которой спасаются олени, горные бараны от волков и собак.

«*Жакáн*» — самодельная пуля особой конструкции для стрельбы из гладкоствольного ружья при охоте на крупного зверя.

С. 198. *Окамусо́ванные* — оклеенные камусом. *Ка́мус* — шкура с голени северных оленей, маралов, изюбрей, лосей или лошадей; приклеивается таёжными охотниками к поверхности лыж, чтобы они не скользили обратно при подъёме в гору.

С. 200. «*Амба́рчик*» — снежная куча с пещеркой, куда кладут приманку.

С. 207. *Выволок* — передняя часть следа.

С. 231. *Бат* — грузовая долблёная лодка, как правило из ствола тополя.

С. 233. *Стре́жень* — место в реке (обычно в середине) с наибольшей глубиной и скоростью течения.

С. 242. *Подрѣзка* — способ охоты на пушного зверя, при котором капкан устанавливается на тропке пушных зверьков под снежным следом.

С. 243. Актини́дия *аргу́та* — мощная лиана, длиной 10—20 м. Плоды внешне напоминают крупный крыжовник и приятны на вкус.

Актини́дия *коломи́кта* — во многом сходна с аргутой, но отличается неодновременным созреванием на протяжении августа более мелких плодов, массой 3 г. Есть отличия и в листьях: у коломикты они шершавые, а у аргуты — гладкие.

С. 248. *Падь* — на Дальнем Востоке: ущелье в горах.

С. 267. *Сбе́жка* — схождение, соединение следов.

С. 277. *Камла́нить* — исполнять ритуал, сопровождающийся пением и ударами в бубен, во время которого шаман, приходящий в состояние экстаза, общается с духами.

С. 307. *Песту́н* — медвежонок предыдущего помёта (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

С. 315. *Вей́ник* — полевой злак с красивой густой метёлкой.

С. 317. *Прибыло́й* — волк этого года рождения.

Перея́рок — волк прошлогодного помёта.

С. 322. *Колу́н* — форма для литья пуль.

С. 333. *Тала́* — излюбленное блюдо северных народностей. Готовится из сырого мяса ленка, тайменя или хариуса.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Звонарёва. Рыцарь леса</i>	5
--	---

ПОВЕСТИ

Маха, или История жизни куницы	13
Богдан, или История жизни рыси	69
Щедрый Буге	163

Для детей старше 12 лет (12+)
(В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ)

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего школьного возраста

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Зиганшин Камиль Фарухинович

ТАЁЖНЫМИ ТРОПАМИ

Повести

Ответственный редактор

С. А. Стогова

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Корректоры

О. И. Голева, Р. В. Низяева

Компьютерный дизайн обложки,
подготовка иллюстраций к печати

Т. В. Добролюбова

Компьютерная вёрстка

В. И. Тушева

Подписано в печать 15.10.21. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Шрифт «Школьный». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 10,94. Тираж 3000 экз. Заказ .

Орден Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов

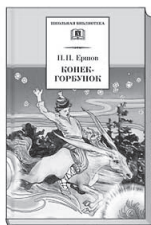
АО «Издательство «Детская литература».

117418, Москва, ул. Новочерёмушкинская, 61.

www.detlit.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь
по тел.: +7(495)933-55-65, доб. 205.

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Серия «Школьная библиотека» — неизменный спутник многих поколений школьников. В ней издаются лучшие произведения отечественной и зарубежной литературы со вступительными статьями и комментариями известных критиков и литературоведов.

Книги иллюстрированы лучшими художниками, имеют удобный формат и небольшой объем, рекомендованные для детского чтения шрифты, твердый целлофанованный переплет.

Постоянно в наличии более 200 книг для учащихся всех классов.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ В СЕРИИ ВЫХОДЯТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Богомоллов В. Момент истины («В августе 44-го...»)
Булычев К. Девочка с Земли
Велтистов Е. Рэсси — неуловимый друг
Воронкова Л. Сын Зевса
Голосовкер Я. Сказания о титанах
Дойл А. К. Записки о Шерлоке Холмсе
Катаев В. Сказки и рассказы
Кунин В. За три моря
Метерлинк М. Синяя птица. Обручение
Островский А. Снегурочка
Ремизов А. Избранное
Томин Ю. Шел по городу волшебник
Трутнев Л. Живая душа
Шмелев И. Богомолье

Тел.: (495) 685-07-15
<http://www.detlit.ru>